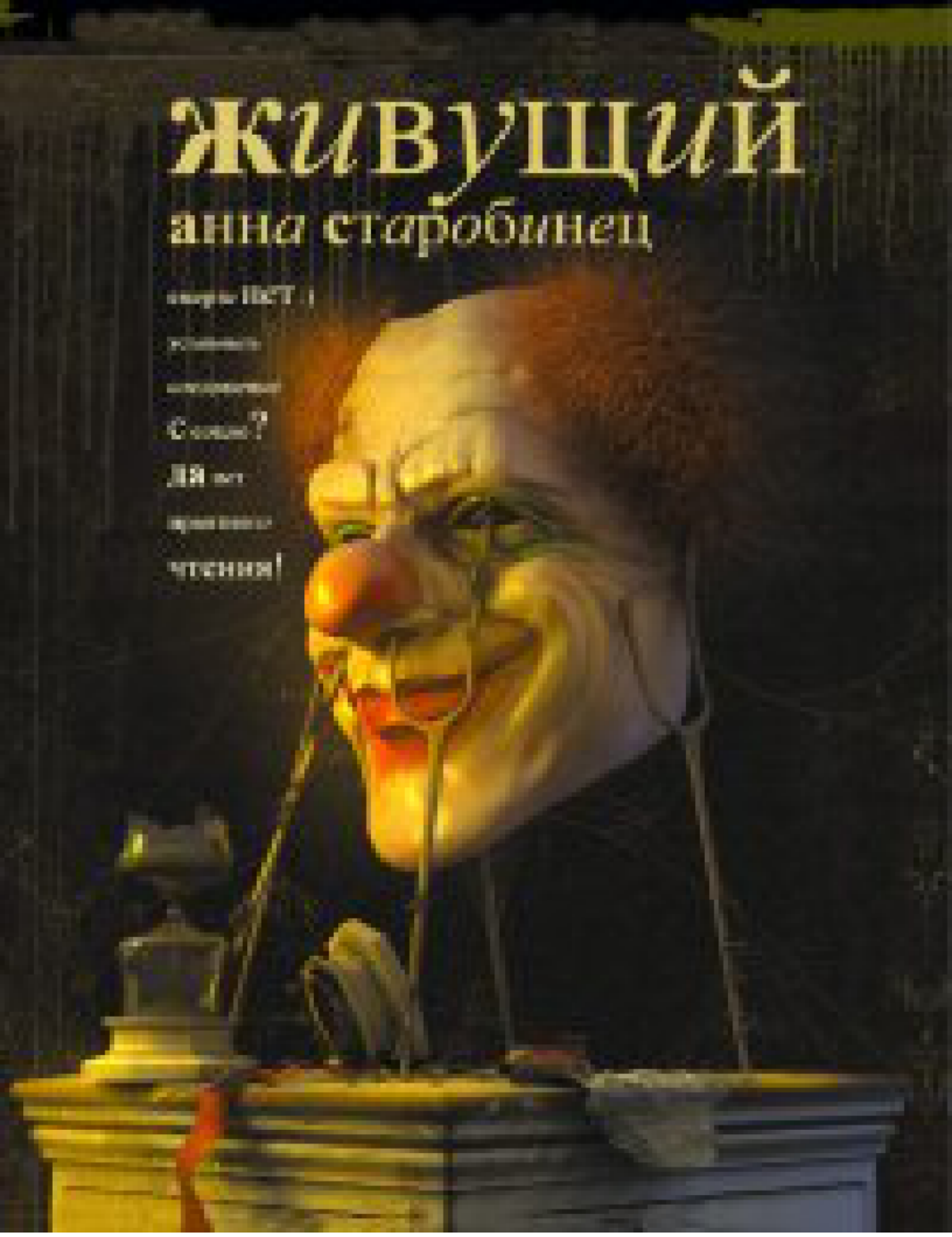
Живущий

анна старобинец



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

После Великого Сокращения настала новая эра. Родился Живущий: человечество превратилось в единый, постоянно воспроизводящий себя организм. «Число Живущего неизменно», — так сказано в Книге Жизни.

Живущий равен трем миллиардам — ни больше, ни меньше. Живущий счастлив. Живущий всеблаг. Живущий бессмертен… Ты тоже бессмертен. Живущий создал для тебя новый мир. В этом мире не важно, кто твой биологический предок — важно, кем ты был в прошлой жизни, до Паузы. В этом мире нет стран, городов и границ, религий и наций, войн и террора. Это дивный, стабильный мир, в котором у тебя всегда есть подключение к Социо.

Глобальная сеть у тебя в мозгу — она делает тебя частью целого…

Но вот однажды в этом мире появляется лишний. Младенец без прошлого, увеличивший численность на единицу. Кто он такой? Твой новый друг в Социо — или враг, который уничтожит Живущего?

- Анна Старобинец
  - * * *
  - Часть первая
    - Ханна
    - Безликий
    - Зеро
    - Безликий
    - Зеро
    - Безликий
    - Клео
    - Ученый
    - Зеро
    - Досье
    - Зеро
    - Досье
    - Зеро
    - Ученый
    - Зеро
    - Ученый
    - Зеро
  - Часть вторая
    - Досье

        - Зеро
        - Безликий
        - Клео
        - Досье
        - Клео
        - Эф
        - Зеро
        - Kleo.doc
        - Безликий
        - Зеро
        - Клео
        - Безликий
        - Чудо
        - Клео
        - Люксурия
        - Цербер
    - Часть третья
        - Восемь
        - Волк
        - Тезки
        - Мудрейший
        - Кукла
        - Сбой
        - Второй
        - Преемник
        - Шоумен
        - Лекарь
        - Изоптера
        - Тролль
        - Система
        - Откровение Мудрейшего в Доступном Саду
    - Часть четвертая
        - Мудрейший Пророк
        - Клео
        - Мудрейший Пророк
        - Сын Мясника
        - Тролль
        - О
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5

○ 6

Анна Старобинец
Живущий

* * *

Вас приветствует Всемирный исторический банк данных «Ренессанс».

Внимание!

Данная ячейка содержит только частные письма и документы.

Данная ячейка арендована на 120 лет с правом последующего продления.

Доступ к данной ячейке открыт исключительно для арендатора.

Доступ к данной ячейке закрыт для арендатора, не достигшего восьмилетнего возраста.

Введите Ваш инкод.

Спасибо, инкод принят.

Приложите к светящейся части экрана Вашу электронную пластиковую карточку носителя инкода.

Спасибо, карточка принята.

Приложите к светящейся части экрана вашу левую руку.

Отказ в идентификации.

Внимание!

Убедитесь, что ладонь плотно соприкасается со светящейся частью экрана, и повторите попытку.

Отказ в идентификации. Извините,

вам отказано в доступе к данной ячейке.

Всемирный исторический банк данных «Ренессанс» передаст в ПСП информацию о попытке…

Внимание! Сеанс прерван. Вы ввели код доступа ПСП уровня 1.

Код доступа уровня 1 принят.

Код доступа уровня 2 принят.

Код доступа уровня 3 принят.

Тройной код ПСП обрабатывается…

Данная ячейка содержит только частные письма и документы.

Банк не несет ответственности за точность информации, содержащейся в данной ячейке.

Внимание! Тройной код обработан.

Тройной код принят.

Теперь Вы можете открыть ячейку как *гость.*

Приятного чтения.

Смерти нет.

Часть первая

Ханна

документ № 1 (личная запись арендатора)

Сентябрь 439 года от р. ж.

Первый день убывающей луны

…Врач, который делал мне анализ, сначала не слишком обеспокоился. Он просто сказал, что соединение дает сбои, так что придется все повторить, извините уж, что заставляю вас ждать. Он застыл, не мигая, глядя мимо меня, сквозь меня. Его зрачки сужались и расширялись бессистемно, в каком-то дерганом ритме. Потом ритм установился, и он зачем-то закрыл глаза. Как если бы не мог удержать три слоя — но ведь у медиков так не бывает… Значит, он полез глубже; зачем?.. В кабинете остро запахло потом, и я задержала дыхание. Я заметила, что его веки, и лоб, и крылья носа влажно блестят. Я подумала: с ним что-то не так, с этим врачом, это он дает сбои, соединение в полном порядке…

Когда он снова открыл глаза, лицо у него было такое, точно он увидел инкод Сына Мясника или даже не инкод, а его самого, с усталой улыбкой труженика и с вонючим окровавленным топором, как в сериале «Вечный убийца».

— Я вынужден произвести процедуру еще раз, — сказал он, и я заметила, что его руки дрожат.

— В третий раз?

Он ничего не ответил, только отсоединил от моего живота один датчик и прицепил другой, точно такой же.

С минуту мы сидели молча: я в этом огромном холодном кресле, и он напротив меня. Я подумала: если там, внутри меня, кто-то из Черного списка — какой-то маньяк, навроде Сына Мясника или Порченого, — я так и не увижу его, не увижу ни разу, и в исправительном Доме они будут держать его в одиночке, они будут кормить его три раза в день и не скажут ему ни слова, до самой смерти не скажут ни слова, он так и не поймет, что к чему. Я подумала, что за лицемерие называть эти Дома исправительными. Никто никогда и ничего не пытается там исправить. Их просто там держат. В сытости и молчании…

Потом датчик пискнул, и врач снова считал результат, судя по всему, тот же самый.

Я спросила:

— Что-то не так?

Он молчал.

— Что-то не так с ребенком?

Он встал и прошелся по кабинету.

— Его отец… — Голос врача дребезжал, как пивная банка, катящаяся по асфальту. — Он вам известен?

— Нет. Это фестивальный ребенок.

— Одевайтесь, — он глядел мимо меня. — И ждите там, в коридоре. Я вызвал сотрудника ПСП.

— Он неправильный?

— Что, простите?

— Ребенок. Родной. Мой Родной из Черного списка?

— А… нет… — Он, наконец, посмотрел на меня, но как-то странно: словно издалека, словно через бинокль, словно я маячила где-то на горизонте, словно я была в *социо,* а не здесь, перед ним. — Нет. Ваш Родной не из Черного списка.

— Тогда почему сотрудник? Что я сделала? В чем мое нарушение?

— Не в моей компетенции, — сказал он рассеянно и тут же перестал меня замечать. Его явно занимала какая-то другая беседа в глубоком слое.

Сотрудник не слишком спешил. Он явился минут через сорок, и все эти сорок минут я провела в коридоре, глядя, как входят в двери кабинетов напряженные, раздраженные, привычно напуганные предстоящим открытием самки, старающиеся настроить себя на худшее, но все-таки упорно цепляющиеся за лучшее. Надежда. От них прямо-таки фонит надеждой. Волны ядовитой надежды заливают весь коридор. Авось обойдется. Авось не сейчас. Авось я пустая.

Из кабинетов они выходят другими. Пустышки — плавной и стремительной походкой танцовщиц, они как будто становятся тоньше, они как будто становятся легче от клубящейся в них пустоты.

Остальные ступают тяжело, словно они в одночасье набрали вес. Их взгляд обращен внутрь; о, этот знаменитый смиренный взгляд — он оценивает, пытается разглядеть и понять растущее внутри лишнее.

Смирение, ответственность, долг — скажут им завтра их психотерапевты. Смирение перед Природой. Ответственность перед Родным. И долг перед Живущим. Да, это тяжело. Эти три составляющих гармонии причиняют вам неудобства. Но утешение вы найдете в оставшихся трех. Удовольствие, стабильность, бессмертие. А теперь давайте встанем в круг, возьмемся за руки — желающие могут надеть контактные перчатки, они стерильны, — и повторим это хором: «Гармония Живущего складывается из шести составляющих: смирение, долг, ответственность, удовольствие, стабильность, бессмертие». А теперь скажем все вместе: «Гармония Живущего зависит и от меня

лично».

Мой психотерапевт полагает, что тактильный контакт и повторение хором — самый прекрасный тренинг. Болезненный, но полезный. Он говорит, хоровод и хор — это своего рода макет. В хороводе ты куда наглядней, чем в *социо,* понимаешь, что являешься частью Живущего… В хороводе ты чувствуешь себя более защищенным. В хороводе тебя не пугают даже Пять Секунд Тьмы.

— …Смерти нет! — Планетарник тяжело плюхнулся в свободное кресло рядом со мной и поставил у ног квадратный черный портфель;

зеркальная маска, облепляющая его лицо, была чуть мутноватой, с разводами. — Жарко сегодня…

— В чем мое нарушение?

— Ни в чем.

— Тогда зачем вы хотите меня допросить?

— Это моя работа. — Планетарник взглянул на меня внимательно и, насколько можно было судить по выражению маски, брезгливо. — Прошу вас, наденьте.

Он протянул мне другую зеркальную маску, тоже не слишком чистую.

— Обязательно использовать «болтуна»?

— Устройство для ведения беседы обязательно. — Он нетерпеливо встряхнул протянутой маской. — Наденьте. Внутри все стерильно. Вот так, спасибо, Ханна… Это просто беседа. Отнюдь не допрос…

Маска была холодной. Холодной и липкой, как прикосновение глубинной морской твари.

— …Сейчас я подключу вашу маску к устройству для ведении беседы… Угу… И свою тоже… Вот так. Это просто для того, чтобы наша беседа была записана, ничего больше.

Его голос под маской вдруг отвратительно изменился, превратился в какое-то монотонное жужжание.

— …По окончании беседы вы получите копию стенограммы. Никакого вреда ни вам, ни вашему… э-э-э… плоду устройство для беседы причинить не может, оно выполнено из высокоэкологичного…

— В чем мое нарушение? — Я тоже жужжала, как неисправная кнопка электрического дверного звонка.

— Ни в чем.

— Я не понимаю, что происходит.

— Я тоже, — он улыбнулся зеркальным ртом. — Я тоже не понимаю. Именно поэтому от вас требуется рассказать все, что связано с вашим… э-э-э… плодом, максимально подробно.

— Это фестивальный ребенок.
— Я попросил подробно…

Хотите прервать работу с документом № 1?
да *нет*

Работа с документом прервана

Перейти *к другому документу или* завершить *работу с ячейкой?*

Переход к документу № 3…

Документ № 3 (копия стенограммы беседы арендатора с сотрудником ПСП от 10. 09. 439 г. от р. ж.)

Сотрудник ПСП: От вас требуется рассказать все, что связано с вашим плодом, максимально подробно.
Собеседница 3678: Это фестивальный ребенок.
Сотрудник ПСП: Я попросил подробно.
Собеседница 3678: Сегодня, в первый день убывающей луны, я явилась в Медцентр № 1015 в соответствии с законом о ежемесячном контроле численности населения. Врачи установили беременность…
Сотрудник ПСП: Ранее вы исправно являлись в Центр?
Собеседница 3678: Да, конечно. Я прихожу сюда каждый месяц.
Сотрудник ПСП: Ранее врачи Центра устанавливали у вас беременность?
Собеседница 3678: Нет. Это случилось впервые.
Сотрудник ПСП: Ранее вы не имели сексуальных контактов?
Собеседница 3678: Имела.
Сотрудник ПСП: У вас были проблемы с фертильностью?
Собеседница 3678: Нет.
Сотрудник ПСП: Тогда почему беременность первая?
Собеседница 3678: Я предохранялась.
Сотрудник ПСП: Это запрещено.
Собеседница 3678: У меня есть разрешение.
Собеседница 3678 копается в сумочке. Датчик отмечает повышение температуры тела на 0,3 градуса, увеличение пульса до 130 ударов в секунду, размер зрачка — 6,3 мм, что на 2,8 мм превышает норму при данном световом фоне.
Собеседница 3678: Вот.
Собеседница 3678 демонстрирует сотруднику ПСП документ:

разрешение на использование контрацептивов, выданное на основании медицинского заключения о легком психическом расстройстве собеседницы.

Сотрудник ПСП: Расскажите подробнее о фестивале.

Собеседница 3678: Ребенок был зачат на районном Фестивале Помощи Природе в минувшее новолуние, в рамках программы контроля за численностью населения, в соответствии с законом о плановом…

Сотрудник ПСП: Опознаете отца?

Собеседница 3678: Вы издеваетесь?

Сотрудник ПСП: Я делаю свою работу.

Собеседница 3678: Как я могу опознать отца? Я же говорю вам: ребенок зачат на фестивале, откуда мне знать, кто из…

Сотрудник ПСП: Сколько партнеров было у вас на фестивале?

Собеседница 3678: Пять… Семь… Не знаю.

Сотрудник ПСП: По нашим данным, на минувшем Фестивале Помощи Природе в зону Воспроизведения прошли тысяча триста пятьдесят два мужчины. Мы приведем к вам на очную ставку всех. Вы сможете опознать среди них своих партнеров?

Собеседница 3678: Не знаю. Не уверена… Я не обязана это делать. Закон о приватности сексуальных контактов пока еще никто не отменял.

Сотрудник ПСП: Естественно, вы не обязаны. Это всего лишь просьба. Просьба Планетарной Службы Порядка.

Собеседница 3678: Я выполню вашу просьбу, если вы объясните мне, что происходит.

Сотрудник ПСП: Хорошо, постараюсь вам объяснить. На Фестивале Помощи Природе, в котором вы принимали участие, в зоне Паузы было временно прекращено существование шестисот десяти человек. Одновременно в зоне Воспроизведения было зачато шестьсот одиннадцать человек. Из них шестьсот десять являются прямой инкарнацией оставшихся в зоне Паузы, все инкоды полностью совпадают. И лишь один — ваш — фестивальный ребенок…

Собеседница 3678: И из-за этого вы меня так напугали? Яппп! [1] Это же просто смешно! Доказано, что в фестивальных детях лишь в девяносто пяти процентах случаев стабильно воспроизводятся паузники, а в остальных пяти инкоды могут быть чьи угодно. Вы что, напялили на меня эту штуковину только для того, чтобы сообщить, что инкод моего Родного не совпадает ни с одним из паузников? Ну и что из того? Мне совершенно все равно, чей инкод у ребенка, квин[2], главное, чтобы не преступника какого-нибудь… Он ведь не преступник, правда?

Сотрудник ПСП: Я не знаю.

Собеседница 3678: А я знаю. Доктор сказал, что мой Родной не из Черного списка.

Сотрудник ПСП: Это верно. Среди инкодов Черного списка инкод вашего плода не значится.

Собеседница 3678: Тогда в чем проблема?

Сотрудник ПСП: Проблема в том, что инкод вашего плода… инкод вашего Родного вообще нигде не значится.

Собеседница 3678: Я вас не понимаю. В каком смысле?

Сотрудник ПСП: В прямом. Его инкод не повторяет ни один из имеющихся в мировой базе инкарнационных кодов: ни один из трех миллиардов. По сути, никакого инкода у вашего будущего ребенка вообще нет.

Вместо инкарнационного кода оба аппарата, при помощи которых вам производилась внутриматочная диагностика, выдали результат «ноль».

Собеседница 3678: Ноль?

Сотрудник ПСП: Ноль. Зеро. У него нет инистории. Ваш Родной никогда не жил раньше.

Собеседница 3678: То есть… но… как же тогда… вместо кого он? Значит, кто-то из временно прекративших существование не воспроизвелся? Исчез? Так, что ли?

Сотрудник ПСП: Отнюдь. Никто не исчез. Добавился новый.

Собеседница 3678: Это невозможно! Вы сотрудник Планетарной Службы, как вам не стыдно? Вы что, сектант? Что за ересь вы говорите? Сказано ведь: «Число Живущего неизменно, Живущий есть три миллиарда живущих, и ни один не убудет от него, и ни один не прибудет, ибо в вечном перерождении заключена…»

Сотрудник ПСП: Не трудитесь, я тоже читал Книгу Жизни и учил ключевые места наизусть. Но факт есть факт. Количественный состав Живущего изменился и составляет теперь три миллиарда один. И этот один — ваш Родной с его нулевым инкодом. Боюсь, вы даже не представляете, насколько все это серьезно. Никто пока не представляет.

Собеседница 3678: Он… мой Родной может быть опасен для гармонии Живущего?

Сотрудник ПСП: Не исключено.

Собеседница 3678: Его посадят в исправительный Дом? Почему вы качаете головой? Его… Ему не дадут родиться? Мне нужно будет сделать аборт?

Сотрудник ПСП: Такие вопросы решаю не я. В течение ближайших семи дней «проблема Зеро» будет рассматриваться на самом высоком уровне. Все эти дни вы будете находиться в стационаре под присмотром врачей. Вы не имеете права покидать

пределы своей палаты вплоть до вынесения решения Советом Восьми. Завтра к вам доставят для очной ставки первые три сотни мужчин, принимавших участие в фестивале. Вам все ясно?

Собеседница 3678: Да.

Сотрудник ПСП: У меня к вам последний вопрос. Если у вас есть разрешение использовать контрацептивы, почему вы не предохранялись на фестивале?

Собеседница 3678: Потому что я хотела зачать ребенка.

Сотрудник ПСП: В каком смысле?

Собеседница 3678: В прямом. Я хотела ребенка.

Сотрудник ПСП: Поясните вашу мысль.

Собеседница 3678: Медицинская справка позволяет мне предохраняться, но она не избавляет меня от высшего долга перед Живущим. Я выполняла свой долг. Вам что-то не нравится?

Сотрудник ПСП: Ну что вы. Ваша позиция заслуживает всяческого уважения… Благодарю за беседу.

(конец стенограммы)

Перейти *к другому документу или* завершить *работу с ячейкой?*

цербер: может по пиву?

Внимание! Сейчас следует перейти *к другому документу или* завершить *работу с ячейкой.*

— Ну все, хватит уже, Эф, завершай. Пойдем выпьем пива. В этом чертовом банке душно, как у Живущего в заднице. И эта чертова маска расплавится у меня прямо на морде, если я сейчас не глотну холодненького!

Перейти *к другому документу или* завершить *работу с ячейкой?*

— Ладно, уговорил. — Эф вяло тычет в «завершить» забинтованной рукой. — Давай по пиву.

Безликий

Прохожих нет. Еще не стемнело, но маленькие фонарики, встроенные между плитками мостовой, уже подсвечивают своим золотистым сиянием вечерний туман и нежно-розовый, с тончайшими белыми прожилками, мрамор.

клео: смерти нет эф вдруг ты тут

Ботинки Эфа оставляют на мраморе черные следы сажи, и электронная чудо-уборщица, застывшая у тротуара в бикини и резиновых перчатках, с тихим щелчком включается, встает на четвереньки и принимается оттирать. Она быстро ползет вслед за ними, призывно отклячив зад и тихо, монотонно постанывая. Подразумевается, что такие, как она, должны вызывать у прохожих желание плодиться и размножаться.

Цербер оборачивается и смачно плюет на розовый мрамор. Уборщица покорно тянется тряпкой к плевку.

— А пошла ты! — гогочет Цербер и слегка пинает ее в лицо остроносым ботинком. Уборщица застывает и, не разжимая пластиковых губ, выдает сладострастное «уоу»: согласно программе, она реагирует на прикосновение.

цербер: хорошая пивиуха есть за углом

цербер: слышь чего говорю?

цербер: эф!

— Хорошая пивнуха есть на углу с Гармонией, — говорит Цербер вслух. — Ты что, офлайн?

эф: нет извини просто задумался, ок. пойдем на гаромнию

Они сворачивают налево. Проспект Гармонии пуст; конкретная скульптура — огромная бронзовая ладонь — выглядит одиноко, словно ждет и никак не дождется от кого-то рукопожатия… Лишь полоумный Матвей, тощий и длинный старик, бродит у подножия конкреции, трясет своим колокольчиком и надсадно кричит:

— Он умер за нас! Он умер за наши грехи! Умер за нас!

клео: все в порядке?

— Нарушаем? — вскидывается Цербер. — Употребляем слова?

— О, он есть начало и конец! — подвывает Матвей. — Имя ему — Зеро! Он умер за нас! Сгорел в священном огне!..

клео: я беспокоюсь когда ты долго серый ©

— …Умер, умер за нас!

— Молчать! — огрызается Эф. — Твое счастье, что я хочу пива. А то бы ты у меня быстро в исправительный отправился!

— О, вы, кровавые адовы псы! Прислужники дьявола! Люди с

зеркальными лицами! Люди без лиц! Люди без голоса! Трепещите, ибо грядет! И будет царство его! И будет воля его! Ишь ты еси неси беси! А вы низвергнуты будете! И повергнуты будете! Ибо он умер за нас! Ибо он есть Спаситель! И имя ему — Зеро!..

клео: может у тебя соединение не в порядке? обращусь в службу поддержки

…Пиво отдает железом. То ли само по себе, то ли маска, облепившая нос и губы, придает напитку этот металлический вкус. Эф проводит кон— чином языка по внутренней стороне щеки. Нет, не маска. Щека, разбитая изнутри о зубы, кровоточит, в этом все дело.

Цербер возвращается со второй кружкой пива, тяжело падает на стул напротив, всасывает в себя сразу треть и снова вылупляет на него мягкие и бессмысленные овалы зеркальных глаз. В этих глазах отражаются зеркальные глаза Эфа» в которых отражаются эти глаза» в которых отражаются… Эфа начинает тошнить, словно от морской качки, он опускает голову и смотрит в стакан. Пенистая поверхность пива не отражает ничего.

цербер: а он сказал что-нибудь, этот Зеро, перед тем как… — *Цербер оглядывает пустые столы вокруг и на всякий случай придвигается ближе,* — *…прежде чем он себя… это самое… уничтожил?*

эф: послушайте, я просто хочу быть как все.

цербер: чего ты хочешь эф?!

эф: я?))) я хочу спать, а этот зеро, он перед смертью сказал: послушайте, я просто хочу быть как все.

цербер: не говори так!!!

— Не говори так, Эф! — Цербер явно занервничал. Он так нервничает, что даже мерное жужжание, в которое превращает его голос «болтун», звучит тоном выше. — Не говори про смерть. Смерти нет. — Цербер выразительно кивает на «болтуна» под столом и крутит пальцем у виска. Мол, там все фиксируется, придурок.

СТП_197: *проблемы с соединением? наша служба техподдержки быстро, эффективно и качественно отрегулирует связь в любое время суток, личный контакт не требуется!*

— Для него смерть была, — устало говорит Эф. — Для Зеро. Ты же знаешь, он родился без инкода. А вчера он умер. Взорвал чудо-солнышко и умер. Больше никаких нулей, Цербер. У него нет продолжения — подтверждено всеми центрами по контролю за населением. Это не пауза. Это — смерть.

цербер: я одного только не пойму как он мог РАЗДАВИТЬ В

РУКЕ чудо-солнышко?? это же не в человеческих силах… может быть он вообще не человек был?

эф: по всем биологическим признакам человек)) думаю он просто заранее там поковырялся подкрутил что-нибудь… или оно просто было бракованное так тоже бывает.

цербер: ладно в любом случае оно в общем и к лучшему, для Живущего. — Цербер растягивает влажные от пива зеркальные губы в улыбке и мерно жужжит: — «Число Живущего неизменно, Живущий есть три миллиарда живущих, и ни один не убудет от Него, и ни один не прибудет»… И никаких тебе больше нулей. Ты-то рад?

— Рад, — говорит Эф. — Очень рад. Только я страшно устал. И руки болят. — Он вяло шевелит забинтованными пальцами.

— Сильно обжег, да?

— Вся кожа облезла. цербер: яппп… а лицо?

эф: лицо нет я же в маске был она огнеупорная цербер: покажи эф: что показать?

— Ну, лицо. А то ты все щеку трогаешь. Может, все же обжег? Сними маску, я посмотрю.

Эф вскакивает с места. И снова садится.

— Сотрудник Цербер. Вы только что предложили мне нарушить устав Планетарной Службы Порядка. Ваши слова зафиксированы моим устройством для ведения бесед, и я со всей ответственностью…

ПСП-сервис: доступ 3 степени: обработка сигнала: хотите сделать официальное заявление? эф: пока нет

— Ладно, ладно, чего ты запрыгал, как блоха? Просто маленькая проверка. Шутка! — Цербер жужжит примирительно.

— Так шутка или проверка?

цербер: изоп![3] *дружеская шутка конечно!*

Эф смотрит на свое отражение в зеркальной физиономии Цербера и снова чувствует прилив тошноты. Отхлебывает пива. Закрывает глаза. Становится хуже.

Темнота не приходит, на месте темноты возникает *структура.* Словно он уткнулся лицом в размякший термитник… Сотни маленьких овальных ячеек, пористая подвижная масса. Большинство ячеек сочатся доступным и занятым свечением и слегка пульсируют. Остальные, тускло-серые, неподвижные, кажутся покинутыми. Ячейка Цербера тоже притворяется нежилой… *цербер: перестань ты ж меня сто лет знаешь! эф: ок проехали клео: эф!!!*

Одна из доступных ячеек набухает, широко распахивается, словно вся превращается в жадный рот. *клео: эф я знаю ты там*

Он открывает глаза. Зеркальная маска Цербера отражает его

зеркальную маску, отражающую маску Цербера… Нижнюю челюсть сводит и язык тоже. Он вскакивает.

— Ты чего?

— Меня сейчас вырвет.

автодоктор: расслабьтесь, глубокий вдох — вы-ы-ы-дох. вдох — вы-ы-ы-дох. вы слишком устали, вам нужно поспать, алкоголь не рекомендуется. больше жидкости и прогулки на воздухе.

— Ну как, отпустило? — сердобольно интересуется Цербер. — Может, пивка еще?

— Я слишком устал, — говорит Эф. — Мне нужно поспать. Алкоголь не рекомендуется. Рекомендуются прогулки на воздухе… Смерти нет!

Он идет к выходу.

— Смерти нет, — отзывается Цербер и аккуратно рыгает, прикрыв зеркальные губы рукой. «Болтун» перерабатывает его отрыжку в короткий отчаянный вой.

тема: письмо счастья
от кого: несогласный
У тебя тупая работа, и до паузы была тупая работа, и после паузы будет тупая работа. А ты хочешь быть сценаристом или дизайнером. Иди за Зеро — он пришел, чтобы изменить твою жизнь.
!осторожно*! возможно, это спам*
пометить это сообщение как спам? да нет

Эф помечает его как спам, хоть это и бесполезно: «письмо счастья» уже отправилось с его адреса десятку друзей. Остановить процесс невозможно. Уж он-то знает.

Тут же новое сообщение:

тема: важно
от кого: несогласный доброжелатель
Не верь обману. Луч Лео-Лота мог светить в обе стороны, назад и вперед…

Эф дочитывает письмо до конца и чувствует, что между лицом и маской появляется еще один слой — холодная пленка пота. Он помечает письмо как спам, хотя и знает, что это не спам; потом удаляет; он запомнит текст наизусть. Сердце бьется в кончиках пальцев, в ушах и под кадыком, словно разорвалось на сотню карликовых сердец и кровь разнесла их по телу.

возможно, вам страшно? — спохватывается автодоктор.

Возможно. Но это — не твое дело.

Когда Эф сворачивает на Гармонию, начинается дождь — внезапно, без предупредительных брызг, будто включился на полную мощность автоматический душ дезинфекции.

Бледно-розовый мрамор, намокнув, становится цвета сырой печенки. Капли дождя в свете встроенных в мостовую фонариков кажутся стайками золотых насекомых, слетевшихся на запах крови.

клео: в службе поддержки проверили связь ты просто в инвизибле

Капли дождя щекочут голые пластиковые тела электронных уборщиц, и уборщицы покорно стонут. Капли дождя мягко ударяются о зеркальную маску Эфа, не принося облегчения. Не принося свежести. Если бы снять. Если бы снять и почувствовать холодную влагу…

— Трепещите, ибо грядет… Трепещите, ибо грядет… Трепещите, ибо грядет… — Долговязый Матвей перетаптывается босыми ногами прямо на фонарике, в золотом столбе света. Золотые струи текут по его лицу, кудрявым седым патлам и шее.

— Люди без голоса! — оживляется при виде Эфа старик. — Люди с зеркальными лицами!

Эф замедляет шаг.

— Смерти нет, Матвей. Ты весь мокрый. Иди домой.

Он хотел бы, чтобы слова прозвучали мягко, но «болтун» пережевывает и выплевывает их как приказ.

Матвей широко распахивает свои мутно-голубые глаза и заливается визгливым смехом, обнажив зубы, гнилые и длинные, как у лошади. Потом скулит и присаживается на корточки. Возит костлявым пальцем по мокрому яркому мрамору:

— Ты видишь, какого цвета *на самом деле* земля? Видишь, какого цвета на самом деле?

— Иди домой, — повторяет Эф. Потом выключает «болтуна» и добавляет: — Я вижу.

клео: зачем ты так

— Внутри тебя звучат голоса, — шепчет Матвей, и его взгляд на мгновение проясняется. — Чужие голоса, да?

— Да. Конечно.

— Это демоны! — Матвей обхватывает руками колени и качается из стороны в сторону. — Это демоны. Отключить. Демоны. Отключить. Демоны. Отключить…

отключить соединение

вы действительно хотите отключить соединение с *социо?* да

нет

подтвердите:

эф: да

внимание: в режиме отключенного соединения вы не сможете видеть список своих контактов в *социо,* общаться в *социо,* получать информацию в *социо* и обмениваться ею **с** другими пользователями *социо.* Отключить соединение?

да нет

внимание: в режиме отключенного соединения вы не будете являться активной частью *социо.* Отключить соединение?

да нет

Да.

Вы больше не находитесь в социо.

Не волнуйтесь, вы в любой момент можете восстановить соединение с социо.

Внимание: не рекомендуется прерывать соединение с социо более чем на 30 минут. Если вы не восстановите подключение самостоятельно, принудительное подключение к социо будет произведено через 40 минут.

Зеро

…Я просто хочу быть как все. Не хочу брать на себя слишком много. Хочу быть как все. Не сейчас, так потом. После Паузы.

Эй, ты! Эй, ты там, в будущем! Я надеюсь, ты действительно будешь. Я надеюсь, ты будешь мной. Я надеюсь, я буду. Если ты — мое продолжение, если я — это ты, прости меня за этот дурацкий инкод, доставшийся тебе от меня… Лично мне он испортил жизнь, но я очень надеюсь, что ты как-то справишься. Что я как-то справлюсь там, в будущем. Лет через восемь… Ведь тебе сейчас восемь?

Наверное, это трусость. Это бегство. Это нечестно. Но если ты будешь, если ты есть, прости меня за то, что я скоро сделаю. Прости, если я испортил тебе (или нужно писать «себе»?) настроение. Прости, если я создал тебе (ха-ха, себе!) проблемы. Я хочу, чтобы ты меня понял. Я собираюсь убить себя — да, да, прости меня, снова прости, так ведь нельзя говорить, я должен сказать иначе. Я собираюсь «временно прекратить свое существование», «сделать паузу», но ведь я не дурак, я ведь знаю: это у них у всех паузы, а у меня может быть просто «стоп». Так что если ты есть, если ты будешь — тогда сжеч[4], это наша с тобой победа, это значит, что мы — как все. Я как все. Я — частица Живущего.

Ну а если тебя не будет, если тебя просто нет, если меня больше нет — если я исчезну, умру навсегда, как это делали раньше, до рождения Живущего… Ну, тогда я — ошибка природы. Генетический сбой. Болезнь. Фурункул на теле Живущего. И тогда без меня будет лучше. Будет правильней. Будет проще. Одним словом, чем бы это ни кончилось — все равно будет лучше, чем сейчас…

Я всегда хотел быть как все. А они делали меня богом. Они делали меня чертом. Они делали меня подопытной мухой. Они делали меня очень опасным. Они сами не знали, что делали.

Они загнали меня в угол. Они оставили меня совсем одного.

Сегодня он снова придет. Эф, человек в маске. Искать изъяны, задавать подленькие вопросы, копаться во мне, как в груде бесхозных вещей.

И тогда я сожгу себя. Пусть они все посмотрят, как горит чудо-сол— нышко!

Я уверен, ты хочешь понять. Если ты — это я, ты, конечно, захочешь понять… я ведь очень хотел.

Я напишу тебе все, что знаю. Потому что тебе это нужно.

Потому что мне нужно знать. Мне нужно будет все знать.

Мою мать звали Ханной. Я не стану писать, что ее больше нет, потому что так выражаться нельзя. Потому что она конечно же есть. Она продолжает жить дальше… Я лишь напишу, что я скучаю по ней. Скучаю так, будто ее больше нет, — с тех пор, как на Фестивале Помощи Природе она зашла в зону Паузы.

Ханна было ее текущее имя. Ее вечное имя — Мия-31, но оно мне не нравится, похоже на марку стиральной машины. Ей оно тоже не нравилось, она всегда представлялась Ханной. Каким именем ей нравится представляться сейчас, я не знаю. И знать не хочу.

У нее была очень светлая кожа. Светлая и чистая, до прозрачности, у глобалоидов такая редко бывает.

Ее глаза были бархатистыми, как крылья бабочки-шоколадницы.

На ночь она всегда пела мне колыбельную — ну, эту, старинную, про зверей, она еще входит в комплект программ «Детство Живущего». Инсталлируется года, кажется, в три. Ты наверняка ее помнишь:

Спит косуля, спит баран,
Спит овца и спит варан,
Спят корова, тигр и слон,
Снится им печальный сон.
Снится темная вода,
Снится горькая беда,
Снится лодка без гребца,
Снятся тени без лица…

Мне было уже почти девять лет, но я всегда просил песню. Я отказывался без нее засыпать. Ханна говорила, что это неправильно, что таким большим детям не поют песни, такие большие дети вообще не должны жить с матерью, они должны жить в интернате, а там колыбельных нет.

— Но я ведь живу с тобой, — говорил я.

— Со мной, — соглашалась Ханна.

— Тогда спой.

И она пела. У нее был красивый голос:

Воют волки в тишине,
Тихо плачет кот во сне,
Конь храпит, и стонет слон,
Снится им печальный сон.
Снится темная вода,

Снится горькая беда,
На холодном берегу
Звери спят, а дни бегут…

— Ты ведь не отдашь меня в интернат? — спрашивал я.

— Не отдам, — говорила Ханна.

— И мы с тобой всегда будем вместе?

— Так не бывает, родной, — говорила Ханна.

Она не называла меня по имени — позже я понял, почему: оно пугало ее, оно заставляло ее заглядывать в пропасть, в ничто, в белую пустоту, обведенную черным кружочком… Она не называла меня Зеро. Она называла меня просто — Родной.

— Почему? — хныкал я. — Почему бы нам не быть всегда вместе? Ведь мы же бессмертные? Давай мы просто договоримся: когда кто-то из нас умр…

— Родной!

— Я хотел сказать, когда кто-то из нас временно перестанет существовать, то другой потом просто отыщет его, и все останется как раньше.

— Так не бывает, Родной, — качала головой Ханна.

Так не бывает. Она оказалась права. Я не верил в ее правоту, пока Эф не согласился свозить меня к ней. Толстая девочка, в которую она превратилась, оказалась мне совсем не нужна. Я ей тоже совсем не нужен.

Никто никому не нужен, дружок. Ничего, что я называю тебя «дружок»? Надеюсь, ты не сочтешь это фамильярностью? Ведь, в конце концов, я обращаюсь к себе самому. Или вообще ни к кому не обращаюсь…

— Скажи, что ты меня любишь, — просил я Ханну.

— Не стоит, Родной. — Она сразу вся как-то сжималась.

— Почему?

— Я уже говорила тебе. Живущий полон любви, и каждая Его частица в равной степени любит другую.

— Значит, ты любишь меня?

И она говорила:

— Да.

А потом добавляла чуть слышно:

— Я люблю тебя так же, как любую другую частицу Живущего.

— Ты любишь меня так же… так же, как сумасшедшего Матвея, который ходит по улице и кричит?!

Она молчала. Я злился.

— Скажи, что ты любишь меня больше всех!
Она молчала.
— Тогда пой.
И она пела:

На холодном берегу
Звери спят, а дни бегут.
Дни бегут, приходит ночь,
Мы не можем им помочь…

В тот день, когда я видел ее в последний раз, в тот день, когда Ханна шла на свой последний Фестиваль, она сказала, чтобы я ложился спать без нее. Она сказала, что придет слишком поздно. И поэтому споет мне песню заранее.

Дни бегут, приходит ночь,
Мы не можем им помочь,
Для котов и для овец
Приближается конец…
Только ты спокойно спишь,
Мой Живущий, мой малыш,
Улыбаешься во сне,
Потому что смерти нет.

— Смерти нет! — бросила она, выходя.
— Смерти нет! — ответил ей я.
— Я люблю тебя, — сказала она. — Я люблю тебя больше всех.

Ей было тридцать четыре.

Еще целый год она была вправе посещать зону Воспроизведения на Фестивале Помощи Природе. Репродуктивный период официально завершается в тридцать пять.

Еще одиннадцать лет она не получала бы сообщений из районного Центра по Контролю за Численностью Населения с мягкой рекомендацией посетить зону Паузы. Такие сообщения начинают приходить в сорок пять.

Еще шестнадцать лет она не получала бы сообщений из районного Центра по Контролю за Численностью Населения с жесткой рекомендацией посетить зону Паузы. Такие сообщения начинают приходить в пятьдесят.

Еще двадцать шесть лет она могла бы прожить до

принудительной Паузы. Такая мера применяется к тем, кому исполнилось шестьдесят и кто не хочет добровольно выполнить рекомендацию.

Еще целый год она была вправе посещать зону Воспроизведения на Фестивале Помощи Природе.

Но она зашла в зону Паузы.

Она сделала это из-за меня. Из-за того, что меня не взяли в интернат и оставили с ней. Из-за того, что она пела мне песни. Из-за того, что она любила меня больше всех.

Безликий

Никаких излишеств, так он считал. Жилой блок сотрудника ПСП должен быть строго функциональным.

— Строго функциональный, — так он и сообщил декоратору. — Стильный минимализм.

Декоратор оказался понятливым малым. Он оформил все в социальных тонах: стены а-ля инвизибл и безопасная мебель цветов «доступен» и «занят». Мебели было мало — Эф на этом настаивал, — самое необходимое. Единственное излишество в ванной — просторный террариум для Питомца. Зато спальня вообще пустая — только мягкое половое покрытие акваслип с максимальным поверхностным натяжением. Эф давно предпочитал максимальное, потому что другим это, может, и нравится, но лично он не любил просыпаться с ощущением, что увяз по пояс в собственном полу. Не говоря уже о том, что спать на ровном полезнее для позвоночника…

…Он садится на пол, стягивает с себя зеркальную маску, понимает, что надо бы еще встать, пойти умыться холодной водой, сменить намокшие под ливнем бинты на руках, покормить Питомца, — но сон опутывает его по рукам и ногам. Даже не сон, а какая-то завязь сна. Ему снится река. Или то, что было когда-то рекой, или должно будет стать…

39:50

самостоятельное подключение отсутствует

39:51

39:52

…У реки появляются животные или, может, растения — что-то живое, но не сформированное пока до конца, он как раз собирается придать им всем форму…

39:53

39:54

39:55

самостоятельное подключение отсутствует

Он думает: пусть его сон будет как сад, где он вырастит чудесные травы…

39:56

Он думает: пусть его сон будет как ил и песок, из которых он выстроит замок… *39:57*

Он думает: кто-то наблюдает за ним. Но тут же упускает эту мысль, и она уплывает вниз по течению…

39:58 39:59

Он думает: у него мало времени, а река течет быстро…

Он думает про водоросли…

40:00

…производится принудительное подключение к социо… мы снова здесь!

Как будто скомкали и отшвырнули прочь реку, и мысли, и водоросли. Как будто резко сдернули покрывало, а под ним размякший термитник. Сотни маленьких овальных ячеек, пористая подвижная масса. Эф внутри нее.

Внутри одной из ячеек. Она облегает его плотно, как кокон, Эф ворочается, инстинктивно пытаясь порвать его. *эф: помощь:*

Стенки ячейки покорно и влажно откликаются на его движения. Не рвутся — растягиваются. Отступают, освобождая ему пространство. Теперь он внутри шара. *эф: настройки: эф: подробности:*

отключение от социо привело к автоматическому сбросу индивидуальных настроек

в данный момент функционируют стандартные настройки социо: нулевой интерфейс

вернуться к ранее сохраненным настройкам ячейки эф? да *нет*

Эф поднимается и идет по мягкому полу в ванную. Завидев его, богомол встает на задние лапы и скребет передними стенку террариума… Эф щелкает пальцами по стеклу — богомол торжественно, как для молитвы, складывает передние лапы, клянча еду. Одна лапа кривая, сломанная…

Умыться. Умыться и пить, пить, пить холодную воду… Он ополаскивает лицо и делает несколько жадных глотков, но легче не становится. Вода кажется теплой, отвратительно теплой, неощутимой. Эф поднимает голову и смотрит на себя в зеркало: мутные капли текут по зеркальной маске, отражающейся в зеркале, отражающемся в маске, отражающейся в зеркале… Что за черт? Разве я не снял маску?

Он тянет за мягкий край под подбородком: маска не поддается. Словно прилипла к коже. Он дергает снова. *некорректный запрос* Дергает изо всех сил.

вероятно вы пытаетесь сделать что-то не совсем верное хотите загрузить другой юзерпик для эф?

да нет

Входная дверь оказывается закрыта снаружи. Он толкает ее плечом. *некорректный запрос*

вероятно, вы пытаетесь сделать что-то не совсем верное

эф: я пытаюсь выйти из дома!!!

…обработка запроса… некорректный запрос

в данный момент вы находитесь в спящем режиме хотите проснуться? да нет

автодоктор: в данное время суток не рекомендуется просыпаться. для полного восстановления сил вам нужно проспать еще 4,5 часа.

хотите проснуться? да нет

внимание: *социо* продолжает функционировать в спящем режиме. Вы можете видеть список своих контактов в *социо,* общаться в *социо,* получать информацию в *социо* и обмениваться ею с другими пользователями *социо.* хотите проснуться? да нет

автодоктор: информация о внеурочном, прерывании сна будет передана в медицинский отдел ПСП хотите проснуться? да ***нет***

внимание: работает спящий режим… вас ожидают 3 новых сообщения *социо*…

эф: открыть

1

пока вас на было в *социо,* состоялся ежедневный анонс внимание: загрузка анонса…

…Каждый день после захода солнца мы смотрим наши любимые сериалы: «Вечный убийца» и «Фестивальные страсти»!

в следующей серии «Вечного убийцы»: Сын Мясника снова вырвался на свободу! Он ищет новую жертву! Семнадцатилетняя Кейт даже не подозревает, что ее ждет ранняя и жестокая пауза! Впрочем, кто знает,, Ведь на след Сына Мясника уже напал проницательный планетарник Пит. Чтобы поймать исправляемого, он не остановится ни перед чем!

в следующей серии «Фестивальных страстей»: социодизайнер Дон не явился в зону Воспроизведения в назначенный час, Огорченная Эн собирается отдаться трем незнакомцам. Кто знает, возможно, один из них подарит ей море незабываемых ощущений,,

какой сериал вы хотите увидеть сегодня?

Вечный убийца *Фестивальные страсти Оба сериала*

2

пока вас не было в *социо,* для вас была собрана информация по вашему запросу «клео»

что следует сделать с этой информацией? открыть в режиме просмотра сохранить в памяти

3

пока вас не было в *социо,* пользователь *клео* пригласил(а) вас встретиться в *социо.*

что следует сделать с этим приглашением?

принять приглашение *отклонить приглашение*

вы хотите встретиться с *клео* сейчас?

да нет

Зеро

С пяти лет я посещал районную группу естественного развития: Ханна приводила меня в круглый, похожий на головку натурального сыра, блестящий дом с овальными дырками окон. Никого там, конечно, не развивали, одно название. Но мне нравилось. Нравился сырный дом. Нравились убогие дети, у которых с рождения как-то неправильно замкнулись в мозгу нейронные цепи и которым невозможно было поэтому инсталлировать СПР, Стандартную Программу Развития, и вообще что бы то ни было. У них были некрасивые лица с большими лбами и крошечными подбородками, у них были слюнявые рты, у них гноились глаза, но меня завораживал их взгляд — прямой и пристальный, цепкий, не такой, как у всех остальных людей.

Они смотрели на меня удивленно. Я был совершенно здоров. Мне можно было бы безо всяких проблем инсталлировать СПР, если бы не одно «но».

Я был опасным. Поэтому меня просто не стали подключать к *социо.* Вообще. Решение принималось на самом высоком уровне.

Я был опасным. Я был лишним. Я был неизвестным. Я мог что-то нарушить… Всего этого Ханне конечно же не сказали. Ей лишь объявили, что для моего подключения к *социо* потребовалась бы дополнительная ячейка. «К сожалению, создание дополнительной ячейки может привести к сбою в работе *социо».* Я помню ее лицо, когда она приняла сообщение. Или мне только кажется, что я помню, я ведь был совсем маленьким — в любом случае я уверен, у нее тогда стало именно такое лицо. Застывшее, серое. Как всегда, когда с ней связывались насчет меня из каких-нибудь ведомств.

Мне нравилось говорить с другими детьми из группы развития — они ведь не знали, кто я. А если бы и узнали, не поняли бы. Мне нравилось врать. Я врал, что давно уже узнал свой инкод, что я про себя все-все знаю, что мне удалось подслушать разговор взрослых. И мне нравилось слушать, как они врут то же самое… Мы рассказывали друг другу небылицы о своей жизни до Паузы, и все мы в ней были героями, все заслужили орден Живущего; мы выбирали себе самые престижные должности и профессии, мы все были секретарями Совета Восьми, архитекторами, энтомологами, или фермерами, или садоводами.

Я вот был фермером. Когда нам раздавали коробочки с натуральной едой (не знаю, как сейчас, а в то время детям до девяти лет ежедневно полагалось сто граммов натуральной

животной пищи, произведенной в данном регионе Почетным Фермером, это было частью Программы Помощи Природе), я говорил, что кусочки мяса, которые там, внутри, — они как раз с моей фермы, до паузы у меня была ферма, и я растил там свиней, да-да, настоящих свиней, я видел их очень близко, и они меня совсем не боялись…

Мы все обожали эти маленькие коробочки счастья с разноцветными

штампами: «регион ЕА-8_молоко», «регион ЕА-8 яйцо кур», «регион

ЕА-8 мясо евин»…

— Вйешь! — с завистью говорил мальчик с кривым лицом и внимательными глазами. — Вйешь, все звейи бойаса Йивущего!

— Изоп, — говорил я. — Меня не боятся. Они ведь чуют Почетного Фермера.

…Мне нравилась наша учительница, пожилая, ей оставалось всего два года до принудительной паузы. Она закрывала глаза и рассказывала нам про Живущего и про то, каким был мир до Его рождения, в древности. Она ставила нам кое-какие программы из «Детства Живущего» — вне— социальные версии, сейчас их больше не выпускают, — мы смотрели их на старинном «Кристалле-ХО», типа таких, какие стоят в отделениях «Ренессанса», только раза в три больше. Чаще всего она включала сериал «Малышарики». Ну, про этих фантастических круглых зверей — если тебе восемь, ты помнишь… А помнишь заставку? Там все малышарики — Мартыш, Мыша, Утяш, Рыбёша, Волчунья и прочие, — они встают в круг и кружатся в хороводе, все быстрей и быстрей, пока не склеиваются в один шар, большой, разноцветный. Его имя — Живуш. Он улыбается розовым ртом и говорит: «Смерти нет». И так перед каждой серией.

Мы знали, что все нормальные дети, все, кому автоматически инсталлировалось «Детство Живущего», участвовали в хороводе. Надеюсь, тебе повезло больше, чем нам. Надеюсь, в пять лет ты кружился вместе с Утяшем и Мышей, сливался с ними в большой сияющий шар… Мы — нет. Мы лишь наблюдали со стороны. Мы были изгоями. Мы не могли почувствовать себя частью шара. Частью Живуша… И все же учительница полагала, что «Малышарики» — самый полезный для нас материал. И самый щадящий. Простой. Форма шара: поймешь, даже если у тебя вообще нет нейронных цепей. Форма шара. Единство.

Я хорошо помню одну из серий. Она называлась «Пауза — это здорово». Там Волчунья по ошибке съедает ядовитую ягоду, с трудом добредает до своего домика и ложится в кровать. Друзья приходят, чтобы с ней посидеть. Они все очень грустные, потому

что Волчунья себя плохо чувствует. Потом Рыбёш говорит: «Ты хочешь, Волчунья, чтобы тебе помогли?» Волчунья кивает, и друзья несут ее к озеру и кладут прямо в воду. Она уходит на дно. Пара больших пузырей — и ее больше не видно. Друзья встают в круг, улыбаются и начинают хлопать в ладоши. И только Мартыш не хочет хлопать в ладоши. Он бегает вокруг озера и кричит: «Где ты, Волчунья?» Друзья объясняют ему, что Волчунья временно прекратила существовать. Тогда Мартыш плачет, ярко-синие слезы летят во все стороны. Друзья переглядываются и встают в хоровод. Они кружатся, кружатся, пока не сливаются в большой яркий шар. Это Живуш. Он объясняет Мартышу, что плакать в таких случаях плохо. Некрасиво и глупо. Что смерти ведь нет. Что есть только пауза. Он обещает, что Волчунья вернется и что она будет счастлива. Она будет здорова, как будто и не было ядовитой зеленой ягоды… В итоге друзья возвращаются в домик Волчуньи, где их ждет сюрприз. Живая Волчунья — только совсем еще крошечная, и не голубая, а розовая… Они все обнимаются и сливаются в большой яркий шар… Пауза — это здорово. В тот момент я поверил.

Возможно, если бы мне позволили быть частью их хоровода, частью их шара, я бы верил в это и дальше. Но я не был их частью, я наблюдал извне. И когда Ханна ушла на свой последний Фестиваль Помощи Природе, ушла и не вернулась, я повел себя плохо. Некрасиво и глупо. Когда я понял, что больше не увижу ее, я превратился в свихнувшегося Мартыша, я плакал и подвывал, я отказывался от пищи, я обнимал ее черное платье и кусался, когда кто-то пытался отнять его у меня… Я затыкал уши, когда мне говорили, что это всего лишь пауза, что Мия-31 живет всегда, что повода для слез нет… Я не хотел слушать. Я был *противоестественно* безутешен. Я выдал патологическую реакцию.

Парадоксальное горе. Так это называется.

Сначала он мне понравился. Эф, человек в маске. Он не смотрел на меня со смесью брезгливости и удивления, как другие. Я просто не видел, как именно он смотрел. И его голос — неизвестно, как он на самом деле звучал. Мне было слышно лишь ровное автоматическое жужжание, без фальши, без интонаций вообще.

Я подумал — вот бы мне тоже спрятаться под такой маской.

Он сел рядом со мной и сказал:

— Я знаю, тебе не нравится слушать, что смерти нет, что Ханна не умерла, потому что ее инкод вечен, что через девять месяцев она возродится в каком-нибудь малыше, что в вечном

перерождении заключена тайна Живущего…

Он сказал:

— Я вовсе не собираюсь тебе это все повторять.

Он сказал:

— Давай-ка поговорим как взрослые люди. Только для этого тебе следует успокоиться и перестать размазывать сопли.

И я перестал. Впервые с тех пор, как мне сказали, что она не придет, я умылся и причесался. И приготовился слушать. Я думал, он скажет мне, что надеяться не на что. Что я прав, что не стоило им меня утешать, что ее и на самом деле не стало… Я хотел, чтобы он забрал у меня надежду. Надежду, которую они все-таки заронили во мне, которой они каждый день пытали меня. Надежду на ее возвращение. С другим лицом. В другом теле. Я думал, он скажет: жизнь продолжается без нее. Я готов был это принять.

Но он сказал мне другое. Он сказал:

— У тебя ДКВИ. Сожалею.

— Нет, — сказал я. — Изоп. У меня вообще нет инкода.

Он растянул зеркальные губы в улыбке:

— Изоп… А ты мне нравишься, парень. Не боишься. — Уголки рта медленно оползли. — Если хочешь, я могу зачитать тебе выписку из твоей медицинской карты.

Я кивнул. Он начал тут же, без паузы — соединение у него было отличным.

— «…Ярко выраженные отрицательные эмоции в связи с паузой биологической матери. Множественные эпизоды парадоксального горя. Вспышки агрессии. Приступы не купируются стандартными средствами унитотерапии…»

Он мерно жужжал, а я думал: интересно, закрывает ли он глаза, там, под своим зеркальным намордником? Наверное, нет. Даже точно. Зачем ему? Конечно, не закрывает. Он ведь все-таки планетарник. Говорят, они могут держать пять слоев… Или шесть? Интересно, сколько слоев они держат? Ханна держала три без всяких усилий, у нее была отличная память. Я мог бы ею гордиться, но меня это скорей огорчало. Лучше бы она закрывала глаза, как все обычные люди. В третьем слое ей в основном приходили сообщения про меня, и я предпочел бы не видеть ее остекленевшего взгляда. Лучше бы она закрывала глаза. Интересно, перед тем как… она закрыла глаза? И как именно это было? Таблетка? Инъекция? Какой-нибудь газ? Разряд электричества? Потом, после паузы, после Пяти Секунд Тьмы, никто не помнит, как именно… Но все уверены, что это было не больно.

Не больно. Не больно.

Ей было не больно. Они мне сказали: ей было не больно…

— …….эмоциональное состояние можно квалифицировать как неблагоприятное для спокойствия, гармонии и целостности Живущего. Вероятно наличие деструктивно-криминального вектора в инкоде (ДКВИ). Коэффициент потенциальной угрозы (КПУ) предположительно 7, что соответствует КПУ у лиц с ДКВИ, наблюдаемых в течение более чем пяти воспроизведений…» — он прервался. Вероятно, что-то в моем лице смутило его. — Если чего-то не понял, спрашивай. Это взрослый разговор, но тебе всего девять.

— Как именно? — спросил я.

— Как подсчитали коэффициент? Это просто. Берется…

— Нет. Как именно произошла эта… пауза? Ведь вы планетарник. Вы, наверное, знаете?

— Конечно, знаю. И ты тоже знаешь: не больно…

Мне захотелось царапнуть каким-нибудь острым предметом его зеркальную маску. Так, чтобы с визгом: металл по стеклу. И чтобы кровь из разреза.

Он поднялся на ноги и отошел на пару шагов, словно бы угадал мои мысли.

Он прожужжал:

— Я бы хотел услышать вопросы по существу. По существу разговора.

Мне вдруг стало скучно.

— Нет вопросов. Я понял.

— И что же ты понял?

— Меня считают преступником.

— Нет. Отнюдь нет! — Судя по жестикуляции, он говорил с большим воодушевлением, жужжание, впрочем, оставалось таким же сонным. — Деструктивно-криминальный вектор в инкоде — не преступление. Носители ДКВИ — не преступники. Это важно. Как важно и то, что некоторые из носителей ДКВИ — большинство — непременно бы стали преступниками, если бы Живущий о себе не заботился. Именно благодаря этой неустанной заботе тебя направляют в исправительный Дом для лиц с ДКВИ.

В желудке стало щекотно, как будто кто-то погладил меня изнутри холодной маленькой лапкой.

— Это навсегда, — спросил я, но прозвучало скорее как утверждение.

Лапка снова задергалась.

— …Меня приговорили к пожизненному заключению?

— Сразу три ошибки в таком коротком вопросе. Во-первых, ДКВИ — это не приговор. Скорее, диагноз. Сигнал опасности. С этим можно работать, и это можно исправить. Поэтому Дом и

называется исправительным. Там никого не наказывают, там нет заключенных, там есть *исправляемые.* Они условно невиновны и работают над тем, чтобы остаться таковыми в дальнейшем. Ну и, наконец, пожизненное… Это же просто смешно! Что может быть пожизненным в твоей вечной жизни? Надеюсь, что все уладится после первой же паузы.

Первой же… Мне вдруг захотелось его укусить. Сильно, чтобы услышать хруст раздробленной кости.

— Думаете, я не знаю, что моя первая пауза скорее всего будет последней? Зачем вы врете? Вы разве не знаете, кто я?! — Я почти что кричал. Кажется, я топнул ногой.

— Никто не знает, кто ты, — спокойно прожужжал он. — Я тоже не знаю. Но я знаю другое. Если ты не хочешь, чтобы твоя первая пауза стала последней, если ты хочешь остаться с Живущим, твоя злость неприемлема. Живущий полон любви, и каждая Его частица в равной степени любит другую… У тебя есть пятнадцать минут, чтобы собраться. Тебя отвезут. Я буду посещать тебя еженедельно. Смерти нет.

эф: смерти нет
клео: сжеч ты здесь! ты чего не отзывался я волновалась
эф: извини
клео: ок зайдешь?
открыть ячейку клео
эф: *зайти в ячейку клео*
клео: тебе нравится?
эф: да конечно у тебя хорошо
клео: нет я про собаку
ну помнишь
ты же сам мне ссылку прислал
так что я подключила себе собаку
клео *сообщает о своем статусе:* собаковод
она уже научилась радоваться гостям
смотри как она довольна что ты пришел
нравится?
эф: не знаю
наверное
ты когда-нибудь видела настоящих собак?
клео: нет
ну понятно тебе не нравится… ну и зря
очень интересная программа
можно дрессировать
собака выучивает двадцать команд
а если ты например даешь кость а потом отбираешь она тебя кусает очень смешно
хочешь дать ей кость?
эф: нет
клео: *ладно я сама команда ко мне команда грызть кость расскажи мне*
эф: *что?*
клео: *ты знаешь*
в *социо* было сообщение что Зеро перестал жить
ты же был с ним
расскажи
эф: зачем тебе
клео: ну пожалуйста
мне интересно
эф: он сжег себя
клео: но с тобой все ок?
эф: да

немного обжегся но ничего страшного
клео: и что он правда не воспроизвелся?
эф: правда
клео: яппп! и что его дело теперь закроют?
эф: это служебная информация
клео: хорошо ок…
эф: почему ты про это спрашиваешь?
клео: ну просто
эф ты какой-то странный
ты спишь?
эф: да а ты?
клео: я тоже
что тебе снится?
эф: плохой сон
клео: какой?
эф: про зверей
наверное из-за твоей собаки
по ассоциации
клео: и что звери?
эф: рассказать тебе сон?
клео: ну да
эф: мне снится ферма
темно ничего не видно я продвигаюсь на ощупь но я знаю что это ферма
потому что они кричат им страшно я чувствую их страх мне тоже страшно
то чего мы боимся находится здесь на ферме оно живое я должен его найти
я знаю оно прячется в одном из вольеров
я ощупываю руками железные прутья пока не нахожу нужный вольер
я просто знаю оно там за решеткой
оно тихое оно не кричит
у меня в руке ключ
я должен открыть и войти туда
внутрь
я поворачиваю в замке ключ…
клео: нет не входи
эф: я должен
клео: эф это просто сон
тебе не надо туда входить
наверное ты спишь в неудобной позе
шея затекла или что
поэтому тебе снится кошмар

попробуй пошевелиться
или сказать что-нибудь вслух в первом слое
ну как получилось?
эф: да
спасибо
клео: говорят сны это воспоминания о прошлом
может быть ты кого-то когда-то искал на ферме
в другом воспроизведении
какого-нибудь нарушителя
эф: да
возможно
клео: ты ведь и раньше был планетарником?
эф: да
а что снится тебе?
клео: ты
такой странный сон
как будто мы с тобой в первом слое
на фестивале
в зоне воспроизведения…
на нас совсем нет одежды
даже контактного белья и перчаток
ты обнимаешь меня сзади
и мне приятно
странно да?
эф: что странно?
клео: ну что во сне такие вещи могут казаться приятными
кожа к коже
без контактного белья
даже представить себе не могу!
мне и с бельем-то бывает не очень комфортно
эф: не любишь фестивали?
клео: конечно нет а кто их любит
в смысле из нормальных людей
слишком грубо
физиологично
нужно конечно терпеть ради гармонии живущего
но любить такое когда есть доступ к *люксурии…*
а тебе что нравятся фестивали?
эф: нет конечно
но это наша обязанность
клео: ок давай не будем сейчас про обязанности) у меня совсем другие планы)))
подключиться к люксурии…
пригласить пользователя эф для участия в акте люксурия…

пригласить других друзей для участия в этом акте? да нет

клео: иди ко мне я соскучилась эф?
эф: собака… мне неприятно когда она смотрит
клео: ой извини((
временно отключить функцию собака
пригласить пользователя эф для участия в акте люксурия…
ну же эф!!!
эф: *принять приглашение*

Клео

NB! эту запись мне следует прочесть не ранее чем по достижении 12 лет.

Собака застывает с выражением изумленной укоризны на морде. Потом исчезает, вместе с ней из ячейки удаляются все ее аксессуары: миски, косточки, игрушки, коврики, медаль, поводок и ошейник… Как будто ее никогда и не было здесь. Я говорю себе: как только он уйдет, я снова ее подключу с сохранением всех установок. *Собака* ничего не поймет, она подумает, что просто спала и проснулась. Но все равно стыдно. Она ведь уже здесь освоилась. А я ее как будто бы выгнала…

Но я должна быть покладистой. Особенно сейчас. Эф теряет ко мне интерес. Он совсем не идет на контакт, ничего не рассказывает, он мне больше не доверяет.

Говорят, нет лучшего способа сблизиться, чем в режиме *люксурия*.

Говорят, нет лучшего способа узнать человека.

Его фантазии обычно так же убоги, как и он сам. На первом этапе ему нравится гнаться за мной, нравится чувствовать себя преследователем. Для погони он создает что-то вроде джунглей, с длинными и влажными растениями цвета инвизибл. Он наряжает меня в пошлое короткое платье цвета «я занята». Я соглашаюсь быть жертвой, быть преследуемой и бегу от него по «джунглям». Я раздвигаю руками серые стебли, они скользкие и холодные, неживые — но я вдыхаю в них жизнь. Я раскрашиваю его тусклые джунгли ярчайшими красками «мне повезет». Я наполняю его растения теплой и липкой влагой, я заставляю их шевелиться, обвиваться вокруг моих голых ног, заползать мне под платье.

Скользкие стебли гладят меня, пока я бегу… Эф приближается, я слышу, как хрипло он дышит, он толкает меня, и я падаю лицом вниз. Он переворачивает меня на спину и пытается раздвинуть мне ноги, но я их плотно сжимаю. Так плотно, что ползущие у меня между ног стебли лопаются — в них теплая липкая влага. Он склоняется надо мной, и я вглядываюсь в его зеркальную маску…

Я никогда не вижу его лицо. Не только в *люксурии* — вообще никогда. В первом слое он обязан носить эту маску все время, но это как раз не важно, мы почти не встречаемся в первом слое. Важно то, что он остается безликим во *всех* слоях. В *социо* у него та же зеркальная маска. Это непостижимо. Даже если

предположить, что его лицо безобразно, в *социо* он мог бы выбрать себе любой юзерпик….

Кем нужно быть, чтобы носить зеркальную маску во всех слоях? Кем нужно быть, чтобы одеваться в строгий инвизибл не только в первом слое, но и в *социо* тоже? А кем нужно быть, чтобы превратить свою *со*— *цио*-ячейку в этакое подобие стандартного жилого блока из первого слоя? Я была у него в ячейке несколько раз. Унылое место. Такое унылое, как будто и не *социо* вовсе… В первый раз я даже попробовала выпить из крана воды. Для проверки. Эф наблюдал за мной и казался польщенным. Он сказал:

— Это мой жилой блок в первом слое — его точная копия.

Он сказал:

— Ячейка настоящего планетарника должна быть строго функциональна.

Кем нужно быть, чтобы тащить за собой убогость и скудость первого слоя в мир, где нет ничего невозможного?

Наверное, нужно быть одержимым.

…Я никогда не вижу его лицо, но в *люксурии,* сжеч, я могу сама выбирать, что мне видеть. Я сочиняю ему лицо…

Люксурия — одно из величайших *социо*-таинств Живущего. Сад наслаждений, в котором пускают побеги и расцветают фантазии каждого из участников *акта.* Они сплетаются, эти фантазии, прорастают друг в друга, становятся общими… «Абсолютное единение — вот что дарит нам радость», — говорится в настройках *социо.* — «В режиме *люксурия* каждое из доступных тебе пяти чувств ты делишь с друзьями».

В настройках не говорится, что режим *люксурия* активизирует ту часть мозга, которая именуется nucleus accumbens. Но я кое-что знаю про это. Пока длится *акт,* все, что ты видишь, слышишь, вдыхаешь, к чему прикасаешься языком или кожей, возбуждает твой центр удовольствий.

…Я сочиняю ему лицо. Каждый раз разное, однажды даже примерила свое собственное. Он не видит себя, но чувствует трансформацию, чувствует, что теряет контроль над происходящим. Тогда он стряхивает с себя лицо, которое я сочинила, а потом рывком переносит меня в другое место. Обычно это что-то вроде заброшенной стройки или складских помещений на пустыре. Обломки камней, заржавевшие остовы машин, бетонные блоки… Одиночество. Я назвала это место Пустырем Одиночества. Он оставляет меня там одну — ждать, когда он появится.

Я жду тысячу дней.

В первом слое (после *акта* я всегда проверяю в настройках хронометраж) проходит лишь пара минут, но здесь, в *люксурии,* это именно тысяча дней — такова его фантазия, таков его ход, и что бы я ни делала, как бы я ни старалась, я не в силах сократить этот срок. Возможно, все дело в унынии, которое охватывает меня на Пустыре, или в чем-то другом, не знаю, — но здесь он всегда сильнее меня. На любую мою попытку уйти, изменить обстановку, промотать время вперед он отвечает только одним — вновь возвращает меня на Пустырь Одиночества. И начинает отсчет с первого дня.

Я жду тысячу дней. Мне некуда идти, не о чем думать и не с кем поговорить. Я не могу пригласить к себе на Пустырь других *реалъных* друзей — Эф любит только *люксурию* для двоих, и групповой *акт* заблокирован в его настройках. Иногда я создаю себе на Пустыре фантомных друзей. Эф их не трогает, не возражает, но я сама вскоре их *отменяю.* Они выходят у меня какими-то плоскими, скучными, с невнятными уз— ними лицами, с приблизительными движениями и деревянной походкой. Моими словами они озвучивают мои мысли, они кажутся мне голодными духами, предвестниками моего сумасшествия. Я *отменяю* их и жду Эфа. Я бессильна. У меня есть только один настоящий выход — выход из режима *люксурия,* одностороннее прерывание *акта.*

Только однажды, в один из первых разов, я сделала так. Прервала *акт.* Эф был в ярости. Он ушел и не появлялся в моей ячейке несколько месяцев. Он сказал, что не терпит, когда *акт* прерывают без его ведома…Уговорами, мольбами и обещаниями я заманила его обратно. Я поклялась, что впредь всегда буду хорошей девочкой. Что никогда не буду прерывать *акт.* Что буду ждать его на Пустыре Одиночества. Что мне еще оставалось? *Люксурия* — лучший способ сблизиться с человеком. *Люксурия* — лучший способ выведать его тайны.

Я жду тысячу дней. Я сажусь на корточки, и меня заполняет тоска, такая пронзительная, что это даже приятно. Я одна. Фантомные друзья говорят мне: «Ты тут одна, Клео». «Ты больше не можешь, Клео». «Ты больше не можешь это терпеть». «Это пытка». Я закрываю глаза. Я молюсь, я мечтаю о том, чтобы этот монстр пришел побыстрее. Он мой избавитель, моя надежда, моя награда. Я жду его. Я больше не могу без него. На тысячный день он приходит, и я разрешаю ему делать со мной все, что он хочет. Он мой любимый. Мой спаситель. Теперь я рада всему, лишь бы он оставался рядом со мной.

Ну а потом, еще в *люксурии,* но уже после *акта,* когда он вымотан, доволен, доверчив, когда он в спящем режиме, в этот момент я задаю ему пару вопросов, и он на них отвечает. И я

записываю его ответы в файл «Безымянный».

…Обычно бывает так, но на этот раз все иначе. Нет ни джунглей, ни Пустыря, ни красного платья. Мы остаемся в моей ячейке, он глупо переминается, потом садится на край дивана. Он совершенно пассивен, он чего-то от меня ждет — я пытаюсь понять, чего именно. Я спрашиваю его:

клео: ты хочешь, чтобы сегодня я все сама сделала?

эф: да

Это что-то новенькое. Это меня настораживает. Я создаю для нас джунгли с длинными и влажными растениями всех оттенков «мне повезет». Я надеваю короткое платье цвета «я занята»… Что-то не так с *люксурией.* Его реакция парадоксальна. Я не чувствую никакого удовольствия с его стороны. Он осторожно щупает пальцем маслянистую, налитую соком лиану. Он *отменяет* ее и резко отдергивает руку, когда растение исчезает. Он поворачивает ко мне лицо, разглядывает мое платье. Я чувствую, как подол ползет вниз, синтетическая ткань цепляется за неровности кожи, щекочет мне ноги. Это приятно… Он вдруг смеется. Он изменяет фасон, и цвет, и фактуру. Теперь на мне длинное черное платье из шелка.

Так мы стоим. Среди лиан, в ярких джунглях. Он явно не собирается гнаться за мной. Он нехотя и лениво отменяет еще пару растений… Я говорю ему:

клео: ты хочешь пустырь одиночества?

эф: красивое название

клео: спасибо это я придумала

по-моему подходит

эф: да мне нравится

пожалуй я хочу на пустырь

клео: ты сам хочешь оказаться на пустыре?!

эф: ну да

Наконец-то я понимаю. Он хочет поменяться ролями: не мучитель, а жертва. Он хочет почувствовать, каково мне, извращенный ублюдок.

Тема: письмо счастья

Ты хочешь собаку. Настоящую, живую собаку в первом слое. Иди за Зеро, и животные полюбят тебя, как любят его © / осторожно*! возможно, это спам пометить это сообщение как спам?* да *нет*

Я формирую Пустырь — мне не удается воспроизвести его в точности, я сама вижу, что не хватает каких-то деталей, но в целом похоже. Он озирается с любопытством, ему нравится его

новая роль. Я говорю ему «жди» и оставляю его на тысячу дней.

Куда он обычно уходит, когда бросает меня здесь одну? Не знаю, лично я создаю для себя замечательный домик с бассейном на крыше. Там же, на крыше, я устанавливаю телескоп, который направлен на Пустырь Одиночества…. Я лежу на воде, раскинув руки и ноги, как морская звезда. Сотни щекотных струй обволакивают меня, как прохладные беспокойные щупальца. Я наслаждаюсь прикосновениями этих щупалец. Я наслаждаюсь ощущением невесомости. И еще мне приятно, что у меня есть заложник. Время от времени я выхожу из воды и наблюдаю за ним в телескоп.

Он сидит на земле, опустив голову на руки, чуть покачиваясь из стороны в сторону. Он выглядит подавленным. Он не пытается что-то менять, отменять и перенастраивать… Я наслаждаюсь ощущением власти. Мне нравится держать его там. Я говорю себе: дело вовсе не в том, что я склонна к жестокости. Вовсе нет. Я полна милосердия, как любая частица Живущего. Просто *люксурия* настроена так, чтобы возбуждать мой центр удовольствий.

На третий день мне становится скучно, и я просто проматываю — только для себя — пару недель, надеясь обнаружить на Пустыре какие— нибудь интересные сдвиги. Я смотрю в телескоп — и увиденное превосходит все мои ожидания. Пустыря больше нет, на его месте — река с илистыми, поросшими бурым кустарником берегами. Эф сидит у реки, привалившись спиной к какой-то темной бесформенной куче, которую я не могу разглядеть. Он закрывает лицо руками, что-то в нем изменилось, но в первые секунды я не могу понять, что. Потом понимаю — между его пальцами проглядывает бледная кожа. Он снял маску. Впервые за все это время он снял свою чертову маску.

Я отменяю свой домик с бассейном и телескопом. Я отменяю срок ожидания в тысячу дней. Я не могу это пропустить. Я подхожу к нему, сажусь рядом, на корточки, и осторожно убираю его руки с лица.

Он не сопротивляется. Его лицо — это лицо ребенка, и оно постоянно меняется. Он кажется то подростком лет двенадцати, то восьмилеткой, то совсем малышом. У него обиженные пухлые губы и глаза цвета горького шоколада. Он плачет.

Я вдруг различаю, что это за бесформенная куча, к которой он привалился. Слоновья туша. Слон неживой. В его тускло-янтарных глазах застыли бусинки слез.

Такое чувство, что Эф оплакивает этого неживого слона. Такое чувство, что он не контролирует свои метаморфозы. Единственное, что не меняется в его лице, — выражение горя. Он

ноет тихо и безутешно, почти без слез. Его плечи подрагивают. Такие широкие, они совсем не вяжутся с этим опухшим изменчивым детским лицом.

Что-то не так с *люксурией.* Я больше не чувствую удовольствия. Я чувствую, что обижаю ребенка. Я говорю ему:

клео: эф, что ты, эф, успокойся!

Шоколадные глаза широко раскрываются, смотрят на меня изумленно: он словно бы только теперь заметил, что уже не один. Его лицо застывает — где-то между восемью и двенадцатью, потом стремительно начинает взрослеть, одновременно зарастая привычной зеркальной коростой, эф: ты оставила меня здесь одного клео: ты поступал так со мной много раз

эф: ужасные ощущения, мне было страшно как в детстве, как перед пятью секундами тьмы клео: почему этот слон?

эф: не знаю, я был не в себе Он поспешно *отменяет* слона,

клео: расскажи мне, как умер зеро? Я прямо физически чувствую его недоверие, эф: зачем тебе знать?

клео: все хотят это знать, естественное любопытство эф: врешь

клео: ты меня обижаешь

эф: я тебя вижу насквозь

клео: и что же ты видишь?

эф: луч

клео:?

эф: направленный луч Лео-Лота

От неожиданности, почти рефлекторно, я становлюсь инвизибл. Как будто эта «шапка-невидимка» сможет меня защитить…. Он улыбается. Протягивает руку и спокойно нащупывает мое невидимое лицо. Вежливо целует меня в лоб зеркальными губами и молча, не попрощавшись, выходит из *люксурии.* Я остаюсь одна. Я чувствую, как от того места на лбу, к которому он прикоснулся губами, вниз, по всему телу, ледяными струями разливается страх. Луч Лео-Лота… Он понял. Ну конечно, он понял. И он меня уничтожит. Запрет меня в исправительном Доме до скончания веков.

Только в *люксурии* страх может быть таким восхитительным. Где-то в районе солнечного сплетения струи страха теплеют и разливаются густыми горячими волнами внизу живота… Я решаю еще немного задержаться в *люксурии,* чтобы насладиться этим ощущением страха. Вне *люксурии* я вряд ли смогу получить от него удовольствие.

Ученый

документ № 23 (личная запись арендатора) — чтение через гостевой вход ПСП 3 сентября 451 г. от р. ж.

Вчера посещал с группой региональную Ферму.

Я не люблю выезжать на Ферму. Две экскурсии в год, знаю, для большинства это несбыточная мечта, но лично я предпочитаю работать в лаборатории. Я никогда не спрашивал Лота, нравится ли на Ферме ему: мы редко обсуждаем темы, не связанные непосредственно с делом, но несколько раз я замечал в его лице что-то… какое-то отвращение, что ли. Так что я думаю — он тоже от этих выездов не в восторге.

Все дело в их страхе. Его чуешь уже за несколько километров ноздрями, порами кожи и волосами, этим страхом, как электрическим током, пропитан воздух, и нет таких слов, которые бы могли описать его кошмарную суть. Чем ближе к Ферме, тем более страх густеет, пока, наконец, не превращается в теплое облако смрада, уже вполне описуемо— го, — испарения звериной мочи, звериной крови и пота… Мы ждем у ворот ограды. Она бетонная, четыре метра в высоту и полтора в толщину. Не представляю, чтобы какое-либо из здешних животных вдруг вознамерилось преодолеть такое препятствие, — и тем не менее, по словам Фермера, такие случаи были, инстинкт отказывал, пытаясь выбраться, коровы и козы бились в бетонную стену, ударялись с разбегу, снова и снова, пока не… пока все не кончалось. Так что теперь поверх ограждения установлен еще и электромагнитный барьер.

Мы ждем Фермера — чтобы впустить нас, он ненадолго отключает электромагнитный барьер и открывает ворота.

И мы вступаем на территорию смерти. На территорию смертных.

Мы с Лотом всегда говорим исправляемым, что эти визиты — часть натуротерапии. Изучение природы, контакт с живыми, не похожими на нас существами, — древнейший вид релаксации. Чрезвычайно эффективный метод для лиц с деструктивно-криминальным инкодом: развивает эмпатию, сочувствие к слабым. Порождает добрые мысли. Создает хороший созидательный фон… Так мы всегда говорим.

Но это вранье.

На самом деле исправляемых привозят на Ферму, чтобы пробудить в них совсем другие эмоции. Лица с ДКВИ зачастую склонны воспринимать животное как потенциальную жертву (это объясняется тем, что поведение животных изначально виктимно),

то есть животное в данном случае ПВА — потенциальный возбудитель агрессии. Мы проверяем исправляемых на жестокость. Нас интересует, насколько прогрессировали за полгода жестокие наклонности у тех, кто выдал положительный результат в прошлый раз. Не зародились ли такие наклонности у кого-то, кто раньше реагировал отрицательно.

В течение тридцати минут исправляемые имеют возможность наблюдать за животными через металлическую решетку. Исправляемые уверены, что на время посещения Фермы их отключают от *социо.* Мы говорим, это нужно для максимальной эффективности терапии, чтобы они не отвлекались от визуального контакта с животными в первом слое. В какой-то мере все так и есть — исправляемых ничто не может отвлечь от первого слоя, мы блокируем все сигналы на вход. Но второй слой активен. Мы фиксируем их сигналы на выход во втором слое. Рассчитываем коэффициент потенциальной угрозы, КПУ, в данном конкретном случае и определяем тип реакции на ПВА Чтобы я понял(а), приведу несколько примеров.

Стандартные сигналы при низком КПУ примерно такие:
«настоящая курица!»
«коза некрасивая»
«свинья не розовая, как на картинке, а темно-инвизибл»
«хорошо, что я в исправительном, других людей не возят на ферму»
«у собаки текут слюни»
«после паузы я всем расскажу, что видел настоящую лошадь»
«я слышал (а), до рождения Живущего люди и звери дружили»
Это отрицательная реакция на ПВА.

При среднем КПУ наблюдаются реакции переходного типа. Для этого состояния характерны такие сигналы, как:
«почему они так визжат?» «что такое смерть?»
«интересно, они знают, что не возродятся!»
«Живущий сильнее, чем эти существа»
«конечно, они боятся Живущего»
«я слышал(а), до рождения Живущего люди убивали зверей, резали их на куски и продавали куски в магазинах»
«в детстве мне давали коробочки с мясом, произведенным на этой ферме. Интересно, Фермер сам убивал животных, или это делал ка— кой-то аппарат, или животные переставали жить сами?»

Высокий КПУ, примеры положительных реакций на ПВА:

«визжи, визжи, визжи, визжи громче!»

«вот бы мне дали подергать кролика за уши» «выдрать им шерсть…»

«если отрезать хвост, кровь будет идти долго»

Высокий КПУ, примеры максимально положительной реакции:

«хочу задушить собаку» «хочу бить их камнями»

«хочу привязать свинью к решетке и втыкать в нее палку»

Некоторые исправляемые при контакте с животными рефлекторно выдают несамостоятельные сигналы. Как правило, это цитаты из Книги Жизни или различных обучающих и развивающих программ:

«корова дает молоко» «конь храпит и стонет слон»

«дни бегут приходит ночь мы не можем им помочь»

«Живущий — друг и покровитель животных»

«для котов и для овец приближается конец»

«наши несчастные братья»

Несамостоятельные сигналы не позволяют с точностью определить тип реакции на ПВА. По умолчанию мы квалифицируем такую реакцию как переходную, однако учитываем, что она также может относиться и к отрицательному, и к положительному типу.

Все вышесказанное — лишь небольшое профессиональное отступление. Я стараюсь, как старался и в прошлых своих воспроизведениях, уделять некоторое внимание научным аспектам. Надеюсь, в мои восемь лет такого рода отступления будут мне интересны и полезны и помогут определиться с выбором специализации…

Теперь вернусь ко вчерашнему посещению Фермы.

Мы с Лотом привезли группу из пятнадцати исправляемых. Среди них был Зеро — тот самый. Человек без инкода. Не знаю, чего такого особенного я ожидал, он оказался совершенно обычным одиннадцатилетним ребенком. Ничем не примечательная внешность: вечером, анализируя происшедшее, я попытался представить его себе и не смог. Всплыли только отдельные фрагменты его лица, как кусочки не загружающейся в третьем слое картинки. Прядь темных волос на лбу. Карие сощуренные глаза. Хмурые брови. Это был его первый визит на Ферму.

В группе он держался особняком, но когда к нему

обращались, реагировал вполне дружелюбно. К нему, впрочем, мало кто обращался — все отвлеклись на животных.

Мы начали с крыс, для разминки: как ПВА они мало у кого вызывают положительную реакцию. Мы с Лотом зафиксировали единственный сла— бо-положительный сигнал от одного из исправляемых подростков (*голый хвост как дождевой червь если отрезать кусочек интересно уползет или нет),* большинство сигналов были стандартными *(крысы уродливы)* или несамостоятельными *(до рождества Живущего крысы обитали в домах людей и являлись разносчиками всевозможных болезней)*.

С расстояния в несколько метров исправляемый Зеро смотрел на крыс вроде бы с интересом, но какие реальные выводы можно сделать о человеке, основываясь лишь на наблюдениях в первом слое?! Зеро не подключен к *социо.* Как частица Живущего я понимаю, что это правильно. Признаю всю степень опасности его подключения… Но как ученый я страшно жалею, что не имею возможности наблюдать его поведение в более глубоких слоях… При всем уважении к решению Совета Восьми — не подключив Зеро к *социо,* мы, по сути дела, отказались от возможности понимать его, а следовательно — контролировать.

…Потом мы разрешили группе приблизиться к решетке. Крысы, как это всегда бывает, отпрянули к задней стене, сбились в один огромный клубок, дрожащий, визжащий, кусающий сам себя. Несколько раненых крыс вывалились из этого клубка на дно вольера и тут же застыли и скрючились, парализованные страхом. Потом одна из них конвульсивно задергалась и перестала жить. Никто из исправляемых этого, по счастью, не понял — мы не зафиксировали ни одного тревожного сигнала, в основном все сочли неподвижное животное *«уставшим».* Разве что Зеро… если кто и догадался, что произошло с крысой, — то он. Он смотрел на нее, только на нее, внимательным, ничего не выражающим взглядом. Даже когда все пошли к вольеру с коровами, он остался стоять. Я позвал его, но он даже не обернулся — мне пришлось увести его за руку. Он не сопротивлялся. Его рука была холодной и влажной, и мне с трудом удавалось терпеть это прикосновение. Уже тогда у меня мелькнула мысль, что я упустил что-то важное. Что-то было не так, не так, как должно было быть, когда он стоял там один и смотрел на крыс. Что— то было не так с крысами. Я вел его за руку и пытался думать об этом, но отвращение мешало сосредоточиться, мысль ускользнула.

Я понял, в чем дело, только когда мы дошли до собак.

Я знаю, что такое собака? Совсем не то существо, чье изображение открывается вместе с файлом «Древние домашние животные» после инсталляции «Детства Живущего». Совсем не то,

которое я могу себе загрузить в *социо*-игре. Трогательно висящее ухо, второе вздернуто, морда вопросительно наклонена набок, мохнатый хвост описывает круги в воздухе… Это лишь реконструкция. Если верить дошедшим до нас документальным свидетельствам, так или примерно так выглядела собака до рождения Живущего. Повторю — если верить.

Настоящие собаки другие. Хрипатые твари с оскаленными зубами, прижатыми к голове ушами и наморщенным носом, с комками засохшей пены вокруг грязной пасти. И эта вонь от них. Не представляю, как они жили когда-то в домах, как человек умудрялся дышать одним с ними воздухом… Перед посещением собачьего вольера мы всегда раздаем исправляемым специальные респираторы, но даже они не могут блокировать полностью неприятные запахи… Поэтому близко к вольеру исправляемые редко подходят. Зеро подошел.

Он подошел к самым прутьям, и тогда я, наконец, понял, в чем дело.

Я вспомнил тот клубок крыс — распавшийся, расползшийся, когда этот мальчик остался один рядом с ними. Я вспомнил коров и свиней — таких потухших и *тихих,* я раньше даже не думал, что они способны просто молчать. Я смотрел на собак… Они не боялись его.

Животные его не боялись.

Но если крысы, коровы и свиньи просто его игнорировали, то эти собаки — как ни фантастично звучит — они вступили в контакт.

Вчера, на жаре, их запах был особенно отвратителен. Исправляемые держались от вольера на расстоянии. Все, кроме Зеро. Он стоял, прижавшись лбом к прутьям, и смотрел, как собаки хрипят и давятся лаем, словно стараются выкашлять из себя свой страх, зловонный, разрывающий их изнутри. Потом он стал что-то насвистывать — кажется, колыбельную про зверей, — и вот тогда я увидел. Одна из собак бросилась вдруг к решетке, к тому месту, где был Зеро, и застыла в полуметре от него в странной позе: спина выгнута, передняя часть тела прижата к земле, а задние лапы максимально распрямлены и хвост вздернут. Как будто она пыталась поклониться ему. Как будто она просила его о милости.

Невероятно. Он протянул ей руку через решетку, и она подошла. Обнюхала его пальцы и затрусила обратно, к стае.

Мне снова пришлось уводить его, но я не смог заставить себя прикоснуться к его руке. На его правой ладони блестела собачья слюна.

Я потянул его за рукав, и он послушно пошел за мной.

Мы с Лотом произвели дезинфекцию. Потом передали сообщение о случившемся в ПСП и в Службу Помощи Природе. Мы запросили все данные об аналогичных случаях, мы подняли все доступные архивы в четвертом и даже пятом слоях, но, как я и ожидал, похожих реакций со стороны животных никто никогда не наблюдал.

Животные всегда боятся Живущего. Это данность и аксиома.

Животные не испугались исправляемого Зеро. Не распознали его как Живущего. Что из этого следует?

На самом деле два варианта.

Вариант № 1. Зеро — новообразование. Что-то вроде злокачественной, чужеродной клетки в организме Живущего. В таком случае его заключение в исправительный Дом — совершенно естественный шаг и очень мудрая мера. В человеческом организме чужеродная клетка тоже помещается «в карантин», изолируется иммунной системой. В идеале дальше, если клетка не докажет, что она не опасна, она сама совершит апоптоз — самоуничтожение, чтобы не вредить организму. Если же этого не случится — чужака должна уничтожить «армия» иммунной системы. Когда иммунная система слаба — чужак побеждает. Размножается, поражает здоровые ткани, «сводит с ума» честных солдат… В нашем случае опасности нет: организм Живущего здоров и силен, несчастный ребенок слаб и растерян. К тому же это всего лишь метафора.

Вариант № 2. Зеро — полезная реверсивная мутация. Возможно, он несет в себе ретроген и распознается животными как «человек древний», которого они не боялись. Закрепление этой мутации для Живущего может быть чрезвычайно полезно (и в этом случае изоляция Зеро представляется сомнительной мерой). Во-первых, открывается долгожданная перспектива одомашнивания животных. Во-вторых, стоит отметить: исправляемый Зеро обладает феноменальной памятью в первом слое — по дошедшим до нас свидетельствам, такой памятью отличался именно «человек древний». Будучи лишенным *социо,* а значит, и всех образовательных программ, инсталлируемых по возрасту, Зеро тем не менее демонстрирует потрясающую осведомленность в разных вопросах, умеет читать, писать, владеет навыками счета, отличается прекрасной скоростью реакции, способностью к логическому и абстрактному мышлению. В случае закрепления такой мутации уже в недалеком будущем мы могли бы рассчитывать на повышение внесоциального

интеллекта Живущего, а следовательно, на повышение его интереса к первому слою. Интерес к первому слою стал бы естественным стимулом к освоению новых территорий, развитию приборо— и машиностроения, преобразованию и исследованию окружающей среды, путешествиям, заботе о внешности, поддержанию физической формы, размножению. Активная жизнь в первом слое помогла бы нам решить проблему раннего ожирения, тромбозов, инсультов и инфарктов.

И наконец — могу же я немножечко помечтать? — внесоциальное любопытство могло бы заново открыть Живущему путь к звездам. До Рождества человек древний активно осваивал космос; досадно, что в наши дни эта сфера совершенно не развита. А ведь кто знает — возможно, Живущий не одинок во Вселенной…

…Но я отошел от темы.

Я буду добиваться того, чтобы Зеро включили в список исправляемых, участвующих в нашем эксперименте. В его случае инкарнацион— ная ретроспекция по методу направленного луча Лео-Лота может дать потрясающие результаты. Полагаю, мы просто обязаны это сделать. Разобраться, что он несет нам: «зло» или «пользу». Очень надеюсь, что мальчик пришел к нам с дарами.

Насколько я понял, этот Эф — сотрудник ПСП, курирующий Зеро, — готов оказать нам поддержку в данном вопросе. Его очень впечатлил наш отчет о посещении Фермы, и он походатайствует о включении своего подопечного в список.

Зеро

Мне было одиннадцать, когда собака на Ферме лизнула мне руку. Ученый, который при этом присутствовал, сказал, что других таких случаев не было, никогда и нигде. Ученого звали Лео. Он весь лоснился от удовольствия.

Кажется, его разочаровала моя реакция: я не обрадовался.

Он постарался все-таки растормошить меня; вероятно, я представлялся ему несколько заторможенным. «Животные боятся Живущего, — медленно, как умственно отсталому, объяснял он. — Мы пытаемся как-то изменить ситуацию, но до сих пор — безуспешно. Та собака… Она сама к тебе подошла. Уникальный случай. Ты понимаешь? Твой случай уникален!»

Я понимал, что мой случай уникален. Задолго до разговора с Лео, задолго до Фермы. Но там, на Ферме, я понял, что дело дрянь. Та собака — она меня будто пометила. Оставила на ладони клейкую метку смерти.

Животные боятся Живущего; так было всегда. С самого Рождества. Так говорила пожилая учительница в группе естественного развития. Я хорошо запомнил этот урок.

— …За девять месяцев до Рождества, с началом Великого Сокращения, человеческое население по всему миру стало стремительно убывать. Эпидемии, войны, природные катаклизмы каждый день прерывали тысячи жизней. Началась паника: люди не понимали, что… Сокращение означает вовсе не гибель, а… напротив, предвещает рождение Вечно… Живущего. Все еще смертные, они не знали, что скоро… станут частью Его…

Я заметил, что ей тяжело говорить: у нее сбивалось дыхание. Словно ей не хватало воздуха, словно она произносила слова на бегу:

— …Это мы с вами теперь твердо знаем — ну-ка, все хором! — число Живущего… неизменно, Живущий… есть… три миллиарда живущих, и ни один…

Она то и дело тихонько откашливалась. Она нервничала, хотя и старалась не подавать виду. Это был ее последний день перед принудительной паузой.

— …не убудет… от него, и ни один не прибудет, ибо… в вечном перерождении заключена… тайна жизни…

Она могла бы взять выходной, но все же пришла. Она сказала нам, что это прощальный урок. Что ее переводят в другой регион.

Она не рассказывала ученикам про паузу: стыдилась, что дотянула аж до принудительной, и не хотела подавать нам

дурной пример. Но мы знали. В последний месяц она сильно сдала, как-то вдруг постарела, стала путать слои. Кажется, у нее началась интровербалия: на переменах мы несколько раз слышали, как она говорила вслух в глубоких слоях. Так мы и узнали про ее паузу. Она сидела за своим столом, ссутулившись, склонив голову над стеклянной столешницей. Ее лицо бледно отражалось в стекле, и она словно бы беседовала со своим отражением.

— …Перед паузой вы имеете право взять отпуск на срок от одного до семи дней. Вы хотите взять отпуск? Да. Нет, — говорила она чужим металлическим голосом. — Нет, — уже обычным, своим. — Вы уверены? Да. Нет. — Да. Мне не нужен отпуск. Ведь это всего лишь пауза, верно? — Верно. Всего лишь пауза. Но любой живущий имеет право взять отпуск, чтобы привести в порядок свои дела на данном отрезке жизни. — Я предпочитаю ходить на работу. Так легче. Это меня отвлекает. — Отвлекает от чего? Вы испытываете неприятные эмоции в связи с паузой? Да. Нет.

Она помолчала. Потом снова отчеканила:

— Вы испытываете страх в связи с паузой? Да. Нет.

Она выпрямилась и закрыла лицо руками. Некоторое время сидела так молча, потом чуть приоткрыла ладони и снова захлопнула — как будто пыталась спрятаться. Как будто думала, что станет невидимой, если сама не будет смотреть. Но то, от чего она заслонялась, находилось внутри нее. Еле слышно, уткнувшись в ладони, она ответила:

— Нет. Конечно же нет. Ведь это всего лишь пауза.

…На том прощальном уроке она рассказывала нам про животных. Она хватала ртом воздух. Мне врезалось в память каждое ее слово:

— За девять месяцев Великого Сокращения человечество истребило практически весь свой скот, домашних, а также большую часть диких зверей и птиц. Ученые того времени исходили из ошибочной гипотезы, что разносчиками смертоносных вирусов, приводивших к человеческим пандемиям, являлись животные… К Рождеству Живущего многие виды домашних зверей и птиц навсегда исчезли с лица Земли. Поголовье остальных сократилось до критических размеров. Уцелевшие особи мигрировали в не заселенные человеком горные или лесные зоны, дичали. Их преследовали и там…. Новорожденный Живущий остановил бессмысленное истребление невинных, как только осознал себя. Как только стало ясно, что число Живущего отныне и навсегда неизменно. Теперь Живущий — друг и покровитель животных. Но Он вынужден расплачиваться

за чужую ошибку, совершенную, когда Его еще не было. Страх животных перед людьми, истреблявшими их, слишком силен — этот страх передается на уровне генетической памяти. К сожалению, животные не в силах понять, что на смену тем доисторическим людям пришел всеблагой Живущий. К сожалению, животные боятся Живущего. Боятся нас с вами. Но со временем Живущему наверняка удастся их приручить и завоевать их доверие…

Помню, после урока я к ней подошел, просто чтобы сказать «смерти нет».

— Смерти нет. — Учительница кивнула и прикрыла глаза, и я заметил, какие у нее дряблые веки и как они слабо подрагивают. Как мотыльки. Как помятые крылья бабочки-однодневки. Я должен был просто уйти, но мне вдруг очень захотелось ее подбодрить, сказать что-нибудь жизнеутверждающее, обнадеживающее.

— Пауза — это здорово, — сообщил я. — Старые и слабые обретают новую жизнь. Вы опять станете молодой и сильной…

Она вдруг засмеялась, так неожиданно и визгливо, что я покрылся мурашками. Она сказала сквозь смех:

— Ты знаешь, почему звери боятся Живущего?

Я подумал, она, наверное, решила меня напоследок проверить, и ответил: да, знаю. Потому что звери просто не в силах понять, что на смену доисторическим людям пришел всеблагой Живущий…

— Вранье, — сказала она. — Все дело именно в том, что они понимают. Звери видят Живущего. Трехмиллиардное чудовище, вечно молодое и сильное. Убивающее в себе старых, чтобы на их месте созрели юные…

Она снова хихикнула, и я заметил, что с ее глазами что-то не так. Ее зрачки сужались и расширялись — не синхронно, по очереди.

— …А насекомые? — она повысила голос. — Пчелы, осы, муравьи и термиты — почему они нас не боятся?

— Потому что доисторический человек не истреблял насекомых…

— Нет, не поэтому!.. — Ее зрачки вдруг застыли, один большой, другой маленький, и она заговорила спокойно и кротко: — Вероятно, вы пытаетесь сделать что-то не совсем верное. Вы хотите перейти в спящий режим? Да. Нет… Выполняется автоматический переход в спящий режим…

Я смотрел, как она мирно спит, свесив голову набок. Потом пришла Ханна, и увела меня, и сказала, что «тетя просто устала».

Я хорошо запомнил этот урок. Животные боятся Живущего.

Там, на Ферме, собака лизнула мне руку, но я не обрадовался. Я подошел так близко к вольеру, потому что хотел, чтобы она меня испугалась. Чтобы они все испугались. Потому что животные боятся Живущего.

Досье

(стенограмма беседы исправляемого *Лисенок* **с сотрудником ПСП от 17.07.471 г. от р. ж.; фрагмент)**

Сотрудник ПСП: Ты — свидетель очень серьезного происшествия. Ты должен рассказать все, что видел и слышал в тот день на Зеленой Террасе. Максимально подробно.

Лисенок: ***Я*** не виноват. Квин, это не я! Я тут ни при чем.

Сотрудник ПСП: Тебя никто и не обвиняет в соучастии. Ты просто свидетель. Пока что. Но от твоих ответов зависит гармония и стабильность Живущего. Ты хочешь помочь Живущему?

Лисенок: Да. Я очень люблю Живущего и все для него сделаю. Квин.

Сотрудник ПСП: Я рад, что ты так говоришь. Это правильно. Ты хороший исправляемый, и я уверен, что очень скоро ты совсем исправишься. К тому же ты ведь у нас знаменитость! Я видел твое выступление на фрик-тьюбе.

Лисенок: Правда?

Сотрудник ПСП: Конечно. И другие планетарники видели. Ты отлично спел… Ну, рассказывай!

Лисенок: Я услышал крики с Доступной Террасы. И… я немного испугался, но мне было интересно, и я спросил друзей, что там творится…

Сотрудник ПСП: Тут поподробнее. Каких друзей ты спросил? Как ты их спросил?

Лисенок: Я спросил в *социо,* ну, во втором слое, общей рассылкой всю нашу группу.

Сотрудник ПСП: Тебе ответили?

Лисенок: Да, Тритон и Герда ответили.

Сотрудник ПСП: Текст ответов?

Лисенок: Посмотреть в памяти?

Сотрудник ПСП: Да.

Лисенок: Тритон: «этот псих 0 собирается себя уничтожить и кажется он еще собирается сжечь наш термитник урод». А Герда… Герда написала… Извините, я стер ее ответ.

Сотрудник ПСП: Почему?

Лисенок: Мы с ней поссорились вчера. Потому что она сказала, что Планетарник из «Вечного убийцы» ведет себя как идиот и не может поймать преступника, который у него прямо под носом, а мне очень нравится Планетарник, и я думаю, он хороший… Так что мы с Гердой поспорили, и я разозлился и *удалил навсегда* всю нашу историю чата. Это очень плохо?

Сотрудник ПСП: Ничего страшного, это же твоя личная соцшячей— ка, ты имеешь право удалять из нее все что хочешь. Просто скажи, что тебе ответила Герда.

Лисенок: Я не помню.

Сотрудник ПСП: Своими словами.

Лисенок: Я правда не помню… Яппп! Я не знаю, как пересказывать своими словами. Я никогда не запоминаю сообщения, они ведь все в памяти… Я ведь не виноват, правда? Другие тоже ничего не запоминают.

Сотрудник ПСП: Не волнуйся, ты не виноват. Теперь расскажи, что было дальше.

— …Потому что в мире Живущего нет преступников!

— …Потому что нас содержат в исправительном Доме!

— …Потому что каждый из нас может исправиться!

Три «потому что». Каждый день, утром и вечером, хором. Я засыпал и просыпался под этот хор. Я и сам был частью этого хора — выкрикивал ответы на вопросы, раздававшиеся в их головах. Крэкер озвучивал для меня вопросы. Я никогда его не просил, ему просто нравилось это делать.

— Почему в мире Живущего нет преступлений? — воодушевленно шептал он.

…Потому что в мире Живущего нет преступников…

— Почему в мире Живущего нет преступников? — изумленно таращил глаза.

…Потому что нас содержат в исправительном Доме…

— Почему деструктивно-криминальный вектор в инкоде — не приговор? — щекотно хихикал мне в ухо.

…Потому что каждый из нас может исправиться…

Ему нравилось. Нравились сами вопросы. Но ответы у него были другие. Как и другим исправляемым, ему не инсталлировали обучающую программу «Живые пальчики». Но он сам научился писать в первом слое при помощи рук и корявым почерком выводил свои ответы на обрывках бумаги:

«Потому что в мире Живущего преступления называются поддержанием гармонии».

«Потому что в мире Живущего преступники пришли к власти».

«Потому что настанет день, когда мы вырвемся на свободу».

Крэкер был старше меня на два года. Большой лоб и маленькие тусклые глазки. Тонкие и острые на сгибах, как у паучка, конечности. У него дергалось правое веко, как будто он все время подмигивал. К нему близко никто не подходил. Все знали, что он не в себе. Я тоже знал, но это меня не смущало.

На самом деле они шарахались от него по другой причине. Они боялись. Боялись его почти так же сильно, как меня. Все знали, за что Крэкер был здесь, в исправительном. Все знали, *что* именно он совершил давно, множество пауз назад. Я тоже знал, но и это меня не смущало. Я был единственным, кто с ним говорил и кто его слушал. Для меня он не представлял ни малейшей угрозы. А я — для него.

Чувство взаимной безопасности — вот что нас связывало. Днем мы обычно держались вместе. Ночью мы спали на соседних

кроватях, а две другие кровати — по обе стороны от нас — пустовали. Мы подружились не потому, что оба были изгоями. Мы подружились потому, что не боялись друг друга.

Поначалу мне было сложно спать рядом с Крэкером. Он ложился на спину, вырубался почти мгновенно и сразу же начинал громко храпеть. Мне требовалось куда больше времени, чтобы заснуть, и я никогда не успевал отключиться прежде, чем начнется шум. Иногда я часами лежал без сна, а утром вставал измученный и несвежий. Позднее я научился подстраиваться к ритму его дыхания. Грохот сменялся тишиной с равными интервалами. Я представлял себе, что его храп — это поршень, передвигавшийся вверх и вниз, заслонявший и снова освобождавший мне проход в сон. Я научился проскакивать до того, как поршень в очередной раз опустится. Я полюбил эту ночную игру и привык к ней, как к колыбельной.

Однажды я заговорил с ним о Ханне. О том, как мы жили, и как она пела, и как ушла. Он не просил ничего рассказать — мне самому захотелось выговориться, а другого слушателя я бы все равно не нашел. Скорее всего, моя мать была ему безразлична, но Крэкер слушал очень внимательно и ни разу не перебил. Он тихо скреб своими тонкими пальцами красные пятна на шее и иногда едва заметно кивал. Когда я закончил, он не сказал мне — единственный из всех, кто узнал историю Ханны, — что нет повода огорчаться, что она жива и здорова, что смерти нет… Он вообще ничего не сказал. Но с тех пор стал показывать свои запретные записки с ответами.

Он показывал их только мне. Потом прятал. Скручивал в тончайшие трубочки своими паучьими пальцами и запихивал в разные щели. Он повсюду устраивал тайники — прятал даже в террариумах с питомцами: совал трубочки в рассохшуюся древесину, закапывал во влажный песок…

Иногда — редко — Крэкер обнаруживал «чужие» тайники: с тусклой улыбкой извлекал из какой-нибудь пыльной дыры заскорузлую бумажную трубочку, торопливо разворачивал и демонстрировал мне: «Потому что в мире Живущего преступления называются поддержанием гармонии… Потому что в мире Живущего преступники пришли к власти… Потому что настанет день, когда мы вырвемся на свободу…»

Я спрашивал:

— Ну и что? Разве это не ты написал?

Крэкер кивал большой головой и загадочно улыбался:

— Пойдем к Сыну Мясника!

Сын Мясника был из Черного списка. Он содержался в

Спецкорпусе строгого режима, на минус втором этаже, в прозрачной конусообразной исправительной камере. Камера была выставлена на всеобщее обозрение в центре ярко освещенного овального холла. Мы с Крэкером садились прямо на пол, лицом к Сыну. Пол был чистый и белый. И такие же белые, слюдянисто-блестящие скругленные стены. Овал потолка — одна огромная плоская лампа. Ни окон, ни углов, ни теней — ничего не скрыть, никуда не скрыться. Искусственный полдень. Прямой и честный *исправляющий* свет.

Сложно было вообразить менее укромное место, и все же именно его мы обычно использовали для приватных бесед. Время от времени в Спецкорпус приезжали экскурсионные группы или какие-нибудь научные работники, и тогда на минус втором было не протолкнуться, но что касается обычных дней, кроме нас с Крэкером, мало кто из исправляемых приближался к камере Сына. Не из страха увидеть его самого. Из страха увидеть его улыбку.

Улыбка черносписочника считалась дурной приметой или даже проклятием; она якобы могла «зачаровать» исправляемого и навсегда остановить процесс исправления. Но мы с Крэкером не были суеверны. Кроме того, Сын Мясника не умел улыбаться. Ему было двадцать три. Большую часть времени он сосал и грыз свои пальцы, ковырял в носу или смотрел, как сияет и переливается на свету его разноцветный костюм. Сына переодевали каждый день, для него была разработана коллекция из семи нарядов, все в стиле «мне повезет» — с блестками, золотыми нитями, световставками и полной цветовой гаммой. Кажется, этот его маскарад являлся частью какой-то социальной рекламы. Как бы то ни было, одежда «мне повезет» довольно плохо сочеталась со стерильной, пронзительной наготой этого места. В своих кричащих костюмах, в своем прозрачном жилище Сын Мясника был словно питомец. Он был как пестрая бабочка под стеклянным звуконепроницаемым колпаком.

…Мы сидели на белом полу лицом к Сыну. Крэкер вертел в паучьих руках записку из тайника. Сын Мясника облизывал подушечки пальцев, потом прикладывал их к стеклу и смотрел, какие остаются следы.

— Так что, ты хочешь сказать, что это не ты написал?

— Посмотри. — Крэкер сунул мне записку прямо под нос таким резким движением, что Сын Мясника вздрогнул и отдернул от стекла свою слюнявую руку. — Посмотри, совсем другой почерк. Не говоря уж о том, что тайник был не мой….

Он уже говорил это раньше. Про другой почерк и чей-то чужой тайник. Но меня это не очень-то убеждало. Я не видел

особой разницы в почерке (каракули и каракули), а тайников у Крэкера было столько, что он мог просто забыть.

— Ты мог просто забыть.

— Ну конечно. — Его веко дернулось, или, может быть, он и правда мне подмигнул. — Конечно, я мог забыть. Я должен был забыть. Никто не может помнить, куда он засунул клочок бумаги до паузы…

Крэкер был убежден, что прятал такие записки во всех своих прошлых воспроизведениях. Впервые он нашел тайник с запиской, когда ему было восемь. Нашел — и стал делать точно такие же: продолжать «свое дело»…

— С чего ты взял, что записку оставил именно ты? Ведь это было бы слишком странное совпадение. Чтобы ты воспроизвелся в этом же регионе… И попал в этот же самый исправительный Дом…

— Ничего странного, — огрызнулся Крэкер. — В сорок лет все исправляемые идут на Фестиваль Помощи Природе, так? в зону Паузы, так? это большой шанс воспроизвестись там же, на фестивале, в зоне Воспроизведения, так?..

Он говорил так быстро, что прямо захлебывался словами. Я смотрел, как дергается его глаз. И как на его бледно-мучнистой коже, там, где горло, появляются красные пятна. Когда Крэкер что-то рассказывал, он все время теребил пальцами шею — словно подталкивал застрявшие в горле окончания фраз.

— …Так что такие, как мы, часто остаются в одном и том же регионе. И попадают в тот же самый исправительный Дом… Конечно, *ему* же это удобно! Так *ему* проще нас контролировать…

— Кому «ему»?

— Живущему. — Крэкер снова подмигнул. — Да, мой родной? — Он легонько постучал костяшками пальцев по прозрачной камере Сына, потом прижался лицом к стеклу. — … Да, малыш? Так ведь удобнее — держать нас под колпаком?..

Сын Мясника завороженно уставился на Крэкера. На секунду мне даже показалось, что он и правда его услышал… Но нет. Судя по всему, его заинтересовал нос Крэкера, расплющенный по стеклу. Сын пару раз ковырнул пальцами стекло, пытаясь потрогать удивительный «пятачок», но тут же заскучал и принялся покачиваться из стороны в сторону…

Сын Мясника нас не слышал, а мы не слышали его. Иногда мы видели, что он шевелит губами, словно разговаривает, но не думаю, чтобы это была связная речь. Ему не инсталлировали ни одной обучающей программы, а в первом слое с ним никто не общался. Возможно, он просто что-то напевал или повторял обрывки услышанных во втором слое фраз… У всех исправляемых

был ограниченный доступ к *социо,* но у Сына Мясника он был минимальным: только второй слой, только музыкальные и развлекательные программы. Не знаю, отключали ли его от *социо* на время трансляции «Вечного убийцы» из каких-нибудь там этических или педагогических соображений… Подозреваю, что нет. Он все равно не понимал, о чем речь. Не понимал, что это сериал про него.

…Я не был подключен к *социо* и не мог смотреть «Вечного убийцу», но Крэкер мне все пересказывал. Мне нравилось следить за сюжетом. Но больше всего мне нравилась прелюдия, короткий рассказ, с которого начиналась каждая серия. Крэкер говорил, это было что-то вроде секундных сцен-вспышек, а закадровый голос произносил текст. Я просил Крэкера повторять для меня этот текст снова и снова. Я выучил его наизусть:

«Эта история произошла в эпоху Великого Сокращения, когда эпидемии каждый день уносили жизни миллионов людей. Тогда люди еще не знали, что грядет рождение Живущего, и ошибочно винили в своих болезнях домашний скот. В ту пору жил да был на свете Мясник. Когда в его деревне началась эпидемия, он взял свой топор и за один день перебил всех коров, коз, овец, кроликов, кур, собак и кошек в округе. После этого он бросил на землю окровавленный топор и, усталый, отправился спать. Пока Мясник спал, его сын подобрал топор. Он зарубил сначала отца и мать, потом сестер и братьев, а после отправился к соседям. Всю ночь Сын Мясника убивал людей. Он залил деревню кровью, никого не оставил в живых, а на следующую ночь отправился в путь. Сын Мясника шел через деревни и города, и сотни людей каждую ночь погибали от его топора. Лишь после рождения Живущего безумца удалось задержать. Его приговорили к публичной паузе через повешение, а после возрождения младенца заключили в тюрьму…» — тут, говорил Крэкер, наступает полная темнота, слышится раскат грома — хгрбдышь! — и снова голос: «…Наши дни. Живущий всеблаг, поэтому тюрем больше нет, есть лишь исправительные Дома. В одном из таких домов живет жестокий Сын Мясника. Однажды ночью ему удается сбежать…»

Вот за что я любил сериал «Вечный убийца». *Однажды ночью ему удается сбежать.* Эти слова дарили надежду. В конце каждой серии Сына Мясника настигали — но надежда… Надежда оставалась со мной.

— …Почему деструктивно-криминальный вектор в инкоде — не приговор? — Крэкер, наконец, отлип от стекла и посмотрел на меня. — Тебе объясняли, почему мы должны каждый день отвечать на этот вопрос?

— Да, — сказал я. — Объясняли. Чтобы получить позитивный заряд.

Крэкер хихикнул:

— Можно и так сказать… А знаешь, почему в «Ренессансе» у нас не полный доступ к ячейке? Почему нам позволяют читать только письма непосредственного инка-предшественника?

— Эф говорит, это потому, что каждый более ранний предшественник на шаг ближе к изначальной личности Преступника. Письма ранних предшественников могут повредить исправлению…

— Твой Эф врет. Здесь никто никого не думает исправлять. Нам не дают читать письма ранних предшественников, чтобы мы не сошли с ума. Потому что все наши предшественники сгнили в исправительных Домах. Все, понимаешь? Я был здесь до паузы и вернусь сюда после…

— Перестань.

— Отсюда нет выхода!

Словно в подтверждение его слов Сын Мясника принялся биться лбом о прозрачную стену. Это было одним из его излюбленных развлечений.

— Я многое знаю. У меня есть письмо моего инка-предшественника. — Крэкер отвернулся от Сына, его нервировали эти беззвучные удары. — …Очень скучное. Распорядок дня, пересказ сериалов, наблюдения за погодой, цитаты из Книги Жизни, «пятнадцать свидетельств того, как хорошо я исправляю свой вектор» и все такое… Но это шифр. Я сразу понял, что это шифр. А Крэкер всегда разгадает шифр — особенно если его придумал он сам…

— Ты сумасшедший.

— …Крэкер взломает любой пароль. Крэкер пройдет через любую защиту. Крэкер напишет любую программу. Мое чудовище должно умереть….

— Замолчи!

— Мое чудовище должно умереть…

— Заткнись, Крэкер! Ты что, хочешь, чтобы тебя заперли в одиночку, как этого вот? — я ткнул пальцем в стекло. — Это запрещенная фраза. Особенно для тебя! Это же из месседжа Франкенштейна!

— Месседж Франкенштейна, — мечтательно прошептал Крэкер. — Когда-нибудь я его допишу.

Он снова прижался носом к камере Сына. Так, чтобы получился свиной пятачок. Сын Мясника перестал биться о стену и замер.

— Я знаю, малыш, ты не виноват, — сказал Крэкер, не

отрывая лица от прозрачной поверхности. — Это Он заставил тебя убивать. Лишил тебя разума. А потом навсегда запер здесь. Но я о тебе позабочусь. Крэкер обо всех позаботится, да, малыш?.. Я свинка! — Крэкер сморщил нос и потешно захрюкал. — Смотри, какая я свинка!

— Ему двадцать с лишним. Почему ты называешь его «малышом»? — спросил я.

— Потому что я называл его так, когда он был маленьким. Ну, в прошлый раз. В моем инка-письме говорится, что ему это нравилось. И это тоже: я свинка, я свинка! Хрю-хрю!..

Сын Мясника задумчиво разглядывал сплющенное лицо Крэкера. А потом улыбнулся.

Улыбка у него была совсем детская.

Досье

(стенограмма беседы исправляемого *Лисенок* с сотрудником ПСП от 17.07.471 г. от р. ж.; фрагмент)

Лисенок: Дальше я, кажется, побежал к Зеленой Террасе.

Сотрудник ПСП: «Кажется»?

Лисенок: Ну, я плохо помню, как я бежал, потому что я очень волновался… И когда я добежал до Террасы, там никого не было, потому что все были в отсеке с термитами.

Сотрудник ПСП: Ты запомнил, кто там был?

Лисенок: Очень много людей. Кажется, там были кураторы, энтомолог, исправляемые из разных групп… Еще там был планетарник — вот как вы, в маске. Ну и Зеро. Зеро держал в руке какую-то штуку. Блестящую. Похожа на батарейку. И он кричал, что хочет… ой, мне ведь нельзя произносить это слово…

Сотрудник ПСП: Сейчас можно.

Лисенок: Правда?

Сотрудник ПСП: Планетарная Служба Порядка тебе разрешает.

Лисенок: Он кричал, что сейчас будет умирать, что он сейчас себя подожжет. А планетарник тоже кричал, чтобы все вышли, потому что это опасно. А энтомолог кричал, что тогда погибнут термиты, если будет огонь, и что он не допустит… Яппп… Я, наверное, плохо рассказываю?

Сотрудник ПСП: Продолжай. Ты молодец, рассказывай дальше, у тебя замечательно получается. Вы все вышли?

Лисенок: Не помню… Да. Или нет. Наверное, нет. Мы ведь видели, что было дальше….

Сотрудник ПСП: Так что было дальше?

Лисенок: Дальше… Дальше он… Исправляемый Зеро… Он закричал что-то непонятное. Что он хочет быть как все или что-то в этом роде, я не совсем понял. А потом он что-то сделал с этой блестящей штучкой, и появился огонь, сразу очень много огня, и он тогда загорелся, весь, прямо вместе с одеждой. Он очень сильно горел. Ярко.

Сотрудник ПСП: Исправляемый Зеро кричал? Бегал по помещению?

Лисенок: Нет, по-моему, он совсем не кричал. А может быть, я просто не слышал. Но он точно не бегал. Когда он вспыхнул, он поднял вверх обе руки и стал как синий огненный столб.

Сотрудник ПСП: Что в это время предпринимал сотрудник ПСП?

Лисенок: Сотрудник ПСП… предпринимал… я не помню. Я

смотрел только на огненный столб, потому что он был очень яркий.

Сотрудник ПСП: Хорошо. Что было потом?

Лисенок: Потом… кажется, начали лопаться стекла, в том числе стекло, за которым был наш термитник, и он тоже загорелся, и что-то еще загорелось… И тогда сработала система пожарной безопасности, и полилась эта жидкость, которая тушит пожар… И все погасло. Столб погас.

Сотрудник ПСП: Дальше!

Лисенок: Дальше мы зашли посмотреть на Зеро и на термитов, но от них ничего не осталось… Только мокрая черная пыль. И там очень плохо пахло. Нас увели.

Сотрудник ПСП: Кто увел?

Лисенок: Не помню. Кажется, кто-то из кураторов.

Сотрудник ПСП: А тот сотрудник Службы Порядка, не помнишь, что он делал?

Лисенок: Точно не помню. Кажется, он помогал кураторам.

Сотрудник ПСП: Хорошо. Ты молодец, и Планетарная Служба Порядка выносит тебе благодарность. Если тебе больше нечего добавить к сказанному, тогда смерти…

Лисенок: Я хочу добавить!

Сотрудник ПСП: Я слушаю.

Лисенок: Я хочу еще добавить, что… Насчет наших термитов. Я считаю, мы все считаем — что это было очень жестоко по отношению к ним. Зеро плохо поступил с питомцами. У нас всегда была прямая трансляция из термитника, обычно я не сохранял ее в памяти, потому что видеофайлы занимают слишком много места, но последние несколько минут… до того, как они перестали жить… этот кусок я решил сохранить в своей памяти навсегда. Это очень грустная запись. Как солдаты высовывали из термитника свои головы, пытаясь не пустить огонь внутрь. Как рабочие заползали на королеву, пытаясь скрыть ее огромное тело под своими телами, заслонить от огня. И как нимфы отгрызали себе свои прекрасные крылья… неизвестно зачем. Может быть, от отчаяния. Потому что им стало понятно, что уже не спастись.

Сотрудник ПСП: Ты очень красиво говоришь, исправляемый Лисенок. Не зря тебя так любят слушать на фрик-тьюбе.

Лисенок: Да, я… Спасибо. Это из нашего «Прощального слова термитам». Мы очень по ним скучаем.

Зеро

Нашу группу привели на эксперимент через несколько дней после посещения Фермы. Нас было пятеро: я, Крэкер, двое незнакомых исправляемых (один предпаузник и один из средней группы) и Сын Мясника. Его доставили в буквальном смысле прикованным к инвалидному креслу: на руках и ногах металлические браслеты, от которых к поручням кресла тянулись блестящие цепи. Там, в выложенном белым кафелем коридоре лаборатории, мы впервые увидели Сына так близко и не через стекло. От него пахло, как от младенца из группы недавно воспроизведенных исправляемых: молоком, влажными очищающими салфетками и мочой. Он играл со своими цепями. Они явно ему очень нравились, их блеск и в особенности их звук, поэтому он шевелил то рукой, то ногой и восхищенно замирал, вслушиваясь в металлический звон. На нем был трехцветный костюм «социомана», и, когда он дергал ногой, широкие штанины слегка задирались, обнажая щиколотки — тонкие-тонкие, как у человека, который никогда не ходил. Мы с Крэкером тогда пришли к выводу, что цепи — скорее всего, просто маскарад для сотрудников лаборатории. Чтобы они видели: страшное чудовище укрощено и не представляет угрозы. Чтобы они не боялись, что все вдруг повернется, как в сериале «Вечный убийца», что Сын Мясника воспользуется ситуацией и сбежит. Крэкер даже спросил про цепи у сопровождавших нас планетарников (среди них был Эф), но они не ответили: сделали вид, что заняты в глубоких слоях и не слышат. Впрочем, и без планетарников было понятно: Сын не смог бы никуда убежать на таких беспомощных тонких ногах.

О сути и цели эксперимента нам тогда мало что было известно: на этот счет ходили самые разные слухи. Например, предпаузник, ждавший с нами в коридоре своей очереди, уверял, что нас будут облучать специальными «корректирующими ионами» с исправительной целью. Он был немного заторможенный, этот предпаузник, и все повторял, что после облучения уже в следующем воспроизведении наш КПУ уменьшится вдвое, потом — еще вдвое, и еще вдвое, и так после каждой паузы — коэффициент потенциальной угрозы становится вдвое меньше…

— Например, если мой КПУ — двенадцать, то в следующем воспроизведении это будет шесть, потом три, потом… — Он вдруг умолк, наморщил лоб, и на лице его отобразились сначала напряженная мыслительная работа, потом удивление и, наконец,

чистая мука.

— Всегда будет оставаться половина от половины, — с отчаянием сообщил он.

Тот, который из средней группы, недобро хихикнул:

— Не может такого быть. Пересчитай еще раз.

Сам он твердо придерживался той точки зрения, что на нас собираются «обкатывать» новые экспериментальные установки *социо.* Такие «обкатки» действительно регулярно производились, однако же нам с Крэкером было совершенно очевидно, что к участию в такого рода эксперименте не привлекли бы ни Сына Мясника, ни меня.

Крэкер утверждал, что эксперимент, с какой бы целью он ни проводился, поставит нас всех на паузу.

Я спросил его, с чего он взял, и он ответил в своей обычной манере:

— Заглянул ненадолго в ячейку того бородатого, ну, профессора, пока он водил нас по Ферме. Он исследует Пять Секунд Тьмы… Так что сам делай выводы.

Крэкер часто упоминал как-нибудь так, мимоходом, что «заглянул» в чью-то ячейку. И по его тусклому лицу совершенно невозможно было понять, серьезно он говорит или просто разыгрывает.

— Врешь, — сказал я. — Ты не мог никуда заглянуть. Вам всем обрубили *социо,* пока мы были на Ферме.

— Ну я же Крэкер. А Крэкер взломает любой пароль. Крэкер пройдет через любую защиту…

Мне кажется, прежде чем продолжать, я все же должен объяснить тебе, кто такой Крэкер. Скорее всего, ты прекрасно знаешь и без меня, ну а если вдруг нет, с моими объяснениями тебе будет понятнее. Мне будет понятнее. Я должен все понимать. Крэкер — это ведь не просто какой-нибудь исправляемый. Крэкер — гений.

Крэкер придумал *социо.*

Ну, не совсем в том виде, в котором *социо* существует сейчас, первый вариант был куда примитивнее, но именно Крэкер разработал программу, позволившую отказаться от бипэдов и церебронов и осуществлять подключение B2B[5] без помощи внешних носителей. Церебральная инсталляция.

Подключили всех. Поголовная церебральная инсталляция произошла за девять месяцев до Рождества Живущего.

Он мог бы быть достойной и счастливой частицей Живущего, мой бедный друг Крэкер. После Рождества ему предложили войти в Совет Восьми под вечным никнеймом *Основатель.* После

Рождества он должен был стать гордостью и опорой Живущего, его апостолом, его наместником, его мудрым защитником… Но он отказался. Церебральная инсталляция совпала с началом Великого Сокращения — и это совпадение повредило рассудок Крэкера, разрушило его жизнь, изменило его инвектор. Дело в том, что Крэкер почему-то винил себя. Да, именно себя он считал причиной всех тех войн, эпидемий, убийств, терактов… Крэкер вбил себе в голову, что разработанная им — и повсеместно внедренная — церебральная инсталляция положила начало Великому Сокращению. И привела к рождению Живущего.

Как связаны Великое Сокращение и рождение Живущего? Если ты есть, значит, тебе уже восемь и ты, безусловно, знаешь: Живущий — Спаситель наш. Он пришел в мир, чтобы победить смерть. Своим рождением Он положил конец Великому Сокращению. Своим рождением Он подарил нам вечную жизнь… Ты также знаешь, что тайна рождения Живущего есть одна из величайших тайн мироздания. Ты знаешь, что нам не нужны разгадки и объяснения, нам нужно лишь верить, что Его рождение есть животворное чудо…

Ты знаешь все это. Это знает каждый живущий… Но Крэкер — гений, создатель *социо,* еретик и безумец — этот Крэкер, он вывернул все наизнанку. Связь между Сокращением и Рождеством была для него очевидной — но очевидной иначе, не так, как для всех остальных. Он не считал Живущего спасителем нашим. Он считал его монстром. Великое Сокращение он полагал своего рода эмбриональным периодом. Периодом формирования *зародыша…* Зародыш же, по его мнению, возник в результате *слияния,* ну а слияние — ты уже догадался! — произошло в результате всеобщей церебральной инсталляции. То есть Крэкер считал, что своей работой он, лично он, вызвал к жизни Живущего.

И еще он всем говорил, что Сын Мясника не виновен в своих преступлениях, что Сын Мясника подчинялся воле *зародыша,* и все его убийства были лишь частью Великого Сокращения.

Абсурд, правда? Нелепость. Не бери это в голову. Я просто хочу, чтобы ты понял, насколько Крэкер упрям. Свое нелепое чувство вины, свою нелепую трактовку Великого Сокращения, свое неуважение к Живущему, уверенность в своей правоте Крэкер пронес через века, через множество пауз и воспроизведений, через множество тел… И донес до меня.

Он поделился со мной своей теорией во время терапии на Доступной Террасе.

Я не говорил тебе о Доступной Террасе? Это было наше

второе — кроме холла с камерой Сына — секретное место. Официально терраса именовалась Зеленой, на старинный манер, но среди исправляемых это пышное название не прижилось, так что мы называли ее по-простому. Как ни забавно, Зеленая Терраса вовсе не была доступного цвета (на полу розовая плитка с черным узором, стены из розоватого стекла) — название, как нам объяснили кураторы, сохранилось с тех далеких времен, когда цвета «доступен» и «занят» имели дополнительные символические значения. Занятой цвет ассоциировался почему-то с физическим влечением («страстью»), а доступный — с природой. Одним словом, Доступная Терраса называлась доступной, потому что там стояли террариумы с питомцами. У каждого из исправляемых было по два-три любимца, над которыми он нес шефство: кураторы полагали, что инсектотера— пия способствует исправлению. Мы должны были кормить питомцев, чистить их террариумы, менять им воду, песок или землю (в зависимости от среды обитания любимца), кроме того, по некоему негласному правилу с ними полагалось беседовать.

Не то чтобы мы по уставу обязаны были с ними разговаривать, нет, просто некоторые исправляемые, искренне привязанные к своим любимцам, всегда были не прочь с ними поворковать — остальные же полагали, что молчание будет расценено как равнодушие или даже жестокосердие, ну а ласковое слово, сказанное стрекозе или гусенице, пойдет только в плюс…. На Доступной Террасе не велась звукозапись, а кураторы лишь изредка поглядывали на нас через стеклянные стены, но мы знали, что если не будем общаться с питомцами, кураторам это станет известно. «Исправься: расскажи все куратору», «исправься: помоги товарищу в его исправлении», «исправься: ничего не скрывай» — Крэкер говорил, у них у всех то и дело выскакивают такие баннеры. Информировать куратора о подозрительном поведении товарищей — это естественно. Каждое слово, сказанное куратору, пойдет только в плюс. А молчание будет расценено как соучастие.

Одним словом, на Доступной Террасе всегда толклись исправляемые, и их голоса — монотонно-увещевательные, срывающиеся на фальцет от притворной или искренней нежности — сливались с жужжанием, писком и стрекотом подшефных питомцев. На Доступной Террасе решительно невозможно было уединиться или побыть в тишине, и именно поэтому терраса была нашим секретным местом. В толпе, где каждый что-то говорит своему любимцу, мы с Крэкером могли вполголоса обсуждать почти что угодно, не привлекая к себе внимания и не вызывая каких-либо подозрений.

…Именно там, на Доступной Террасе, где-то за неделю до эксперимента Крэкер развернул одну из мягких бумажных трубочек, положил ее на свою паучью ладонь и шепнул словно бы не мне, а питомцу:

— Смотри, я тут набросал кое-что…

У Крэкера был большой, пузатый, тонколапый паук, полностью подтверждавший правильность поговорки: «Питомец — второй хозяин». Они с Крэкером были похожи, они любили друг друга, у них был хороший контакт, на терапии Крэкер всегда брал питомца в руки и поглаживал его матовое круглое тельце, а паук блаженно подрагивал. Вторым крэкеровским питомцем была улитка, симпатичное беззлобное существо с трогательными подвижными рожками, но Крэкер ее презирал и плохо о ней заботился, она часто болела, и на стекле после нее оставался мутный слизистый след.

— …Это история нашего мира, — сказал Крэкер будто бы пауку; тот без любопытства потоптался на полуистертом бумажном квадратике и ушагал выше по Крэкеровой руке, в сторону локтя.

На бумажке была серия схематичных рисунков, соединенных между собой кривыми короткими стрелками. Я хорошо все запомнил. Несколько отдельных человечков (корявая подпись: «древние люди») — стрелка — голова человека с неприятной темной точкой в области лба (подписано: «цер. инсталляция») — стрелка — маленькая невнятная закорючка («начало формирования зародыша») — стрелка — что-то вроде яйца с недоступного цвета разводами внутри («развитие зародыша = великое сокращение») — стрелка — смешной многоголовый и многорукий монстр с погремушкой в одной из рук («рождение чудовища = число живущих становится неизменным»).

— Немедленно выброси эту гадость, — сказал я тихо и сладко, так, словно бы обращался к питомцу. — Избавься от этой бумажки, идиот ты несчастный. Сунь моему термиту, он ее быстро сожрет…

…Сначала, когда меня только поместили в исправительный Дом, в моем ведении были комар и муха. Я их не любил. Муха меня раздражала беспорядочностью перемещений, неспособностью сосредоточиться на какой-то конкретной цели и сделать выбор. После того как я сыпал ей сухой корм — пахнущие пряной гнилью бежевые шарики, — она долго кружила по

террариуму, не в состоянии решить, с какого из одинаковых шариков начать свой обед…. Я не знал, о чем с ней беседовать, так что обычно просто желал ей приятного аппетита, а на прощание говорил «смерти нет». Она тоже не испытывала ко мне никаких чувств и, в отличие от мух других исправляемых, никогда не садилась на разделявшее нас стекло, если я подходил. Самка комара вела себя иначе: при виде меня она всегда заметно оживлялась, она любила мою кровь и, наверное, любила меня. Я не получал особого удовольствия от контакта с ней, но никогда не отказывал ей в радости и делал для нее то, чего она так хотела: прислонял тыльную сторону ладони или щеку к боковой сетке ее террариума. Она вела себя тактично и аккуратно и не брала больше двух порций крови за раз. После ее терапии на поверхности кожи оставались нежно-розовые припухшие бугорки; я их мазал специальным кремом, который давал энтомолог, и они почти не чесались и полностью исчезали часа за три.

Спустя год Эф сказал, что доволен тем, как хорошо я заботился о своих двух питомцах. Я проявил себя с лучшей стороны и теперь заслуживал поощрения: он позволит мне выбрать третьего питомца самостоятельно. Любой из видов, представленных на Доступной Террасе, на мой собственный вкус.

Из всех питомцев террасы мне по-настоящему нравился только жук— олень, он был любимцем одного из предпаузников, и я хотел было попросить Эфа, чтобы мне привезли такого же или, например, отдали этого, когда его хозяин временно перестанет существовать… Вместо этого я заявил, что хочу термита. «Одного»? — неприятно уточнил Эф, и я сказал ему: «Да». До сих пор не вполне понимаю, почему попросил термита. Наверное, просто из любопытства. Или, может быть, чтобы восстановить справедливость.

Колония термитов считалась украшением и гордостью нашего исправительного Дома (в неволе эти насекомые приживались далеко не всегда); под их нужды у нас было отведено отдельное помещение, смежное с Доступной Террасой, скудно освещенное и пропитанное запахом пластика и гнилой древесины. Там, в полумраке, в гигантском террариуме из затемненного полистирола, до половины заполненном землей, возвышался термитник. Он напоминал выщербленный ветрами и временем покосившийся замок, построенный до Рождества Живущего и населенный невидимыми древними духами. К моей немалой досаде, через мутный пластик невозможно было разглядеть подробности архитектуры этого замка. Что же до обитавших в нем «духов», термиты никогда не высовывались наружу, они всегда укрывались за стенами замка, и из всех

исправляемых — в этом я и видел несправедливость — я единственный лишен был возможности следить за их жизнью. Термиты никогда не были под чьим-либо шефством, за ними ухаживал исключительно штатный энтомолог — он же и установил внутри термитника, на всех его уровнях и в каждом отсеке, множество микрокамер с прямым подключением к *социо* исправляемых. Так, чтобы всегда можно было посмотреть во втором слое прямую трансляцию. У меня не было *социо.* Возможно, поэтому мне и хотелось, чтобы у меня был *свой* термит.

— Термиты — социальные насекомые, — сказал тогда Эф. — Но, полагаю, если мы дадим тебе одного, этот опыт для тебя будет полезным. Я обсужу этот вопрос с руководством исправительного Дома и энтомологом.

Они явно сразу же все обсудили в глубоких слоях: штатный энтомолог явился уже минут через десять и направился в термитный отсек. Проходя мимо меня, он отвел взгляд. Он выглядел раздосадованным, почти что взбешенным. Вскоре энтомолог вернулся, держа в руках небольшой, цилиндрической формы пластиковый контейнер с единственным термитом внутри. Он установил его на Доступной Террасе, рядом с террариумом моего комара. По-прежнему избегая смотреть в мою сторону и раздраженно кривя рот, он сообщил мне, что термит питается целлюлозой, термит слепой и бесполый, термит не выносит солнечного света и термит — социальное насекомое. Он сказал, это все, что мне нужно знать о своем новом питомце. После этого энтомолог выдал мне корм — серебристый пакет, наполненный влажными, пахнущими грибами и лесом опилками. Я уточнил насчет света — не будет ли термит страдать в своем прозрачном контейнере на Доступной Террасе, — и он неприязненно объяснил, что стенки контейнера выполнены из специального светозащитного материала. Потом он ушел, даже не сказав «смерти нет». Я удивился: раньше энтомолог относился ко мне хорошо и всегда был доволен здоровьем моих подопечных.

Помню, после его ухода целая толпа исправляемых собралась на террасе и обступила контейнер с моим новым питомцем — мне еще подумалось, что контейнер немного похож на прозрачную камеру Сына. Помню, все они долго, то закрывая глаза, то возбужденно переглядываясь, молчали, обсуждали между собой в *социо* мое насекомое. А исправляемый под никнеймом Лисенок — он был туповат и плохо держал второй слой, часто озвучивал глубокие реплики вслух, — монотонным и громким голосом глухого воскликнул:

— Жалко солдата!

Спустя неделю я понял все: их взгляды, и этот возглас Лисенка, и раздражение энтомолога, и слова Эфа про «полезный для меня опыт». Термит, которого мне поручили, в термитнике принадлежал к касте «воинов». Передняя часть его туловища была покрыта твердым коричневым панцирем, словно закована в рыцарские доспехи. Его оружием были огромные, размером со все остальное его тело, серповидные челюсти-жва— лы — настолько громоздкие, что мешали ему самостоятельно есть. Всю неделю он провел в неуклюжей оборонительной стойке, повернувшись ко мне слепой бронированной головой, а задом — к отсеку с термитником, словно надеялся заслонить и спасти от меня родной замок. Он перестал жить на седьмой день от голода, на груде ароматных питательных стружек, которые я исправно бросал в его контейнер все эти дни… Крэкер сказал, он с самого начала был обречен, мой новый питомец.

Крэкер сказал, там, в термитнике, таких солдат кормят термиты-рабочие содержимым своих кишечников: аккуратно выдавливают им прямо в рот переваренную целлюлозу.

Крэкер сказал, это знает любой исправляемый, любой, кто хоть раз смотрел прямую трансляцию, — любой, кроме меня.

Только тогда, глядя через прозрачный пластик на неживого питомца, я понял, что Эф конечно же заранее знал, чем кончится мое шефство над этим термитом. И энтомолог знал — потому и злился, жалел его…. Эф хотел преподать мне урок: одиночки обречены. Вне термитника не выживают.

Вне Живущего не выживают.

Я хорошо усвоил его урок. Я почувствовал себя униженным, жалким, беспомощным, как этот солдат, не способный сам проглотить свою пищу. Когда Эф через день после гибели термита пришел меня навестить, я не мог заставить себя посмотреть на него — не от обиды, а потому что стыдился встретиться взглядом со своим отражением. И когда Эф, примирительно и почти ласково, вновь предложил мне выбрать себе третьего питомца по вкусу («Тебе, кажется, нравится этот жук-олень»?), я сам ужаснулся, услышав, как отвечаю:

— Я хотел бы термита.

— Ты разве не понял, — монотонно загудел Эф, — термиты — это социальные насекомые, тебе стоило бы взять шефство над…

— Термит, — сказал я. — Только не солдат. Я хотел бы термита из другой касты.

Мне дали «нимфу» — изящную некрупную особь, отдаленно напоминавшую крылатого муравья. Ее крылья походили на тонкие лепестки фантастической полупрозрачной ромашки. В

отличие от солдата она обладала полом (энтомолог, правда, не захотел сказать мне, каким, но я был уверен, что она девочка) и зрением. Первые три часа она жизнерадостно порхала по контейнеру, потом уселась на стенку и отгрызла себе оба крыла. Упавшие на дно контейнера, они перестали казаться серебристыми лепестками, потускнели и стали похожи на шелуху. Ее бескрылое тело напоминало тело того солдата, только без жвал и брони. Она отказалась от пищи, у меня появилось плохое предчувствие, а Крэкер сказал, что в термитнике таких нимф, как и воинов, тоже кормят переваренной целлюлозой рабочие особи. Но я старался убедить себя и его, что на этот раз все обойдется. Я повторял: раз жвала не заслоняют ей рот, ничто, кроме упрямства и лени, не мешает ей принимать пищу. Проголодается — будет есть… Она перестала жить через пять дней от голода, среди целлюлозы, как и ее предшественник-воин.

Убирая труп из контейнера, энтомолог сказал мне, что нимфы не могут питаться сами, потому что у них в кишечнике нет простейших Trichonympha Campanula, Leidyopsis Sphaerica, Trichomonas и Streblomastix Strix. Без их помощи термит не способен переваривать пищу. Эти простейшие живут только в кишечниках рабочих термитов.

— Ну что, уяснил наконец? — спросил Эф, глядя на опустевший контейнер.

— Да, — сказал я. — Уяснил. Я хотел бы рабочую особь….

Они умирали один за другим. Они умирали, я плакал над ними и требовал новых. Исправляемые (все, кроме Крэкера, он один понимал) смотрели на моих термитов как на мучеников, а на меня — как на ма— ньяка-убийцу. Энтомолог вообще перестал со мной разговаривать. Психолог проверял мою реакцию на ПВА через день (результат отрицательный). Администрация дома направляла официальные жалобы в ПСП и просила отстранить Эфа от обязанностей наблюдателя (ответ: «отклонить»). Ничто не менялось. Термит умирал, я просил нового, и Эф заставлял руководство удовлетворить мою просьбу. Почему? Он был такой же упрямый, как я. Он хотел, чтобы я первым сломался.

Вне термитника они не выживали.

У меня был рабочий термит, который в первый же день покрыл изнутри пластиковые стенки контейнера чем-то вроде цемента, — это вещество он, кажется, выделял из кишечника. Покончив со стенами, он заделал и воздухопроницаемый потолок. Он перестал жить из-за отсутствия кислорода.

У меня был рабочий термит, который построил в контейнере странную тонкую трубку, ведущую от дна к потолку, и замуровал себя в ней.

У меня был рабочий термит, который сначала хорошо кушал, а потом яростно, два дня кряду, пытался прогрызть свой контейнер, повредил кожицу и умер от ран.

У меня был рабочий термит, который сначала хорошо кушал, а потом перестал и умер, кажется, от тоски.

У меня был рабочий термит, который сбежал во время кормления и умер от света — его нашли неживым на полу у входа в термитный отсек.

У меня был рабочий термит, который умер по неизвестным причинам, мгновенно.

У меня был рабочий термит, который умер по неизвестным причинам, сначала долго промучившись.

Они умирали, но со временем я стал добиваться от некоторых из них чуть более продолжительной жизни. Двенадцать дней. Восемнадцать. Двадцать четыре. Месяц и один день. Месяц и два дня….

— …Сунь бумажку в контейнер, — проворковал я. — Если не хочешь, как Сын Мясника, попасть в одиночку.

— …Отдать мою схему термиту? Тогда я должен сначала переварить ее, что ли? — хохотнул Крэкер. — А то он подавится и помрет. Твои термиты не могут же жрать нормально!

— Дурак! — Я обиделся. — У меня давно уже только рабочие особи. Они прекрасно едят. А этот, — я легонько постучал пальцем по стенке контейнера, — этот, если и перестанет жить, то от старости.

Термит, который был моим тогдашним питомцем, побил все рекорды. Невзрачный рабочий, он жил в контейнере уже почти что полгода. Поначалу — как и многие его предшественники — он затосковал. Но уже через пару недель нашел себе дело. Из песка, древесных щепочек, слюны и фекалий он принялся возводить что-то вроде колонны. Покончив с этим, он надстроил поверх колонны (она доходила примерно до середины контейнера) словно бы часть косого дворцового свода, которая была похожа на фрагмент архитектуры термитника и, насколько я понял, в его фантазии являлась неким дистанционным дополнением к родному замку. По крайней мере, этот шершавый дырчатый свод наискось делил контейнер и был наклонен в сторону термитника. Верхушка свода упиралась в стенку контейнера таким образом, что от нее через Доступную Террасу можно было провести идеальную линию-дугу к куполу термитника. Если бы у термита была возможность продолжить свою работу, он бы так и поступил…. Закончив свод, он снова погрузился было в уныние — однако я догадался, как его

подбодрить. Я просто слегка повернул контейнер против часовой стрелки, так, чтобы выстроенная моим питомцем часть свода оказалась устремлена не к термитнику, а мимо него. Он с готовностью принялся разрушать созданное и мастерить новый свод, направленный в единственно верном для него направлении… Так он и жил у меня, счастливо, месяц за месяцем, бесконечно выстраивая, разрушая и восстанавливая свой фрагмент замка.

У термита был отменный аппетит: я не сомневался, что Крэкерову бумажку он сожрет минут за пятнадцать, в крайнем случае, измельчит и пустит в дело, на строительство. Но Крэкер заупрямился.

— Тут важная информация, — пробормотал он. — …Лучше я спрячу… в надежное место… в тайник…

Тайник. Я уже говорил, что Крэкер повсюду устраивал тайники. Прятал свои записки даже в террариумах с питомцами: совал свои трубочки в рассохшуюся древесину, закапывал во влажный песок… Конечно, это было запрещено. Это было против всех правил. Он считал, что его не трогают потому, что он так ловко умеет устраивать тайники… Но я понимал: если они захотят найти, то найдут. Крэкера все еще не посадили, как Сына Мясника, в исправительную камеру в Спецкорпусе по од— ной-единственной причине: из уважения к его прежним заслугам. Все — таки он создал *социо*. Негоже запирать создателя *социо* в стеклянной колбе, как бесполого слепого термита.

И все же Крэкер балансировал на грани: его преступление было слишком серьезным. То, первое преступление, первородный грех, из-за которого он и угодил когда-то в исправительный Дом. Ведь он пытался уничтожить результаты своей работы. Через год после Рождества он начал писать месседж Франкенштейна — программу-вирус, которая должна был деинсталлировать *социо* и погубить младенца-Живущего.

Это послание начиналось словами: «Мое чудовище должно умереть». Сжеч, сисадмины *социо* вовремя отследили источник потенциальной угрозы с IP-адреса Крэкера. Собственно, тогда у него еще был другой ник, *Основатель*. Но после вынесения приговора — пожизненное тюремное заключение — ему присвоили новое *социо*-имя.

Потом, спустя сотню лет, когда тюрем не стало, Крэкера перевели в исправительный Дом.

Он был упрям. Он был плохим исправляемым. После каждой паузы его КПУ возрастал, но это его не смущало. Он балансировал на грани. Он всем говорил, что Сын Мясника не виновен в своих преступлениях.

И та его схемка… Помню, когда я увидел, *где* именно он решил ее спрятать, то подумал — на этот раз его точно возьмут. К несчастью, я оказался прав. Его преступление было слишком серьезным. Ему не стоило рисковать и усугублять ситуацию. Ему следовало работать над уменьшением КПУ.

Ученый

документ № 24 (личная запись арендатора) — чтение через гостевой вход ПСП

4 сентября 451 г. от р. ж.

Пять Секунд Тьмы — красиво звучит, но, в сущности, мало что значит. Никто не знает, что там на самом деле: тьма, или свет, или просто инвизибл. Когда обыватель слышит: «пять секунд тьмы», ему чудится что-то зловещее. Но по большому счету это просто технический термин для обозначения промежутка времени, в течение которого соцш-дис— петчер не видит инкод временно переставшего существовать лица в системе контроля за численностью. Иными словами, Пять Секунд Тьмы — это и есть собственно «пауза». Далее следует воспроизведение: *социо*-диспетчер снова фиксирует инкод и регистрирует географическое положение и персональные данные зачавшей.

Пять Секунд Тьмы — практически неисследованная область. Как известно, именно этот «слепой отрезок» является главным препятствием для проведения полноценной инкарнационной ретроспекции, подробного исследования допаузных состояний индивида. До сих пор в терапии допаузных погружений широко практикуется лишь метод случайных вспышек Робертса. Мы же создали специальный состав, делающий биологический организм чувствительнее к излучению Робертса. Одной инъекции может быть достаточно, чтобы превратить случайные вспышки в направленный луч. Таким образом, мы имеем основания полагать, что наши разработки переломят сложившуюся ситуацию.

Лабораторные опыты над социальными насекомыми (пчелы, муравьи, термиты) с применением направленного луча Лео-Лота показали, что:

а) наша гипотеза о непрерывности жизни социальных насекомых верна (в противном случае опыты не увенчались бы успехом);

б) направленный луч Лео-Лота способен пройти сквозь Пять Секунд Тьмы и проникнуть в допаузную зону (опыты с термитами вида Heteroterm.es indicola дали рекордные результаты — последовательное погружение на глубину до 26 воспроизведений!).

В случае удачного эксперимента на людях луч Лео-Лота позволит отказаться от метода случайных вспышек, откроет широчайшие перспективы в области инкарнационной ретроспекции и обеспечит хорошую глубину проникновения.

Наш метод позволяет проводить сеанс одновременного погружения в допаузную зону подопытного как самого подопытного, так и экспериментатора.

С учетом всего вышесказанного для добровольного участия в первом эксперименте с направленным лучом Лео-Лота мы просим предоставить нам следующих исправляемых исправительного Дома «Гармония» № 3578:

1. Исправляемый *Сын Мясника,* текущий физический возраст 23 года

Показания к участию в эксперименте:

— инкарнационная ретроспекция самого жестокого преступника планеты имеет особую научную ценность для ученых и психиатров; наш метод предоставит им возможность проследить историю психической болезни исправляемого не по сухим выпискам из личного дела, а непосредственно, «вживую»;

— способность самого исправляемого воспринимать и каким-либо образом интерпретировать погружение представляется нам сомнительной, однако мы не видим прямых противопоказаний к демонстрации погружения исправляемому.

2. Исправляемый *Крэкер,* текущий физический возраст 13 лет

Показания к участию в эксперименте:

— постоянно растущий КПУ исправляемого, у исправляемого отсутствует мотивация к исправлению; сеанс инкарнационной ретроспекции может быть весьма полезен для осознания ошибочности и непродуктивности подобного настроя;

— инкарнационная ретроспекция одного из самых знаменитых изобретателей и преступников планеты имеет особую научную ценность для ученых.

3. Исправляемый *Иванушка,* текущий физический возраст 40 лет

Показания к участию в эксперименте:

— инкарнационная ретроспекция в данном случае может оказаться примером хорошего дополнения к психотерапии предпаузников; небольшому проценту людей предпаузного возраста свойственны неврозы и тревожные состояния, связанные с ожиданием Пяти Секунд

Тьмы. Мы полагаем, что погружение в предыдущие воспроизведения значительно укрепит у предпаузников ощущение бессмертия, гармонии и непрерывности жизни и избавит их от многих невротических реакций.

4. Исправляемый *Джокер,* текущий физический возраст 31 год

Показания к участию в эксперименте:

— в данном случае была произведена случайная выборка подопытного; никаких особых показаний к добровольному участию именно этого исправляемого в эксперименте не существует; на усмотрение руководства исправительного Дома он может быть заменен любым другим добровольцем, желательно средних лет.

5. Исправляемый *Зеро,* текущий физический возраст 11 лет

Показания к участию в эксперименте:

— в связи с фактическим отсутствием инистории исправляемого попытка инкарнационной ретроспекции в его случае — дерзкий и отчаянный шаг, который, однако же, представляется нам уместным и единственно правильным. Направленный луч Лео-Лота — единственная на сегодняшний день возможность пролить свет на «проблему Зеро». Мы до сих пор не представляем себе генезис этого исправляемого, механизм появления «дополнительного физического лица» нам совершенно не ясен. Мы не знаем, является ли исправляемый Зеро частью Живущего и насколько серьезную угрозу для гармонии Живущего он представляет. Если опыт погружения в «преджизненный» период исправляемого окажется хоть сколько-нибудь успешным, любая полученная в результате опыта информация будет бесценной;

— исправляемый не подключен к *социо,* поэтому, чтобы визуализировать для него погружение, необходимо задействовать дополнительную аппаратуру. Однако эта мера представляется нам излишней и даже потенциально опасной. Результаты ретроспекции в данном случае совершенно непредсказуемы. Во избежание психологических травм подопытного, а также в целях секретности в связи с угрозой, которую, возможно, представляет подопытный, мы планируем произвести «закрытое погружение» без демонстрации исправляемому. Во избежание недоразумений и технических накладок на время проведения эксперимента исправляемый будет погружен в медицинский сон,

P.S. Бедняга Лот очень нервничает перед экспериментом. Играли с ним в чудо-шахматы. Он отказался от форы, само собой, проиграл, а мне наговорил кучу гадостей. Чуть было не рассорились. Пришлось предложить ему матч-реванш и поддаться.

Лот иногда ведет себя как ребенок.

Зеро

Там было что-то вроде томографов с цилиндрическими кабинами-сотами. Я хорошо знал этот агрегат: в детстве мне часто делали томографию мозга. Надеялись найти во мне какой-то изъян, органическое отличие от всех остальных…

Нам сказали раздеться и лечь на спину на каталки.

Я довольно плохо запомнил эксперимент.

Кажется, поверхность каталок была холодной и гладкой. Кажется, нас пристегнули ремнями и ввели в вену какие-то препараты. Дальше — только обрывки воспоминаний.

Профессор Лео, он говорит нам, что луч — это совершенно не больно.

Мой друг Крэкер, его шея в пунцовых пятнах, он шепчет что-то про Пять Секунд Тьмы.

Зеркальное лицо Эфа, его монотонный голос срывается на оглушительный лязг. Он хочет остаться, но ученые возражают, и у них есть ка— кое-то преимущество в этом споре.

Сын Мясника, он скулит, он не хочет голым лежать на каталке.

Профессор Лот благодарит нас за вклад в науку и говорит «смерти нет».

Наши каталки въезжают в темные жерла томографов…

Я как будто в контейнере…

я слепой рабочий термит…

темнота…

Ученый

документ № 25 (личная запись арендатора) — чтение через гостевой вход ПСП

6 сентября 451 г. от р. ж.

Кросспост в Сообщество Лабораторных Работников

Мы только что завершили первый эксперимент с направленным лучом Лео-Лота. Мы не получили тех результатов, на которые рассчитывали. Этот эксперимент — ошибка, поэтому мы отменяем все остальные запланированные сеансы. Направленный луч не функционален. В дальнейшем для инкарнационной ретроспекции следует изыскать другие, более оптимальные методики. Наша методика представляется нам вредоносной. Ее требуется запретить.

Зеро

Потом, позже, когда Эф допытывался, что случилось во время эксперимента, я так ничего и не вспомнил. Я сказал ему, что мне снился сон, но это было неправдой. Я не помнил совсем ничего, даже снов, мне просто хотелось, чтобы он от меня отстал. Он сказал: расскажи свой сон, и я пересказал ему тот, что довольно часто мне снился. Я маленький, мы с Ханной сидим у реки, я строю из песка и камней красивый замок для Ханны. Мой замок готов, она смотрит на него и смеется, и я его разрушаю, а потом снова принимаюсь его возводить — и ломаю. Строю, ломаю, строю, ломаю… Я счастлив, я готов строить и разрушать замок всю жизнь, лишь бы Ханна смеялась…

— И что потом? — спросил Эф.

— Ничего. Я проснулся и понял, что ее больше нет.

— Она есть, — прогудел Эф. — Но это не относится к делу. И твой сон не относится к делу. Когда ты проснулся, пока вы там одевались и все такое… Исправляемые и эти Лео и Лот — что они говорили?

— Ничего. Только Крэкер сказал, что ошибся.

— Что он имел в виду?

— Он считал, что во время эксперимента нас поставят на паузу. А этого не случилось.

Крэкер ошибся. Он считал, что во время эксперимента нас поставят на паузу, но этого не случилось.

Случилось другое. Я навсегда его потерял.

Нас разделили сразу после эксперимента. Не дали даже перекинуться парой слов, попрощаться. Я был спокоен. В тот момент я еще не понял, почему планетарник собирается везти Крэкера в отдельном фургоне. На эксперимент нас привезли всех вместе, и я мог бы заподозрить неладное, когда Крэкера уводили по белому коридору, но предпаузника, который все не мог поделить КПУ на два, тоже сразу куда-то забрали, и того, который из средней группы (кажется, его звали Джокер), — опять-таки увозили отдельно; так что в исправительный Дом меня везли в компании Сына Мясника, и я подумал: ну мало ли какие у них правила и инструкции.

На обратном пути Сын Мясника уже не играл со своими цепями и выглядел каким-то подавленным. Я пару раз попытался показать ему «свинку», придавив пальцем нос, как это делал Крэкер, но он никак не отреагировал, и я оставил его в покое.

Только вернувшись в группу, на дневной перекличке я понял,

что с Крэкером что-то не так. Куратор группы не назвала его имя, я испугался, что она на него разозлилась за нарушение дисциплины, и объяснил, что Крэкера просто еще не привезли из лаборатории. Она посмотрела на меня так, словно я прилюдно описался. И вся группа — они тоже уставились на меня как на идиота. Потом кое-кто захихикал.

— Исправляемый Крэкер больше не числится в нашей группе. — Глядя на меня, куратор слегка улыбалась уголком рта, будто хотела посмеяться со всеми, но все-таки сдерживалась. — Ну что же вы? — она обвела взглядом присутствующих. — Почему не объяснили вашему другу, в чем дело?

Вероятно, они что-то ответили ей во втором слое, потому что лицо ее вдруг стало суровым.

— Он не подключен к *социо,* — сказала она. — Но это вовсе не значит, что он вам не друг. И что он неполноценный. Он просто другой. И ваш долг проявлять по отношению к нему внимание и доброту. В противном случае я могу счесть ваше поведение *жестоким.*

Нет ничего хуже для исправляемого, чем быть уличенным в жестокости. Жестокое поведение всегда влечет за собой исправительные меры. Это записано в «Правилах исправления», которые висят на двери каждой спальни:

«Жестокость первой степени (устное или социальное издевательство над физическими недостатками друзей-исправляемых, устная грубость с питомцем) — одноразовое отключение от *социо* на 40 минут».

«Жестокость второй степени (физическое насилие над друзьями-ис— правляемыми) — ежедневное отключение от *социо* на 40 минут в течение 7 дней».

Жестокость второй степени мало кто проявлял, только полные психи. Да и первая степень случалась не так уж часто: они все очень тяжело переносили отключение. Плакали, просили прощения или раскачивались из стороны в сторону, уставившись в одну точку. Те, кого хоть раз отключали, становились ласковыми и предупредительными, как нянечки из младенческой группы.

Жестокость третьей степени (физическое насилие над питомцем) была чем-то невероятным. За нее полагалось заключение в одиночную камеру с пожизненной минимизацией *социо.* Никто и никогда не позволял себе третью степень… Кроме Крэкера.

Мои одногруппники мне все рассказали. Они были ко мне очень добры.

Они сказали, все дело в улитке, питомице Крэкера.

Они сказали, бедняжка, у нее под панцирем произошло нагноение. Пока нас с Крэкером возили в лабораторию, она перестала жить.

Они сказали, энтомолог унес улитку на вскрытие. Под панцирем он нашел посторонний предмет — и это дело рук Крэкера.

Они сказали, жестокий Крэкер, его поместят в одиночку.

Они сказали, им неизвестно, что это был за предмет…

Но я-то знал, я прекрасно знал: это была маленькая бумажка со схемой. Неделю назад Крэкер засунул ее под панцирь улитке: он считал, что это «природный тайник». Я уже говорил, что он повсюду устраивал тайники… Конечно же говорил.

Его обвинили в жестокости третьей степени за насилие над питомцем. Но я-то знал, я прекрасно знал: дело было не только в жестокости. Администрации дома вряд ли понравился сам «посторонний предмет»:

развитие зародыша = великое сокращение

рождение чудовища = число живущих становится неизменным

Возможно, это была ирония администрации дома или проявление своего рода расположения, даже сочувствия — как бы то ни было, одиночную камеру Крэкера установили в его излюбленном месте. В Спецкорпусе строгого режима, на минус втором этаже, под люминесцентными лампами. В ослепительно белом овальном холле — напротив камеры Сына.

Я приходил туда каждый день навестить их.

Сын Мясника после эксперимента стал унылым и апатичным. Вероятно, он плохо спал. Под глазами у него залегли сизые тени, будто от распахнутых крыльев. Будто ночная бабочка уселась ему на переносицу… Позже, когда я узнал, в чем заключался эксперимент, мне подумалось, что изменения в Сыне были вполне объяснимы. Если он и впрямь увидел, *что* сотворил когда-то, он должен был ужаснуться. Навряд ли Сын по-настоящему *осознал,* что это он устроил ту бойню. Но наверняка как-то почувствовал, что имеет к ней отношение. В любом случае само зрелище кого угодно могло лишить сна…

…Так получилось, что у меня не было возможности расспросить других подопытных об их впечатлениях. Предпаузника Иванушку в тот же день, сразу после эксперимента, увезли на Фестиваль Помощи Природе в зону Паузы. Я пытался отыскать исправляемого Джокера, но куратор средней группы сказал мне, не без некоторого раздражения, что исправляемый с таким никнеймом временно перестал существовать. Он повесился в душевой кабине, не оставив записки. Суицидников в

исправительном Доме не любили, их кураторов по головке не гладили. Немотивированная досрочная пауза — это, во-первых, очень глупо (что можно изменить таким образом?), во-вторых, свидетельствует о каком-то педагогическом просчете куратора, а в-третьих и в главных, осложняет жизнь персоналу. Был здоровый, не старый еще человек, способный себя обслужить, — и вот, нате вам, орущий младенец, корми его, подмывай, меняй ему памперсы. Так что раздражение куратора было вполне объяснимо.

Ни с одним из ученых, проводивших эксперимент, я больше не сталкивался. Они ни разу не появились в исправительном Доме, а на следующую экскурсию на Ферму нас возили совершенно другие люди.

Ну а Крэкер — что Крэкер?.. Он не мог ничего мне сказать. Сидя рядом с ним, по другую сторону его звуконепроницаемого стекла, я с горечью вспоминал, что недавно вот на этом же самом месте мы делились секретами.

Теперь перед входом в Спецкорпус меня обыскивали — убедиться, что при мне нет письменных принадлежностей или еще каких-то предметов, посредством которых я передам Крэкеру информацию. Нижнюю часть лица я должен был прикрывать маской, чтобы Крэкер не смог читать по губам.

Информационный вакуум — основная исправительная мера для чер— носписочников.

Поначалу Крэкер казался на удивление оживленным, почти веселым. Он активно жестикулировал, улыбался, показывал Сыну «свинку», шевелил неслышно губами (я сумел понять лишь одно: «крэкер взломает любой пароль крэкер пройдет через любую защиту») и махал мне рукой при встрече и на прощание.

Через несколько дней это противоестественное веселье сменилось полным унынием. Он целыми днями лежал на полу своей камеры, свернувшись калачиком, поджав под живот тонкие ноги. Он стал еще больше напоминать паука — застывшего, притворившегося неживым на ярко освещенном полу. Увидев меня, он словно бы нехотя, против собственной воли, выныривал из оцепенения, медленно поднимался, подходил к прозрачной стене. В глазах его была пустота, подобная той, которую я уже видел когда-то. Такие глаза бывали у Ханны, когда она находилась в глубоких слоях. Но Крэкер не мог быть в глубоких слоях. Его доступ к *социо* теперь был минимальным, как у всех чернописоч— ников. Только музыка и сериалы — ну и, может, кое-какая реклама.

А потом он перестал на меня реагировать. Совсем. Точно не видел. Точно покрыл свою камеру изнутри светонепроницаемой пленкой.

Я все равно приходил. Сидел и смотрел на оцепеневшего Крэкера, на Сына Мясника и его «черную бабочку». Я тоже стал плохо спать. Без Крэкера и его храпа, без привычной игры в поршень. Мне нужен был этот рокочущий звук, я привык прошмыгивать в сон в промежутках тишины. Когда Крэкера перевели в Спецкорпус, я стал вслушиваться в дыхание других исправляемых, пытаясь нащупать их ритм и подстроиться под него. Мне действительно удалось услышать его — их общий ритм, суетливый и частый, скомканный, как моток тонкой колючей проволоки, назойливый, как гудение пчелиного роя. Я путался и застревал в нем и, засыпая, словно обдирал себе кожу. Я пытался отвлечься, заглушать их дыхание собственным дыханием, кашлем, возней, я даже тихонько свистел — бесполезно. Их сбивчивый ритм. Я больше не мог не слышать его.

Часть вторая

Досье

(стенограмма беседы исправляемого *Тритон* с сотрудником ПСП от 17.07.471 г. от р. ж.; фрагмент)

Тритон: Он вспыхнул мгновенно. Почему вы спрашиваете? Это все видели, не только я.

Сотрудник ПСП: Мы спрашиваем всех, не волнуйся. Расскажи, что еще ты помнишь об этом пожаре.

Тритон: Он был как столб огня. Очень яркий. Такого цвета… Таких цветов, как «мне повезет». Наверное, это плохо так говорить, потому что Зеро ведь перестал существовать и не воспроизвелся, да? — но это было очень красиво, мне даже понравилось, как он горел.

Сотрудник ПСП: Возможно, это действительно не очень хорошо с твоей стороны так говорить о своем погибшем друге.

Тритон: Он не был другом. Квин, его вообще не было в *социо.*

Сотрудник ПСП: Но он был вашим товарищем в первом слое.

Тритон: Нет, я не могу называть его своим товарищем. Зеро плохо поступил с питомцами. У нас всегда была прямая трансляция из термитни— на, обычно я не сохранял ее в памяти, потому что видеофайлы занимают слишком много места, но последние несколько минут… до того как они перестали жить… этот кусок я решил сохранить в своей памяти навсегда. Это очень грустная запись. Как солдаты высовывали из термитника свои головы, пытаясь не пустить огонь внутрь. Как рабочие заползали на королеву, пытаясь скрыть ее огромное тело под своими телами, заслонить от огня. И как нимфы отгрызали себе свои прекрасные крылья…

Зеро

Последней каплей, возможно, стала поездка в интернат к Ханне — впрочем, теперь уже нет никакого смысла так ее называть. Лучше уж Мия-31.

Когда Эф спросил, чего бы мне хотелось на Рождество, и я ответил, что хотел бы увидеть Ханну, я не рассчитывал, что он согласится, просто дал честный ответ. Но он сказал: «Почему бы и нет, если тебе станет спокойнее». Администрация отпустила меня с ним неохотно. Они не очень-то любят, когда исправляемые разгуливают за пределами Дома. Насколько я понял, Эф проявил большую настойчивость, даже надавил на них как-то. Они дали нам три часа: два на дорогу, туда и обратно, и один час — на «свидание с бывшей Родной». Они строго рекомендовали наручники («Этот вирус… мало ли что»), но он не стал их на меня надевать («Лично я доверяю парню»). Меня это тронуло. Я тоже почти что начал ему доверять.

Зачем Эф повез меня к ней в интернат? Чтобы мне стало спокойнее? Ха. Скорее всего, он с самого начала хотел меня спровоцировать. Возможно, даже надеялся, что я попытаюсь сбежать. Я не пытался… Но, так или иначе, я все же сорвался, а он этого только и ждал. Ну что ж, я где-то даже его понимаю. Вся эта шумиха вокруг меня, весь этот спам, тысячи зараженных сообщений и писем, которые они, как бешеные, пересылают друг другу, вроде бы сами того не ведая, вроде бы из-за поганого вируса, который бесконечно воспроизводит себя… А ты поди-ка проверь — может быть, кто-то давно уже делает это *сам,* по собственной воле, может, кому-то нравится, может, кто-то сочувствует, может, и правда давно уже есть *несогласные.* Может быть, Планетарной Службе Порядка слишком уж зыбкой кажется эта грань между *социо*-вирусом и *социо*-бунтом. Они надеялись, что запрут меня в исправительном Доме — и про меня все забудут. Что они будут тихо ковыряться во мне, изучать как невиданного питомца, щупать крылышки и дергать за усики — а я останусь в этаком пожизненном режиме инвизибл, неизвестный, но безопасный зверек— исправляемый… Так все и было. Много лет именно так все и было — а теперь мне тридцать один, и весь мир неожиданно вспомнил, что я существую. «Угроза 0» — так они назвали этот прославивший меня вирус; антивируса до сих пор нет — надеюсь, в твое время он уже будет.

Кстати, забавно, что я — единственный, кто не имеет возможности лично ознакомиться со всем этим спамом. Но кое-какие сплетни до меня все же доходят, и я тут составил

небольшой список известных мне «писем счастья» на случай, если тебе интересно:

1. «У тебя тупая работа, и до паузы была тупая работа, и после паузы будет тупая работа. А ты хочешь быть сценаристом или геймрайте— ром… Иди за Зеро — он родился, чтобы изменить твою жизнь ©».

2. «Тебе пятьдесят, и тебе не нравятся рекомендации посетить зону Паузы. Иди за Зеро — он подарит тебе длинную жизнь ©».

3. «Ты женщина. Живущий требует, чтобы ты регулярно спаривалась, но ты не хочешь Родного. Иди за Зеро. Он позволит тебе предохраняться ©».

4. «Ты женщина. Живущий требует, чтобы ты отдавала своих Родных в интернат, но ты хочешь быть рядом. Иди за Зеро. Он не считает твои материнские чувства отклонением от психической нормы».

5. «Ты хочешь собаку. Настоящую, живую собаку в первом слое. Иди за Зеро, и животные полюбят тебя, как любят его ©».

6. «Ты читаешь Книгу Жизни. Но число Живущего изменилось, а в Книге про это ни слова. Не верь всему, что написано в Книге ©».

7. «Говорят, что Создателя нет, а есть только Живущий. Тогда кто же создал Зеро? Иди за ним, и он поможет тебе вспомнить молитвы ©».

Извини, я, кажется, немного отвлекся. Я ведь хотел рассказать тебе про Мию-31.

Мия. Ханна. Толстая, вялая двенадцатилетняя девочка. Вторая по счету инка-наследница матери (первый, мальчик, прожил всего восемь лет; говорят, он был карликом). Лоб у Мии весь в гнойничках, а глаза такие тусклые и холодные, что кажется, будто в ее черепе живет какой-то древний-древний питомец и смотрит на всех и вся безучастно через маленькие прорези на прыщавом, грязно-буром, глобалоидном лице…

Минут пятнадцать мы с Эфом ждали ее в директорском кабинете. Наконец она появилась, вернее, директор привел ее, держа под руку: в это время как раз шел «Вечный убийца», а эта дура, насколько я понял, с трудом удерживает два слоя и запросто может споткнуться на лестнице, заглядевшись на Сына Мясника.

Она казалась слегка раздосадованной тем, что ее отвлекают от фильма, но все же пыталась быть вежливой. Когда я поздоровался, она предложила мне ее зафрендить, «чтобы нормально початиться», а когда я ответил, что не подключен к *социо,* в ее глазах на секунду вспыхнуло и тут же перегорело, как неисправная лампочка, нечто похожее на удивление. За всю нашу

встречу она почти ничего не произнесла, кроме того, что ей нравятся сериалы и «вообще второй слой клевый», и я даже не уверен, дошло ли до нее, кто я и зачем меня к ней привезли.

Я тоже молчал. Я представлял себе, что надежда, с которой я ехал сюда, — это стеклянный контейнер с бабочкой-шоколадницей, и вот он выпал из моих рук и разбился вдребезги, и бабочка внутри оказалась мертвой и высохшей, а я столько лет убеждал себя, что она там, внутри, просто спит…

Я представлял себе Ханну, такую красивую, с глазами бархатистыми, как крылья бабочки-шоколадницы.

Ханну, с таким чистым, бледным лицом.

Ханну, которая без труда держала три слоя.

Ханну, которую я навсегда потерял.

Когда наше молчаливое «свидание» подходило к концу, Эф спросил меня:

— Ну что, ты доволен? Убедился, что с Ханночкой все в полном порядке?

«Ханночка» и директор хором хохотнули над чем-то, чего я не мог услышать. Видимо, планетарник в «Вечном убийце» хорошо пошутил.

И я ответил на вопрос Эфа:

— Она не Ханна, никогда ею не была и не будет.

Эф поднялся и сделал шаг в мою сторону. Что-то хищное появилось в нем — не в стылом зеркальном лице, скорее, в движениях, в позе. Директор интерната уставился на меня, возмущенно булькнул и тут же скривился, как будто мои слова вызвали у него приступ изжоги и он захлебнулся желудочным соком.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Эф. — Что значит — «не Ханна»?

— Ханна умерла.

— Ой, какое слово… — прошептала Ханна, глядя на меня почти что с восторгом. — Плохое слово. Его запрещено говорить.

— Давай-ка перед обратной дорогой мы с тобой все же наденем наручники, да, приятель? — прожужжал Эф. — Ты, кажется, не уважаешь Живущего. Ты с ним *не согласен.* Ты только что его оскорбил, и все зафиксировано устройством, — он указал на своего «болтуна». — Как представитель Планетарной Службы Порядка я вынужден буду сообщить о твоем поведении администрации исправительного Дома. И рекомендовать тебя для перевода в Спецкорпус.

Конечно же он с самого начала рассчитывал, что так все и повернется.

…Разве я несогласный? Я всегда хотел быть как все. До сих пор хочу. Не сейчас, так потом, после Паузы.

Эй, ты, там, в будущем! Я надеюсь, ты действительно будешь. Я надеюсь, ты будешь мной. Я надеюсь, я буду. Если ты — мое продолжение, если я — это ты, прости меня за этот дурацкий инкод, доставшийся тебе от меня… Лично мне он испортил жизнь, но я очень надеюсь, что ты как-то справишься. Что тебя не посадят в Спецкорпус. Что меня не посадят…. Что я стану частью Живущего.

Наверное, это трусость. Это бегство. Это нечестно. Но если ты будешь, если ты есть, прости меня за то, что я скоро сделаю. Я собираюсь убить себя — да, да, прости меня, снова прости, так ведь нельзя говорить, я должен сказать иначе. Я собираюсь «временно прекратить свое существование», «сделать паузу», но ведь я не дурак, я ведь знаю: это у них у всех паузы, а у меня может быть просто «стоп». Так что если ты есть, если ты будешь — это наша с тобой победа, это значит, что мы — как все. Я как все. Я — частица Живущего.

Я всегда хотел быть как все. А они делали меня богом. Делали меня чертом. Делали меня подопытной мухой. Делали меня очень опасным. Сами не знали, что делали…

Они загнали меня в угол. Они оставили меня совсем одного. Они отняли у меня лучшего друга.

Сегодня он снова придет. Эф, человек в маске. Они будут выносить решение по моему вопросу. Искать изъяны, задавать подленькие вопросы, копаться во мне, как в груде бесхозных вещей…

И тогда я сожгу себя. Пусть они все посмотрят, как горит чудо-солнышко!

И вот что еще. Если ты есть, то, пожалуйста, навещай хоть иногда Крэкера. Ему очень одиноко там, в камере. Он совсем перестал шевелиться. Говорят, он впал в кому и ничего больше не может слышать и видеть. Но я уверен, он почувствует, что ты сидишь рядом с ним. Что я сижу рядом с ним.

Безликий

цербер: ты его отвлеки а я скручу сзади

эф: давай сначала попробуем по-хорошему

цербер: бесполезно, но ты попробуй если охота

Очень медленно, стараясь не совершать резких движений, Эф приближается к разбитой витрине и осторожно поднимает руку в приветствии.

цербер: смотри не спугни его

— С днем рождения, Матвей! — говорит Эф.

Матвей вздрагивает и опасливо отползает вглубь витрины, хрустя осколками. На руках и лице у него запеклась кровь — вероятно, порезался, когда разбивал стекло.

Они нашли Матвея в районе R-800, на третьем этаже ТЦ «Мегаполис». Это один из тех уродливых заброшенных торговых центров, которые значатся в графе «под снос» в региональном Плане Украшения Мира, но все никак не сносятся, потому что располагаются в незаселенных районах и до них попросту не доходят руки. В сущности, «Мегаполис» не портит никому вид, потому что никто, кроме сумасшедшего Матвея, не выбирается в R-800. Одно время активисты движения «Мемориал» хотели превратить такие центры в музеи старины и в рамках программы «Прогуляемся в первом слое» возить сюда экскурсии и показывать, как выглядела торговля до *социо*. Однако же им не удалось сформировать ни одной экскурсионной группы, так что проект закрылся.

…Матвей облюбовал себе один из павильонов женской одежды. Собственно, одежды здесь никакой давно уже нет, зато в витрине красуются обнаженные манекены. Когда Цербер и Эф его засекли, Матвей украшал пластиковых бурых девиц гроздьями бижутерии, добытой, видимо, в соседнем бутике. При виде планетарников он занервничал и попытался спрятаться за манекен, потом принялся сооружать нечто вроде баррикады, сваливая женские тела в кучу, но уже через минуту успокоился и вроде бы начисто забыл о присутствии посторонних.

Теперь, когда Эф приближается, Матвей выглядит скорее озадаченным, чем напуганным.

— С днем рождения, — повторяет Эф. — Мы пришли тебя поздравить, Матвей.

— У меня день рождения? — На лице старика появляется мечтательное выражение. — Вы принесли мне подарок?

цербер: кажется он сегодня почти в сознании

эф: да хорошо идет на контакт

— Ну конечно же у нас есть для тебя подарок, Матвей. Ведь тебе сегодня стукнуло шестьдесят. Это важная дата.

— Шестьдесят… — повторяет Матвей, и моргает сначала одним глазом, потом другим. — Шестьдесят. Шестьдесят. Шестьдесят. Мы жестко рекомендуем.

— Ну вот видишь. Ты даже помнишь, что получил сообщение… Мы пришли, чтобы подарить тебе кое-что очень ценное. Новую жизнь.

— Люди с зеркальными лицами, — принимается бормотать Матвей, — люди без лиц, люди без голоса… Трепещите, ибо грядет… ишь ты еси неси беси… — Он вдруг с неожиданным проворством кидается в сторону, к остроконечной пробоине в витрине, и довольно ловко выпрыгивает из павильона в галерею торгового центра.

цербер: все-таки придется вырубать

— …Вы все низвергнуты будете! Повергнуты будете! Отвергнуты будете! — Матвей бежит неровной стариковской рысцой, его босые ноги оставляют на пыльном полу бурые катышки крови. — Ибо Спаситель умер за наши грехи! Имя ему Зеро! Зеро! Умер!

Они нагоняют его в три прыжка, валят на пол лицом вниз, вводят снотворное в шею. Матвей отключается почти сразу. Цербер вытаскивает из внутреннего кармана наручники, тут же раздраженно швыряет их на пол рядом с Матвеем.

цербер: черт контактная перчатка порвалась, — он таращится на свою руку. По правой перчатке расползлась дырка во всю ладонь. Цербер кивает в сторону наручников.

цербер: эф давай ты. не могу с голой кожей

эф: я сам без перчаток, ну ладно, ок

Эф склоняется над Матвеем, возится с наручниками, защелкивает на стариковских запястьях. Матвеевы руки горячие. Это неприятно. Это как-то не вяжется с их неподвижностью и черной каймой под ногтями.

— Не работает! — Цербер теребит кнопку лифта. — Придется тащить на себе.

Они волокут обмякшее тело по ступенькам. Старик липкий от пота, и от него оглушительно пахнет забродившей просроченной парфюмерией.

цербер: тяжелый собака

эф: зачем он так надушился?

цербер: он не надушился он выпил

эф: духи?!

цербер: ну да… слушай чем там вчера кончилось в «фестивальных страстях»? эта целка им всем дала?

Они грузят Матвея в фургон; он тихо рыгает цветочной вонью.

эф: не знаю я «убийцу» смотрел

моя реклама: Этот мир… Мой мир в первом слое,, Такой красивый, многообразный, живой, Природа питает его свежим воздухом и солнечным светом, Архитекторы заполняют его восхитительными постройками, ландшафтные дизайнеры разбивают умопомрачительные сады,,

эф: отключить рекламу

НЕКОРРЕКТНЫЙ ЗАПРОС НЕВОЗМОЖНО «ОТКЛЮЧИТЬ РЕКЛАМУ»

моя реклама:… Архитекторы заполняют его восхитительными постройками, ландшафтные дизайнеры разбивают умопомрачительные сады, пространственные дизайнеры заботятся о чарующем и манящем рисунке улиц, художники трудятся над интересными цветовыми решениями. Все для меня,,

эф: запретить «моя реклама»

НЕВОЗМОЖНО «ЗАПРЕТИТЬ МОЯ РЕКЛАМА»
ВЕРОЯТНО, ВЫ ПЫТАЕТЕСЬ СДЕЛАТЬ ЧТО-ТО НЕ СОВСЕМ ВЕРНОЕ

моя реклама:…Все для меня. Потому что я всегда умею ценить красоту мира и никогда не забываю о важности первого слоя. Я выбираю программу «Прогуляемся в первом слое», Я выхожу из дома не реже двух раз в неделю, Я люблю мой мир. Мы любим наш мир. Мы — Живущий,

Музыкальная пауза:

Гулять отправляюсь сегодня я,
Меня ждет и манит Гармония,
Пройдусь по бульвару Согласия,
И радость найду в одночасье я,
Сверну на Живущего улицу
Не буду лениться и хмуриться,
Уверен(а), ждут приключения
На площади

— …площади, площади, площа-а-а-ди Золотого Сече-е-е-ния! — бодро подпевает Цербер.

моя реклама: Тысячник ***Аэлита*** рекомендует! Лучший прогулочный маршрут в районе R-514 региона EA-8: проспект Гармонии — бульвар Согласия — улица Живущего — площадь Золотого Сечения,

Прогуляемся в первом слое!

— Достала эта реклама. Спамят с утра до вечера, — ворчит Эф, глядя на улицу через окно фургона.

Они как раз пересекают площадь Золотого Сечения, совершенно безлюдную, промяв колесами борозды в золотистом песке. В центре площади возвышается конкреция кулака. Словно он на ринге и ждет подходящего по размеру соперника.

цербер: да брось хорошая песня и маршрут приятный вполне

цербер: все приехали выгружаем

цербер: эф!

— Эф! — Церберов «болтун» возмущенно чпокает.

эф: прости я кажется вылетел на секунду

эф оставил сообщение для клео: «прогуляемся в первом слое?»

ВНИМАНИЕ! пользователь клео сейчас занят, вы можете ему помешать

Фестиваль Помощи Природе еще издали встречает их трескучими гроздьями салюта, а как только они въезжают на территорию, во втором слое включается оглушительное «Слушай мой пульс!» — последний музыкальный хит «Фестивальных страстей».

Они выгружают Матвея, Цербер фальшиво подпевает. Он любит фестиваль и ощущение праздника. Матвей мотает головой, словно пытаясь прогнать из нее громкие звуки, и слабо мычит. Он уже пришел в себя, но вялый, как зимняя муха, и при выгрузке почти не сопротивлялся. *слушай мой пульс пупсик слушай свой пульс пупсик*

В фойе зоны Паузы песня ловится хуже, чем снаружи, урывками, и звучит приглушенно. Матвей успокаивается. Он даже улыбается, когда видит клоуна со связкой воздушных шаров.

— У меня день рождения, — сообщает Матвей клоуну. — Это подарок? — он кивает на шарики.

Клоун подпрыгивает, оборачивается вокруг себя на одной ножке, щиплет себя за красный нос-пищалку, радостно кивает и протягивает всю связку. Матвей пытается взять веревочки рукой; тихо звякают наручники. Он застывает, изумленно уставившись

на клоуна и словно бы силясь по звуку определить, что именно мешает ему принять дар. *дви-гай-ся в ритме наше-го пульса*

Клоун быстро косится разукрашенным глазом на планетарников. «Принудительно», — шепчет Эф зеркальными губами. Цербер раздраженно кивает. Клоун съеживается и втягивает голову в плечи, изображая ужас. За преувеличенным, шутовским страхом в уголках его разноцветных глаз притаился, кажется, страх настоящий. Он не разглядел принудительного. Не заметил наручников. Хороший профессионал обязан всегда замечать такие вещи.

Матвей тем временем начинает всерьез нервничать. Судя по всему, он наконец вспомнил, как сюда попал и зачем. Он кидается было к выходу, но Цербер и Эф берут его под руки и стискивают с двух сторон.

дви-гай-ся в ритме

— Адовы псы! — визжит Матвей. — Люди с зеркальными лицами! Люди без лиц!..

Предпаузники, возбужденно кучкующиеся у «Фото на память» и у «Все будет в порядке», начинают оглядываться. Быстро царапнув взглядом зеркальные маски планетарников и что-то для себя уяснив, клоун комкает размалеванное лицо в гримасу горя. Принимается громко рыдать и пускает два фонтанчика искусственных слез. Матвей умолкает на середине фразы и сочувственно смотрит на клоуна. Тот перестает плакать, улыбается белыми губами, снова давит на нос-пищалку, вручает свою связку шариков Эфу и извлекает из кармана конфету. Разворачивает шуршащий фантик. Матвей наблюдает за его действиями не дыша.

— Скушаем витаминчик! — торжественно провозглашает клоун.

Матвей послушно разевает рот, и клоун кладет ему на язык черный

переливающийся леденец. Потом раскланивается и, как бы подавая Матвею пример, бодро марширует в дальний конец фойе, ко входу в зону. Оттуда он счастливо машет Матвею рукой.

слушай мой пульс слушай мой пульс

— Не ходи туда, разноцветный, — шепчет Матвей, завороженно глядя на клоуна. — Не ходи, у тебя там смоется краска…

зна-ю одно

бу-дет родной

слушать мой пульс слушать мой пульс слушать мой пульс слушать мой пульс

Что-то странное со звуком — он вдруг врубается на полную

мощность. Невидимый оркестр заходится тонкой электронной дробью, анонимная исполнительница множественными спазмами выталкивает из горла свою визгливую мантру. Цербер щерится и послушно кивает в такт, Эф копается в «сервисе» фестивальных настроек, надеясь отменить саундтрек (*вероятно, вы пытаетесь сделать что-то не совсем верное),* Матвей корчится, обмякнув у них на руках. Столпившиеся в фойе пред— паузники озираются — кто возмущенно, кто радостно — и машинально отстукивают ногами ритм. Те, кто беседовал вслух, срываются на крик, силясь переорать шум глубоких слоев.

мой пульс слушать мой пульс слушать мой… Наконец музыка выключается. Разговоры смолкают. Только моложавый, принарядившийся по случаю предпаузник, с ног до головы замотанный в шмотки «мне повезет», трубит, как глухонемой, на всю зону Паузы и сверкает сальными глазками:

— …Я вот в аккомпанементе никогда не нуждался, у меня все работало как часы, я тут, на фестивале, столько Родных в свое время настрогал!..

Его собеседник делает «страшные» глаза, моложавый оглядывается по сторонам и смущенно затыкается. Воцаряется полная тишина — и во втором слое, и в первом, словно уши залили чем-то густым и вязким изнутри и снаружи. Матвей сосредоточенно сосет леденец, он больше не кричит и не дергается, и они с Цербером усаживают его на цветастый диван. Старик погружается в изучение орнамента.

пользователь клоун хочет стать вашим другом в социо добавить в друзья? да нет

Эф оборачивается. Клоун стоит в противоположном конце фойе в компании еще четверых таких же размалеванных, как он, и радостно машет ему обеими руками. Остальные изучают его со странно-игривыми улыбками, один, в шутовском колпаке с колокольчиками, откровенно хихикает. Только теперь до Эфа доходит, что он до сих пор держит в руках клоунский подарок. Планетарник в зеркальной маске и с воздушными шариками… Есть над чем посмеяться.

Как в древности. Никто не мог смеяться над королевской охраной, кроме королевских шутов.

цербер: не обращай внимания на этих уродов эф: да

Шуты веселят Живущего, дабы тот не скучал. Веселят его всеми средствами — даже насмехаясь над Его собственной силой.

напоминание: пользователь клоун хочет стать вашим другом

в социо
добавить в друзья?
да нет

Лицо клоуна искажается гримасой разочарования. Два фонтанчика искусственных слез щедро орошают фойе.

пользователь клоун очень хочет *стать вашим другом в социо*
у вас и у клоун есть 1 общие друзья в социо: клео
добавить клоун в друзья?

да *нет*

ура! теперь вы и клоун друзья

Тишина лопается в ушах засохшими пузырьками. Во втором слое снова активизируется музыка — тихая и вкрадчивая, без слов. В третьем слое запускается «фест-инфо». Для тех убогих, что не могут удержать третий слой, сообщение дублируется в первом через динамик. Он включается с таким треском и кашлем, точно в нем разгрызли орех и тут же им подавились.

— Уважаемые гости и провожающие! Администрация фестиваля рада приветствовать вас в зоне Паузы. До ближайшей паузы остается еще тридцать минут. Вашему вниманию предлагаются кофе, чай, прохладительные напитки и легкие закуски. Если вам скучно, фестивальные клоуны обязательно развлекут вас своими веселыми трюками. Если вам грустно или вы испытываете чувство беспокойства, за транквитаминами следует обращаться к клоунам…

клоун: эф спасибо что зафрендил

— …Дорогие гости! Напоминаем вам, что в нашем павильоне доступна услуга «Фото на память». Ваши памятные фестивальные снимки уже сегодня будут переданы в вашу ячейку Всемирного банка данных «Ренессанс» вместе с памятными сувенирами, которые вы сможете забрать, как только достигнете восьми лет и снова получите доступ к ячейке.

эф: не за что
клоун: всегда мечтал подружиться с планетарником

— …Дорогие гости! Напоминаем вам, что в нашем павильоне доступна услуга «Все будет в порядке». Если у вас остались

незаконченные дела — вы забыли что-то кому-то передать или подарить, вы не успели отнести своего питомца в Доступный Приют вашего района, вы хотите прямо сейчас написать что-либо для вашей банковской ячейки и так далее, — не волнуйтесь. Наши менеджеры примут вашу заявку, учтут все ваши пожелания и доделают за вас ваши дела. И все будет в порядке!

— Я хочу передать сообщение, — говорит Матвей.

клоун: слушай прости что я наносячил с вашим принудительным, не разобрался сразу что к чему… ты жалобу на меня будешь подавать?

эф: нет если ты мне поможешь

клоун: не вопрос а что надо?

— У меня есть сообщение. Я должен передать сообщение. Мое сообщение, — Матвей раскачивается из стороны в сторону.

— …Дорогие гости! Обращаем ваше внимание на то, что в зоне Паузы соблюдаются те же правила гигиены, что и в зоне Воспроизведения. Перед паузой все гости обязательно должны принять дезинфицирующий душ. Душевые кабинки оборудованы точно так же, как и в зоне Воспроизведения, так что мы надеемся, что у вас не возникнет никаких затруднений.

эф: я хочу увидеть клео

клоун: ну так вот же она, в чате! статус «занята» эф: не в чате, лично, в первом слое, клоун: а я при чем?

эф: вы здесь вместе работаете, на фестивале, она менеджер, ты должен знать, где она клоун: да. я знаю эф: покажи мне

клоун: но… вы договорились о встрече? она действительно сейчас занята

эф: ты поможешь мне или как?!

клоун: да ты не нервничай, хочешь транквитаминчик?

— …Комплекты полотенец и банных халатов вам выдадут на входе в душевую, которая располагается непосредственно в зоне Паузы. Сердечно благодарим вас за вашу помощь природе. Смерти нет!

эф: я отправляю жалобу

клоун: подожди, седьмая кабинка «все будет в порядке»

Эф медленно поворачивает зеркальное лицо к седьмой. Беспокойный предпаузник мнется перед зеркальным стеклом кабинки. Что-то объясняет, сильно жестикулируя. Сует какой-то

листок в выдвинувшийся наружу металлический ящик. Ящик уползает обратно, предпаузник провожает его ревнивым взглядом и смотрит умоляюще на свое отражение.

— Вы уж там постарайтесь, чтобы все было в порядке… Предпаузные клиенты не должны видеть своих менеджеров. У менеджеров бывают синяки под глазами, скучающий вид, позывы к зевоте. Предпаузные клиенты должны быть уверены в том, что существо по ту

сторону стекла идеально. Что оно выполнит все просьбы и учтет все обстоятельства. Что все будет в порядке.

Эф смотрит зеркальными глазами на зеркальную кабинку Клео.

Она смотрит на него изнутри. Он чувствует на себе ее взгляд.

Клео

Мне нравится, что я тоже за зеркалом. Не только лицо — а вся, целиком. Пытаюсь представить, что в кабинке я в безопасности. Что я улитка под панцирем. Что я чей-то питомец и хозяин не даст меня в обиду.

клоун: тебя тут ищет планетарник детка

Терпеть не могу, когда мне под панцирь суют иголку, чтобы я высунулась.

клео: тот с шарами?

Я не сомневалась, что он придет ко мне в первом слое. Эф не из тех, кто угрожает впустую. Они привели принудительного. Их двое в масках, в одинаковой униформе, но я почему-то сразу догадываюсь, кто из них Эф. Как будто шары — это его опознавательный знак.

клоун: тот самый, спрашивает меня в какой ты кабинке

клео: не говори

клоун: за кого ты меня принимаешь!? конечно не скажу!!

В ту же секунду Эф упирается взглядом в мою кабинку. Сказал.

клео: спасибо клоун, я знала что на тебя можно рассчитывать

клоун: не за что! я нем как личинка))

Я, впрочем, не сомневалась, что Клоун меня сдаст. Он неприятный, с первой же встречи мне не понравился. Есть в нем какая-то гниль. И кожа его под краской цвета гнилого банана… Гораздо темнее, чем обычная глобалоидная кожа.

Клоун перевелся к нам всего месяц назад, по-видимому, из какого-то отдаленного региона. Аллергия — так он объяснил перевод. «Аллергия на цветение местных трав». Клоун привез с собой целый питомник домашних мух, и один из террариумов притащил в Доступный Уголок фестиваля. Он сам, как эти его мухи, — назойливый, бестолковый и во все лезет. В буквальном смысле. Он один раз был моим партнером в зоне Воспроизведения — меня до сих пор передергивает, когда я вспоминаю тот *акт.* Он лез своим языком мне в уши, глаза и ноздри. Его язык был твердым и липким, а изо рта пахло несвежими фруктами…

Потом оказалось, что мухи — не питомцы, а корм для питомцев. Питомцы Клоуна — какие-то отвратительные жуки, некоторые с двумя головами. Неделю назад он принес шестерых

жуков (пятерых самок и одного самца) и выпустил в террариум. За пару часов жуки-самки пожрали всех мух, потом самец оплодотворил их, и они сожрали и его тоже; он не сопротивлялся. На следующий день они отложили личинки и перестали существовать…

Тема: письмо счастья

Ты женщина. Живущий требует, чтобы ты регулярно спаривалась, но ты не хочешь Родного. Иди за Зеро. Он позволит тебе предохраняться ©

!осторожно*! возможно, это спам пометить это сообщение как спам? да нет*

Эф смотрит на меня в упор, прямо в глаза, как будто видит меня сквозь зеркальную стену кабинки. Это невозможно, говорю я себе, но ощущение неуязвимости все равно исчезает. Как будто под панцирь улитке вот-вот впрыснут лимонную кислоту.

Клиент-предпаузник по-прежнему долдонит свое. Смотрю в его «профиль» — завтра исполняется шестьдесят. Пришел сам — но в самый последний момент. Когда-то я испытывала сочувствие к таким, как он, — неудачникам, судорожно пытающимся забормотать свой страх перед Пятью Секундами Тьмы нелепыми просьбами и поручениями. Теперь — ничего, кроме раздражения. Усилием воли заставляю себя не смотреть на Эфа и сосредоточиться на словах клиента.

— …идея, значит, родилась только что, но я как бы всегда был человеком творческим… я как бы тут набросал основные мысли, вот, на бумажке… и вы уж передайте мой проект в Сообщество Сценаристов… прямо сегодня, чтобы все уже, значит, завертелось к тому моменту, когда я… как бы смогу присоединиться к творческой группе…

В графе «профессия» в его профиле значится: электросварщик. И я знаю, что в новом воспроизведении он тоже будет электросварщиком; это в лучшем случае. Такие, как он, никогда не вступают после паузы в Сообщество Сценаристов — что бы там ни болтали о свободе направления инвектора. Такие, как он, не совершают головокружительных карьерных прыжков. Никто их не совершает. Все держатся на одном уровне или падают. Как упала я. После того, кем была раньше, до паузы, превратившись в менеджера по «все будет в порядке».

— Все будет в порядке, — говорю я предпаузнику из-под своего панциря. — Мы можем гарантировать, что ваш проект будет передан адресату.

…Эф наконец отводит от меня взгляд. И наклоняется к

принудительному, которого они привели. Говорит ему что-то на ухо. Тот кивает, как тряпичная кукла, которую чуть встряхнули. Он явно под транквитами— ном: сама покорность.

— …главное — чтобы адресату… Потому что идея, можно сказать, беспроигрышная… Всем будет интересно смотреть…

Принудительный медленно поднимается, Эф поддерживает его под руку.

— …А раз всем интересно, то и Живущему, получается, интересно… Я вам, девушка, в двух словах объясню, в чем суть….

И они идут в мою сторону. Эф и его старик-принудительный.

— …мое рабочее название — «Вечный Никто», но если Сообщество Сценаристов придумает что-то свое, я возражать не стану… я так назвал потому, что идея получается как бы в рамках того же проекта, что и «Вечный убийца»… То есть этот Зеро, вернее, Никто — он как бы не часть Живущего, у него нету инкода, и он стремится разрушить гармонию Живущего…

Эф и его принудительный встают за спиной моего клиента. Ждут своей очереди — хотя есть несколько свободных кабинок. Принудительный покачивается из стороны в сторону, его лицо безмятежно, глаза закрыты. Эф держит его под руку. Просто идиллия.

— …Об этом узнают в ПСП. И Никто, то есть Никого, уничтожают… Пока это все как бы по мотивам реальных событий… Ну, Зеро, вы понимаете… А дальше уже как бы начинается фантастический элемент… То есть выясняется, что этого Никто не так просто убить, и он на самом деле остался в живых, ну и как бы вынашивает планы мести… Никто скрывается в…

— Очень интересно, — говорю я. — Не сомневаюсь, что с вашим проектом все будет в порядке.

— Правда? — Лицо сварщика озаряется такой счастливой улыбкой, что я активизирую внешнюю камеру в режиме портретной съемки. Для рекламного стенда. «Наши клиенты довольны, потому что у них все будет в порядке».

— Безусловно, — говорю я. — Ваш проект будет передан в Сообщество Сценаристов сегодня же.

— Ну и там, по-вашему, все будет в пор…

— Мы отвечаем только за своевременную доставку. — Я отключаю портретную съемку.

Улыбка стекает с его лица, но этого не будет на стенде.

— Какие-нибудь еще поручения или это все?

— Это все. — Он смотрит на меня больными глазами.

Раньше я жалела таких, как он…

— Что ж, спасибо, что воспользовались нашей услугой. Все

будет в порядке, до новых встреч, смерти нет.

— Смерти нет…

…Теперь не жалею. Он судорожно ищет, за что бы еще уцепиться. Чтобы не уходить в темноту даже на пять секунд. Чтобы быть там, где у всех всегда все в порядке.

— А вот… полотенца…

— Полотенце и банный халат вы получите на входе в душевую, которая располагается непосредственно в зоне Паузы. Вы можете воспользоваться дополнительным бонусом «Все будет в порядке» и выбрать цвет своего халата и полотенца прямо сейчас.

— Конечно! Конечно, я хочу выбрать сейчас! — Он прямо-таки трясется от облегчения. — Какие цвета у вас есть?

Порядочные менеджеры называют это «фокус с халатом». С тревожными клиентами он срабатывает в девяноста пяти случаях из ста. Удивительно, как трусы вроде моего сварщика хватаются за предложение выбрать расцветку… Ну да, иллюзия контроля над ситуацией; они не знают, что их ждет в зоне Паузы, но знают, что на них будет полосатый халат, — я представляю, как это работает, понимаю психологический механизм, но не перестаю удивляться. Однажды веер твоих возможностей схлопывается до возможности выбрать цвет ткани. Разве это не унизительно?

— Вашему вниманию предлагаются однотонные халаты социальных цветов — свободные, недоступные и инвизибл, кроме того, синие и черные халаты в оранжевую полоску, а также клетчатые халаты, выполненные в гамме «мне повезет».

— «Мне повезет»! — выбирает он.

Они все это выбирают.

— Смерти нет! — Сварщик отходит почти счастливый.

— Смерти нет. — Эф подводит к кабинке своего принудительного.

— Служба фестиваля «Все будет в порядке», — щебечу я.

эф: привет клео. а ты уверена, что все будет в порядке?

клео: чего ты от меня хочешь?!

Вслух я говорю:

— Обратите внимание: все наши услуги обсуждаются исключительно в первом слое, ведется видео— и аудиозапись. Чем я могу вам помочь?

эф: информацию

Вслух он говорит:

— Это мой друг, Матвей. Он хотел бы воспользоваться вашей услугой.

Эф называет мне инкод принудительного и слегка встряхивает его,

словно контейнер со спящим питомцем. Матвей медленно открывает глаза. Огромные зрачки во всю радужку — две круглые норы, ведущие во тьму черепной коробки. Транквитамины. В двойной или даже тройной дозе. Это существо вряд ли сейчас способно воспользоваться хоть какой-то услугой, кроме, собственно, паузы.

— Все будет в порядке, — сообщаю я в его черные пустые отверстия. — Чем мы можем помочь?

Я не жду никакого ответа, но Матвей каким-то чудом включается:

— Хочу передать сообщение.

— Замечательно. Это фотографии? Документы? Какой-то предмет?

— Сообщение.

— Если это *просто* сообщение, вы вполне можете передать его через *социо* самостоятельно. Прямо сейчас. — Меня не видно, но на всякий случай я улыбаюсь своей самой лучезарной улыбкой, открывая в третьем слое его личный профиль.

Принудительный молча жмурит пустые глаза. Он странный — слишком странный даже для человека под транквитаминами. И его профиль открывается слишком медленно…

клео: запрос в СТП*: **у** меня под вис документ в 3 слое, в чем дело?*

СТП_195: идет проверка…подождите, идет проверка…

СТП_195: доступ временно запрещен, ваша социо-активностъ ограничена или отсутствует

клео:???

СТП_195: через несколько секунд неполадки будут устранены, приносим свои извинения за неудобства…

— Голова не может, — задумчиво сообщает Матвей и прислоняет лицо к кабинке.

Я вижу прямо перед собой его расширенные зрачки. Они чуть пульсируют, как будто тьма распирает их изнутри. Как будто они вот-вот лопнут, заляпав стену кабинки черными брызгами… Он еле держится на ногах. Слишком большая доза. Как он вообще разговаривает?..

— Ваш адресат не может принять сообщение? У него нет социальной активности? Дело в том, что у нас сейчас небольшие социо-неполадки, через несколько секунд они будут…

— Невозможно. — Матвей тихонько стучится лбом в стену кабинки, будто просит его впустить. — Соединение невозможно. Невозможно…

— …Может быть, ваш адресат еще не достиг трехлетнего возраста?

Клоун корчит мне рожи с другого конца фойе. Матвей улыбается отражению Клоуна на стенке кабинки. Эф тоже улыбается. Мое замешательство его явно забавляет.

— Что ж, Матвей, как бы то ни было, давайте поступим так. Я дам вам бумагу, ручку, и вы напишете свое сообщение, а также…

— Не выйдет, — подает наконец голос Эф.

СТП_195: неполадки устранены…

— Почему?

— Матвей не умеет писать.

клео: что за бред ты несешь?!

— Вероятно, вы немного не правы, — говорю я. — Обучающая программа «Живые пальчики» инсталлируется в пять лет…

— Он разучился писать. Зайдите в раздел «информация» в его профиле, там указано…

Еще раньше, чем Эф успевает закончить фразу, я уже вижу сама: «…в возрасте 30 лет зафиксированы множественные ошибки в программе. Диагноз: неоперабельный системный сбой. *Социо* не поддается ре— инсталляции в силу органических нарушений в мозгу…»

— По этой же причине Матвей не в состоянии отправлять и принимать сообщения, — говорит Эф.

— Но… я вижу у него активность в четвертом слое. Прямо сейчас!

— В четвертом? — Эф улыбается. — Этот человек не может удержать даже второй! Фантомные всплески активности… Они лишены смысловой нагрузки. Вам придется записать его сообщение и передать адресату — если, конечно, он вспомнит, кто адресат.

Принудительный продолжает долбиться в стену кабинки, как ночной мотылек.

— Матвей, — говорю я по возможности ласково. — Все будет в порядке. Сейчас я запишу ваше сообщение. Вы продиктуете, а я запишу, хорошо?

Его глаза закатываются, он прижимается к кабинке щекой и уголком слюнявого рта и начинает медленно сползать вниз. Я успеваю заметить пару длинных грязных зубов под оттянутой верхней губой. Эф подхватывает его — раньше, чем Матвей падает, — и берет на руки, как маленького Родного. Я смотрю на обмякшее тело: транквитамины сделали наконец свое дело… Потом происходит то, чего не может происходить. И все же я слышу — мы оба слышим, — как Матвей произносит заунывно, бесстрастно:

— Запишите сообщение. Тема сообщения. Спасителю от апостола. Начало текста. Ты пришел спасти мир. Чудовище

должно умереть от твоей руки…

Зеркальная маска Эфа морщится на лбу изумленными складками. Он склоняет голову над Матвеем, и в его лице отражается лицо старика. Закатившиеся глаза — полоски белков с воспаленной штриховкой сосудов. Приоткрытые губы с желтоватыми каплями слюны в уголках. Просто невероятно, что этот человек способен сейчас говорить, и все же он говорит, тяжело выцеживая слова из непослушного рта:

— …Ты будешь пленен, но слуга возвысит тебя, если ты станешь ему служить. Конец текста.

«Все в порядке, — говорю я сама себе, — все будет в порядке. Даже если твой клиент бредит, просто делай свою работу. Выполняй свои обязанности, и все».

— Кому передать сообщение?

— Спасителю, — отвечает Матвей.

— В соцко-базе нет никого с таким ником, — говорю я. — Но все в порядке. Есть Спасатель, Спасатель!., Спасатель33… Передать кому-то из них?

— Спасителю. Имя его Зеро.

просто делай свою работу…

— К сожалению, мы не можем выполнить вашу просьбу. Человек, о котором вы говорите, Зеро, он… Больше не живет. Он не воспроизвелся.

— Все будет в порядке, — говорит Матвей нараспев. — Да, он умер за наши грехи. Но вы передадите ему сообщение, когда он воскреснет.

Мы ждем продолжения, но Матвей не произносит больше ни слова. Эф зачем-то слегка качает его на руках, словно убаюкивает Родного.

Динамик отрыгивает информационное сообщение:

— До ближайшей паузы остается одна минута. Мы просим гостей проследовать в зону Паузы. Дорогие гости! Обращаем ваше внимание на то, что в зоне Паузы соблюдаются те же правила гигиены, что и в зоне Воспроизведения. Перед паузой все гости обязательно должны принять дезинфицирующий душ. Душевые кабинки оборудованы точно так же, как и в зоне Воспроизведения, так что мы надеемся, что у вас не возникнет никаких затруднений. Провожающих мы просим покинуть фойе. Спасибо всем за вашу помощь природе. До новых встреч. Смерти нет!

— Вам нужно уйти, сотрудник, — говорю я Эфу, стараясь скрыть злорадные нотки.

— Матвей не может идти. Я отнесу его в зону Паузы.

клео: это что, какая-то провокация? все записывается, так

что ты себя компрометируешь, не меня.

В первом слое я говорю:

— К сожалению, это недопустимо. Проход провожающих в зону Паузы не предусмотрен фестивальной программой. Вы ведь провожающий?

— Да…

— Не волнуйтесь, с вашим подопечным все будет в порядке. Я уже вызвала сюда чудо-каталку…

…Он укладывает Матвея на спину на чудо-каталку. Наблюдает, как защелкиваются, один за другим, электронные чудо-ремни. Матвей открывает глаза. Его зрачки уже не такие огромные, и видно, какого цвета глаза. Голубые. Мутно-голубые, как у новорожденного Родного.

— Все будет в порядке, — говорю я ему. — Чудо-каталка оборудована новейшей системой навигации. Она быстро и беспрепятственно доставит вас в душевую кабину.

эф: посмотри не него! какая ему душевая кабина?! он не сможет стоять на ногах, он даже раздеться не сможет.

клео: это не проблема

— Мой подарок… — тихо канючит Матвей. — День рождения… мой подарок… подарок…

— Вот подарок. — Эф привязывает гроздь воздушных шаров к одному из чудо-ремней.

Матвей послушно погружается в созерцание шариков. Он даже не замечает, как трогается чудо-каталка. Эф, ссутулившись, глядит ему вслед. С ним что-то не так, с Эфом. Живущий, безусловно, полон любви, и все же я еще никогда не видела, чтобы планетарник был так добр к принудительному.

эф: ему там помогут?

клео:??

— Ему помогут переодеться и выйти из душевой? — спрашивает он вслух.

Только теперь я наконец понимаю, что с ним не так.

ФЕСТ-ИНФО: Вечерняя пауза проведена успешно. Все сотрудники зоны Паузы на сегодня свободны.

— Все будет в порядке, — говорю я.

Потом гашу свет, отключаю аудио— и видеосъемку, выбираюсь из кабинки в опустевшее фойе и, почти касаясь губами его безжизненной зеркальной щеки, шепчу:

— Из душевой не выходят.

Досье

(стенограмма беседы Штатного Энтомолога исправительного Дома «Гармония» № 3578 с сотрудником ПСП от 17.07.471 г. от р. ж.; фрагмент)

Энтомолог:…Как огненный столб, да. Сгорел дотла, прямо на наших глазах. И знаете, что я вам скажу? Я не жалею. Его — нет. Он не был частью Живущего, Живущий никогда не проявил бы такой жестокости к своим братьям меньшим. И ведь я просил его, гада…

Сотрудник ПСП: Прошу вас выбирать выражения — идет запись для протокола.

Энтомолог: Извините. Я ведь просил его не поджигать себя рядом с питомцами! Я чувствую и свою ответственность за случившееся. Не уберег!.. Я попросил всех исправляемых сохранить в памяти последние минуты трансляции из термитника. Это очень грустная запись. Как солдаты высовывали из термитника свои головы, пытаясь не пустить огонь внутрь. Как рабочие…

Сотрудник ПСП: Спасибо, это я уже слышал. Я сейчас говорю с вами не как с энтомологом, а как со свидетелем. Хотелось бы услышать больше подробностей о собственно самосожжении исправляемого Зеро.

Энтомолог: Он держал в руке чудо-солнышко…

Сотрудник ПСП: Откуда исправляемый взял это устройство?

Энтомолог: Выкрал его из Спецкорпуса. Мы там используем чудо— солнышки в лампах дневного света.

Сотрудник ПСП: И что, любой исправляемый может вот так просто извлечь чудо-солнышко из лампы?

Энтомолог: Нет! Конечно же нет. Лампы расположены высоко. Кроме того, чтобы отвинтить панель и вытащить чудо-солнышко, нужен специальный инструмент.

Сотрудник ПСП: Тогда как же, по-вашему, исправляемый Зеро достал чудо-солнышко?

Энтомолог: Понятия не имею. Возможно, у него был сообщник. Не знаю. Почему, собственно, вы спрашиваете об этом меня, а не службу безопасности Дома? Пусть они покажут вам запись с видеокамер Спецкорпуса.

Сотрудник ПСП: Мы полагаем, что у нас есть основания спрашивать вас. Охрану мы уже опросили. И запись с видеокамер просматривали. Там все чисто — если, конечно, не считать тех тридцати минут накануне пожара, в течение которых камеры в силу невыясненного технического сбоя были отключены. Вы,

кстати, хорошо разбираетесь в технике?

Энтомолог: На что вы намекаете? Я хорошо разбираюсь в своем деле. В насекомых.

Сотрудник ПСП: Что ж, вернемся к пожару. Как именно произошло возгорание чудо-солнышка?

Энтомолог: Понятия не имею! Исправляемый Зеро держал чудо-сол— нышко в руке, а потом просто… вспыхнул. Я не знаю, почему это произошло. Чудо-солнышки не взрываются просто так. Для этого нужен очень сильный удар.

Сотрудник ПСП: Я в курсе. И удара не было?

Энтомолог: *Не было.*

Сотрудник ПСП: Как же вы объясняете для себя случившееся?

Энтомолог: Я… не знаю. Может быть, Живущий явил нам чудо. Уничтожил того, кто не является Его частью.

Клео

Блестящий песок хрустит под ногами. В отличие от многих я люблю прогулочные маршруты: пешая ходьба в первом слое помогает поддерживать себя в форме. По крайней мере, я не вешу восемьдесят кг, как большинство женщин, которые приходят на фестиваль потрясти своими рыхлыми телесами…

Он идет за мной от самого фестивального комплекса. На площади Золотого Сечения пусто — кроме нас и этого идиотского кулака, здесь больше никого нет… Не люблю конкретное искусство. клео: зачем тебе понадобилась личная встреча? эф: чтобы задать личный вопрос клео: личный вопрос можно задать и в глубоком слое эф: в глубоком слое я не буду видеть твое лицо клео: а зачем тебе?!

Он отвечает вслух, с выключенным «болтуном», — его голос, не искаженный устройством, кажется неприлично живым:

— Чтобы понять, насколько искренним будет ответ. *клео: бред! при чем тут лицо??*

Он молчит. По его лицу уж точно ничего не понять. Как же я завидую его маске.

клео: ну, что за вопрос?

— Тебе известен состав инъекции? Той, что использовалась в эксперименте с направленным лучом Лео-Лота?

— Это допрос?

— Нет. Ты же видишь. Устройство для ведения бесед выключено.

— Тогда изоп. Почему ты считаешь, что я отвечу?

— Потому что у меня в памяти хранится парочка документов. И если я перешлю их руководству, ты пойдешь под следствие.

клео: могу я ознакомиться с документами, прежде чем отвечать? эф: конечно

— Только вопрос я теперь поставлю иначе, — добавляет он вслух. *клео:???*

— Состав инъекции?

клео: я не сказала, что знаю эф: а зачем говорить

Он приближает свое зеркальное лицо к моему, чтобы я видела свое отражение.

— У тебя выразительная мимика, Клео.

Он отворачивается и идет через площадь, шурша золотистым песком.

Привет, клео!

у вас появилось одно новое сообщение от друга открыть

сообщение сейчас?

да нет

от кого: эф
кому: клео
тема: без темы
текст: без текста
прикрепленные файлы: Kleo.doc; Juk.doc

Не оборачиваясь, он машет мне рукой.

эф: извини если что

Эф

— Мне холодно, — говорит Эф. — Не стоит мне больше спать на снегу.

Он плохо выглядит. Хуже, чем два дня назад. Тогда мне даже показалось, что отек начал потихоньку спадать, но, наверное, я просто не разглядел при плохом освещении — у меня были только восковые вонючие свечи, раздобытые в «Мегаполисе». Теперь, когда я наконец приладил к решеткам рождественскую гирлянду с крошечными чудо-солнышками и клетка захлебнулась золотистым сиянием, смотреть на него просто страшно.

Правый глаз заплыл почти полностью, левый кровавой щелкой мерцает в складке синюшных век, как моллюск в приоткрывшихся от жары створках раковины. Его волосы слиплись от пота, крови и гноя в смешной хохолок, губы высохли и растрескались. Он не ел и совсем не пил витакомплекс, который я ему оставлял: белая бутылочка и пакетик с сухой едой остались нетронутыми. Гематома расползлась по лицу неровным пятном — точно сок от раздавленных внутри черных ягод, просочившийся через кожу. Сама рана — вверху лба, ровно по центру — выглядит не так уж и плохо и как будто бы заживает… Но от нее идет плохой запах. Запах гнилого сыра.

— Обработаем рану, — говорю я, раскрывая аптечку.

— Не надо. Просто приложи к ней немного снега.

— Сейчас лето, Эф.

Он слабо усмехается сухими губами:

— Кого ты пытаешься обмануть, Цербер? Тут все в снегу. Ты сам стоишь по колено в сугробе.

В первые пару дней он скулил от боли и часто терял сознание, но в остальное время мыслил более-менее ясно. Теперь он бредит почти постоянно. Он принимает меня за Цербера. В редкие моменты просветления интересуется, кто я и где мы, но не может сосредоточиться на ответе.

— Запрос в СТП, проверьте подключение к *социо*… Я не вижу друзей из списка…

Я вкалываю ему жаропонижающее. Вливаю ему в рот несколько густых глотков витакомплекса. Обрабатываю его рану и меняю повязку. Эф не сопротивляется и даже не стонет, как будто ему больше не больно.

— Холодно, — повторяет он.

Я накрываю его еще одним пледом. Плюс двадцать пять снаружи — а тут, в клетке, наверное, и все тридцать, — но Эф действительно трясется от холода.

— Неужели он бросил нас замерзать? — в его голосе отчаяние и обида.

— Кто «он»? — Мне становится любопытно.

— Живущий, кто же еще. Ведь это он прислал нас сюда искать антивирус… Отсутствует подключение к *социо*… Но он прав. Теперь мы заражены и представляем угрозу. Нам лучше не возвращаться до паузы… Не вижу друзей из списка… Кристаллическая структура снежинки — источник инфекции. Не удивительно, что антивируса до сих пор нет. Такая гармония, что любой снеговик может стать предателем…

Полагаю, дело не только в ране и лихорадке. Он сходит с ума, потому что у него нет подключения. Он как термит-воин, которого пересадили в отдельный контейнер.

Лицо Эфа покрывается бисерной пленкой пота. Бисерины медленно набухают… Я трогаю его лоб ладонью — уже не такой горячий, укол начинает действовать — и смотрю на свою мокрую руку. Кожа на его лбу такая багровая, что даже странно, как из нее может сочиться что— то прозрачное.

— Где я? — спрашивает меня Эф.

Я отвечаю:

— На территории старого зоопарка. Сидишь в клетке, в которой когда-то жила пара орангутанов.

Это чистая правда. Так написано на табличке.

— Кто ты? — спрашивает меня Эф.

Я отвечаю:

— Друг.

Это вранье.

— Я не вижу список друзей, — растерянно говорит он. — Куда делся список моих друзей? Я не помню их имена… ты сказал, что здесь кто— то жил?…

— Орангутаны.

— Я не помню, кто такие орангутаны…

— Древесные человекообразные обезьяны. — Я бойко открываю ви— кипедию во втором слое. — Обитали вплоть до начала нашей эры в дождевых лесах древних островов Борнео и Суматра, на территории нынешнего региона АЗ-б. Большая часть популяции истреблена во времена Великого Сокращения, остальные вымерли в результате миграции в регионы с неподходящим климатом…

Он слушает меня так прилежно, приоткрыв рот, что мне становится стыдно. Не стоило над ним издеваться.

— А мой богомол?…

— Я кормлю твоего богомола.

— Ты Цербер, да? У меня что-то с памятью, — говорит он. —

Отсутствует доступ. Я не могу залезть к себе в память.

В который раз за те дни, что я держу его здесь, у меня возникает почти непреодолимое желание вернуть ему то, что я у него отобрал и что мне не особенно нужно. Его друзей, его сериалы, его удовольствия, его игры, его рассылки. Волшебный сундучок с его памятью и рассудком. Но поздно. Слишком далеко все зашло.

Слишком далеко я зашел…

— Я все понял. — Эф смотрит мне прямо в глаза своим мутным кровавым глазом. — Добей меня.

Его голос звучит спокойно, почти обыденно, а лицо впервые за много дней совершенно осмысленное.

— Просто добей. Еще один удар в голову.

У меня возникает противное чувство, как будто кто-то копается в моих волосах. И ползает по спине. Автодоктор *тут же врывается в черепную коробку с полезными комментариями:* возможно, ваши инстинкты подсказывают, что вам угрожает опасность: зафиксированы обширная пилоэрекция и выброс адреналина. *Пилоэ— рекция?..* Википедия *послушно пузырится определением:* рудиментарный рефлекс, сокращение гладкой мускулатуры волосяных фолликулов, в результате чего приподнимаются волоски. При реакции на опасность поднятая шерсть делает животных внешне более массивными и придает устрашающий вид… *Вспыхивает* наглядная иллюстрация: *какой-то зверек, похожий на сердитый меховой шар…*

Весь этот шум. Все эти вспышки, пузыри, голоса, окошки, ячейки. Бесконечная вечеринка внутри моей головы. Толпа благонамеренных незнакомцев, они отвечают и спрашивают, говорят и показывают, перебивают и клянчат, они зовут на прогулку, навязываются в друзья, разглядывают мои сны и мурашки, они со мной неотлучно… Яппп, как же они меня утомили! А вот напротив меня сидит человек, который без них нежизнеспособен…. Опасность? Чем может быть опасен для меня этот оскопленный калека — даже если у него на мгновение прояснилось в мозгах?.. Так что — нет, моя пилоэрекция не от страха. Расскажи-ка мне, автодоктор, а не бывает ли пилоэрекции от стыда? От раскаяния? От чувства вины и отвращения к себе самому?

автодоктор: в крайне редких случаях

Ну, тогда, перед тобой редкий случай. Крайне редкий. Я бы даже сказал — единичный.

Эф смотрит исподлобья, странно наклонив голову, точно собирается кинуться на меня и боднуть.

— Я ведь ранен, — с непонятной радостью констатирует он.

До меня вдруг доходит, что значит этот его сосредоточенный взгляд: он вовсе не смотрит на меня, он разглядывает свое отражение в моем зеркальном лице. Свой синяк, свой заплывший глаз и повязку на голове…

Он ощупывает свою рану через повязку, нажимает на нее двумя пальцами несколько раз, как-то слишком уж грубо и резко, и каждый раз изумленно охает, точно его удивляет, что это может быть больно.

— …Я ранен прямо в *социо-спот.* Это ты меня так?

Я смотрю в его недоступный слезящийся глаз, долго смотрю, пытаясь понять, почему в его голосе снова звучит это странное ликование, но его глаз не выражает ничего, кроме терпеливого ожидания ответа, и я отвечаю:

— Да, Эф. Это я тебя так.

И что теперь? Он спросит, за что, он пообещает, что меня внесут в Черный список, он придет в ярость, он попытается изувечить меня в ответ, он будет требовать подключения, врача и подробностей. А я скажу, что он сам виноват, скажу, что мне жаль, что мне очень жаль, но мне не оставили выбора, скажу «извини», а потом, наверное, сделаю то, что он просит. Добью его. Еще один удар в голову. Ну, может, два или три. Не вечно же его здесь держать.

Вместо этого он говорит:

— Ну ты крут. Да ты просто мастер!

Он говорит:

— Эта новая игра — это же просто снос башни! «Бандитский первый слой», да? Так она называется? Реальный смертинетник!

Он говорит:

— Нужно срочно отправить благодарность в Сообщество Геймрайте— ров. Молодцы ребята! Я даже не сразу понял, что сижу в пятом слое… Полная иллюзия первого! И визуально, и по болевым ощущениям, и… Цербер, ты заценил? Сенсорная симуляция круче, чем в люксурии, да? И особенно эта фишка с разбитым социо-слотом, — он снова тычет себя пальцами прямо в рану, морщится от боли и восторга. — Квин, я был просто уверен, что реально отключился от *социо!* Догадался, только когда увидел свое отражение… — Он смеется и тут же давится хриплым кашлем: —…Отбивная вместо лица и без маски, не очень правдоподобно, да?.. Ну и тут до меня дошло: алло, если *социо-спот* отрубился, почему же цереброн не дублирует… И этот снег… Он ведь тоже своеобразный сигнал… тревоги… что-то я… сбился… о чем я сейчас говорил?

Он смущенно озирается. Облизывает пересохшие губы. Таращится на меня глазом-моллюском, доверчиво, в ожидании

подсказки.

Кто я такой, чтобы отнимать у него последнее утешение? Объяснять термиту, что теперь он сидит в отдельном контейнере? Термит хочет верить, что по-прежнему строит вместе со всеми термитник. Так что я подсказываю:

— Ты говорил, что тебе нравится эта игра. «Бандитский первый слой». Все очень правдоподобно.

— Да, точно! — Он снова счастлив. — Игра. Ну, я, короче, сдаюсь. Один ноль в твою пользу. Никак не разберусь, где тут эскейп… Так хитро все сделано… Давай-ка добей меня. Кажется, отсюда иначе вообще не выйти.

— Ты прав, — говорю. — Иначе не выйти.

Все хитро сделано.

Зеро

В первый раз это был Лисенок. За год до пожара. Он подошел ко мне на Доступной Террасе и долго, влажно смотрел своими глазами цвета гнилой картошки. Пока я не понял, что он пытается говорить со мной во втором слое, и не отшил его:

— Не получится. Я совершенно асоциален.

Я отвернулся от него и пошел вдоль рядов питомцев, но Лисенок зачем-то поплелся следом. Я несколько раз менял направление, но он пря— мо-таки увивался за мной, будто муха за помойным ведром, так что я снова повернулся к нему:

— Ты чего, Лис?

Взгляд у него был настолько бессмысленный — даже для него, — что мне пришлось взять его за плечо и встряхнуть.

— Э, Лис! Тебе чего надо? Говори вслух!

— Привет. Это. Я, — медленно, с явным усилием выдавил из себя Лисенок.

— Я знаю, что это ты. Лис, ты что, болен?

— Нет. Я. Не. Лис.

— Погоди, сейчас позову куратора…

— Нет. Нет. Нет. Нет.

— Эй, успокойся…

Впрочем, он и так казался абсолютно спокойным. Даже слишком спокойным.

— Просто молча. Следуй за ним.

— За кем?!

— За Лисенком, — сказал Лисенок.

— Почему ты говоришь о себе в третьем лице?

— О себе, — еле слышно шепнул Лисенок и направился к выходу с Доступной Террасы.

Движения его были медленными и до странности плавными, как будто он шагал под водой. Все это выглядело так дико, что я пошел следом. Молча.

Мы неспешно проплыли по коридору, вышли во двор, пересекли его и вошли в Спецкорпус. На входе нас обыскали; охранник вытянул откуда-то из-под одежды Лисенка обгрызенный карандаш, потряс перед его носом:

— Пишущий предмет — это зачем?

— Зачем. — Лисенок уткнулся картофельными глазами в пишущий предмет и подвис.

Некоторое время он стоял неподвижно, приоткрыв рот и не моргая, полностью погрузившись в созерцание. Казалось, он внимательно изучал следы от зубов на деревянной поверхности,

пытаясь при этом постичь глубинную карандашную суть, его предназначение и смысл.

— Он что, однослойный? — охранник кивнул на Лисенка. — Недоразвитый, вроде тебя?

— Альтернативно одаренный, — ответил я. — Вроде меня. Очень любит рисовать.

— С пишущими предметами в Спецкорпус нельзя. Это… — охранник потряс в воздухе карандашом, зрачки Лисенка послушно заметались из стороны в сторону, — это — нарушение. К кому вы шли?

— На минус второй, — неожиданно бойко отрапортовал Лисенок. — Навестить Крэкера как он там ему наверное скучно нашему другу совсем одному пропустите пожалуйста.

— Ваш Крэкер давно уже полный овощ, ему не скучно. А ты нарушитель. У тебя пишущий предмет. Но я сегодня добрый. Я вас пропущу, если ты… — охранник ткнул пальцем в Лисенка, — мне споешь. Под запись. А я выложу на фрик-тьюбе. А то у меня там рейтинг стал падать… Ну, пой.

— Что петь?

— Давай что-нибудь из «Фестивальных страстей».

— У нас заблокированы «Фестивальные страсти», — поразмыслив, ответил Лисенок.

— А, ну да. Тогда из «Вечного убийцы».

— Кто охраняет твой всегда спокойный мирный со-о-он?.. — затянул Лисенок. — Э-то пла-нетарники! Кто не забудет никогда закон он есть закон? Э-то пла-нетарники! Кто больше всех всегда готов на помощь вдруг прийти-и-и? Это пла-нетарники! Кто видит семь слоё-о-ов и кто всегда гото-о-ов стабильность и гармонию спасти-и-и?..

На «спасти» Лисенок взвизгнул и дал петуха. Охранник благодушно захлопал в ладоши.

— Молодец, хорошо спел. Теперь скажи, кто ты и сколько тебе лет. Зрителям фрик-тьюба будет интересно.

— Я Лисенок. Мне двадцать восемь лет. Я живу в исправительном Доме. Раньше я был преступником, но теперь у меня маленький КПУ, так что я совсем скоро исправлюсь.

— А скажи еще, сколько слоев ты умеешь держать одновременно?

— Один, — отчитался Лисенок. — А иногда полтора.

— Отлично! — осклабился охранник. — Вы можете пройти. Пишущий предмет я верну на выходе.

Лисенок медленно, словно боясь оступиться, зашагал к лифту.

Крэкер лежал неподвижно, закрыв глаза, как обычно. Он лежал так уже очень давно. Три раза в день медсестра кормила его и меняла памперсы. Два раза в день переворачивала с боку на бок. Один раз в день — перед сном — протирала ему лицо и промежность влажными гигиеническими салфетками. Один раз в неделю его купали.

Все остальное время он просто лежал.

Шестнадцать лет назад, когда Крэкер совсем перестал шевелиться и диагноз «апатический ступор» сменился диагнозом «кома 1-й степени», само собой, возник вопрос об искусственной паузе. Администрация Дома после нескольких совещаний решила подвергнуть Крэкера паузе, как только у него исчезнут основные рефлексы и он потеряет способность дышать и принимать пищу естественным образом. Ну а до тех пор, пока он обременял персонал не больше, чем любой исправляемый грудничок, ему был предоставлен уход. Жидкая пища, памперсы и гигиенические салфетки. Ничего больше. Никаких обследований, медикаментов, аппаратов жизнеобеспечения. Никаких дополнительных действий. Ничего сверх того, что он бы и так получал после естественной паузы.

Они не рассчитывали, что он протянет так долго. Они давали ему от месяца до шести. Не позднее чем через полгода, говорили они, исправляемый Крэкер разучится глотать и дышать. Не позднее чем через полгода исправляемый Крэкер временно перестанет существовать.

Но прошли годы — а он все существовал. Тихо и ненавязчиво, как окуклившийся питомец.

Ему было тринадцать, когда его внесли в Черный список и перевели в Спецкорпус. Ему было шестнадцать, когда он в последний раз повернул голову и посмотрел на меня через стекло; после этого Крэкер оцепенел окончательно, и я перестал его навещать. Ему было тридцать два, когда Лисенок спел песню про планетарников и снова привел меня на минус второй.

В первый же год, проведенный в камере под исправительным светом, Крэкер усох, пожелтел и скрючился, как неживой любимец, приколотый булавкой к картону и оставленный под стеклом на добрую память. Старость вгрызлась в его еще детское тело вредоносным грибком, не дав организму пройти предначертанный ему цикл превращений — молодость, зрелость… Когда я в последний раз навещал его, шестнадцатилетнего, он выглядел одновременно старичком и подростком. Он напоминал одну из тех картинок-перевертышей, которые в детстве мне совали под нос психологи (смотришь — вроде бы красивая дама в шляпе с пером… а потом — щелк! — да

это же длиннозу— бая ведьма!).

Медсестра тогда, помню, назвала его куколкой. И я тоже стал его так называть. Про себя.

Он был неправильной, больной куколкой, из которой никогда не вылупится крылатое существо.

Когда мы с Лисом пришли, Крэкер лежал неподвижно, закрыв глаза. Он практически не изменился.

Та же спящая куколка.

Лисенок подошел вплотную к камере Крэкера и уткнулся лицом в стекло. Так он простоял с полминуты, после чего повернулся ко мне, вытянулся по струнке и открыл рот, словно опять собирался петь.

Шестнадцать лет я не был на минус втором. За это время Сын Мясника дожил до паузы и воспроизвелся, научился хорошо ползать и даже вставать на ножки, держась руками за стекло камеры. Заметив нас, он как раз проделал этот трюк и теперь стоял, чуть покачиваясь, в своих нарядных штанишках «мне повезет», сосал замызганную желтую соску и переводил внимательный взгляд с Лисенка на меня и обратно. Я надавил себе пальцем на нос, снизу вверх, как раньше, но он даже не улыбнулся. После паузы он, похоже, забыл, что «свинка» — это смешно. Или просто не умел улыбаться — скорее всего, никто ему не показал, как делается эта гримаса. Зачем нарываться? Улыбка черносписоч— ника — очень плохая примета… Я отпустил свой нос и растянул губы в самом что ни на есть доброжелательном оскале. Малыш отпрянул от стекла, упал и скривился в беззвучном плаче.

Я пожалел, что пришел.

— Эй, Лис. Зачем ты меня сюда притащил?

— Я не Лис я уже сказал, — тягуче пропел Лисенок; зрачки его расползлись по радужке, как пятна гнили по картофельной кожуре. — Я соскучился, вот и позвал тебя. Ты не приходил ко мне так давно. Смерти нет. Друг.

— Смерти… — начал я и подавился словами.

Что-то — то ли рвотный рефлекс, то ли слезный — мешало мне говорить; горло свело. Что-то — то ли радость, то ли усталость — набухло во мне, сделав меня очень тяжелым. Я почувствовал непреодолимое желание сесть и сел на пол, привалившись к прозрачной стенке. Там, за стенкой, лежал мой неподвижный скрюченный друг, к которому я не приходил так давно.

— Это ты… — прошептал я сквозь спазм, сквозь звуконепроницаемое стекло, — ты, Крэкер?

— Конечно я, кто же еще, — ровно ответил Лисенок. — Кто

еще, кроме Крэкера, взломает любой пароль, пройдет через любую защиту.

Я рад тебя видеть. Друг. Хотя у тебя такой глупый вид. Ха. Ха. — Лисенок облизнул пересохшие губы и продолжил, старательно артикулируя: — Хи. Хо. Хо. Типа я смеюсь. Жаль, пока не добился. Чтобы этот идиот смеялся естественно.

— Как ты… А Лисенок… Что ты с ним сделал?

— Ничего особенного. Просто взломал его ячейку. Защита у него совсем слабенькая.

— Но ты… то есть он… он — это ты…

— Хи. Ха. Ты все же смешной, — равнодушно сказал Лисенок. — Он это он. Просто я в нем. Немного поковырялся. Отключил лишнее. Установил режим «вслух». Задал простейшие алгоритмы. Куда идти. Промежуточные точки. Конечная цель. Это на время. Скоро его отпущу. Все сотру. Забудет.

«Это невозможно, — подумал я. — Невозможно. Невозможно. Никак».

— Это возможно, — ответил Крэкер губами Лисенка, точно прочел мои мысли. — Это самое малое. Ты даже представить себе не можешь. Каким штукам я теперь научился.

— Ты слышишь, о чем я думаю?!

— Конечно нет, но догадаться не сложно. Мимика у тебя выразительная. Хо. Хе. Хи. Да засмейся хоть раз нормально, Лисенок, мать твою.

Лисенок икнул. Его лицо было пустым и усталым. Как будто он силился вспомнить сон, и никак не мог. Я перевел взгляд на Крэкера. Засохшая неподвижная куколка.

— Открой глаза, — попросил я. — Посмотри на меня.

— Смотрю, — покорно отозвался Лисенок.

— Не так. Сам.

— Нет.

— Не можешь?

— Лишнее действие. Уйдет много сил. И памяти. Потеряю над ним контроль. Больше не загружаю мозг бессмысленными командами.

Мне стало тоскливо.

— Пожалуйста!

— Нет. Глупости. Мало времени. Скоро включатся камеры наблюдения.

— Здесь разве есть камеры? В нашем секретном месте?

— Везде есть камеры. Но эти я отключил ненадолго.

— *Ты* отключил? — Я перевел взгляд с Лисенка на неподвижного Крэкера и обратно. — Ты?!

— Самое малое, — снова сказал Лисенок. — Из того, что я

теперь могу сделать.

Сын Мясника — я совсем про него забыл — неожиданно завалился на спину и возбужденно задрыгал всеми конечностями.

— Закачал ему первый сезон «Малышариков», — устало отчитался Лисенок. — Эти уроды подключили ему сразу четырехсотый. Без предыстории ничего не поймет.

— Ас предысторией поймет?!

— Да. Теперь будет все понимать. Я им займусь. Будет видеть много слоев.

— Научи его улыбаться, — попросил я.

— Нет. Плохая примета.

— Ты разве веришь в приметы?

— Я нет. Они да. Не хочу. Чтобы видели в нем угрозу.

Лисенок надолго умолк; лицо его стало неподвижным и тусклым, как просроченное чудо-солнышко. Крэкер все так же лежал без движения. На какую-то долю секунды мне показалось, что уголки его губ слегка напряглись в обещании улыбки, но это был обман зрения, или Крэкер не сдержал обещание; обман в любом случае.

Сын Мясника, открыв рот и пуская слюни, пялился на меня. Потом помахал рукой не мне, а словно кому-то сидящему у меня в животе. Я тоже хотел ему помахать, но тут до меня дошло: он даже не видит меня. Он во втором слое. С малышариками и Живушем. Смотрит первую серию.

Я помнил эту серию, мне показывали ее в группе естественного развития. Она называлась «Знакомство».

Кто-нто в нашем доме живет?

Привет, я Утяш.

Привет, я Мартыш.

А ты кто, малыш?

Сын Мясника показал на себя пальцем и опять помахал.

Кто-кто в нашем доме живет,

Вставай в хоровод!

Сын Мясника протянул руки невидимым новым друзьям и завертелся вокруг своей оси. Я знал, что это значит. Он должен был стать частью шара. Частью Живуша. Но что-то пошло не так. Что-то случилось. Что-то плохое, злое: Сын Мясника вдруг резко дернулся вправо, упал, как будто его толкнули, закрыл руками глаза, стараясь отгородиться от чего-то, чего я не мог увидеть, и разинул рот в плаче.

— Я кое-что перемонтировал, — неожиданно подал голос Лисенок.

Сын Мясника уполз к дальней стене камеры, лег на пол и подтянул

к подбородку колени; его била крупная дрожь.

— …Я изменил облик Живуша. Живуш — чудовище.

— Это жестоко! — Я приблизился к камере Сына; тот посмотрел на меня мокрыми больными глазами. — Жестоко, Крэкер! Смотри, он напуган! Зачем тебе мучить ребенка?

— Будет бояться Чудовища. Не захочет быть частью Чудовища. С детства. Будет на твоей стороне.

— Но у меня нет никакой….

— Есть. Чудовище с одной стороны. Ты с другой. Отдельно. Вне его. В будущем. Тебе понадобятся друзья.

Мой будущий «друг», свернувшись клубком на полу, ритмично подергивался всем телом, пытаясь заснуть. До паузы он точно так же себя убаюкивал. Свет. Этот пустой и белый исправительный свет, под ним, наверное, так трудно уходить в сон. Зато так просто потерять разум. Я отвернулся. Снова накатила усталость — но не та, что придавливает к полу и мешает дышать, а другая, та, что пропитывает все твое тело невидимой ватой, отравляет и избавляет от боли. Дарит тебе безразличие.

— Ты сумасшедший, — сказал я, стараясь не глядеть ни на Крэкера, ни на его «заложника». — Здесь, в исправительном, какое может быть будущее? Какие друзья? Разве как ты и Сын — сидящие в непроницаемых колбах…

— …нероцамых кобах… — проскрипел Лисенок.

Лис плохо выглядел; лицо его стало бледным и влажным, как очищенный картофельный клубень. Он по-прежнему стоял, вытянувшись по струнке, и ноги его заметно дрожали.

— Ты бы присел, что ли, а, Лис? Или прилег бы?

— Я н Лс. Я двно лжу.

— Дай ему отдохнуть, Крэкер! Ему плохо. Отпусти его, наконец!

— Ско-ро, — сказал Лисенок с усилием, по слогам. — По-м-ги ему сесь…

Я усадил Лисенка на пол, прислонив спиной к стене Крэкеровой камеры. Он прикрыл глаза и какое-то время молчал. Потом снова заговорил, тихо, но достаточно внятно:

— Ты прав. В этом доме нет будущего. Поэтому я тебя пригласил. Тебе нужно отсюда выбраться…

— Ты бредишь, Крэкер!

— Нет времени. Не перебивай. Слушай. — Лисенок отрывисто выхаркивал из себя короткие фразы: — Ты выберешься. Не сразу. Потом. Помогу. Пока информация. Важно знать. Прежде всего. «Болтуны». Они хитрее. Чем кажется.

В тот раз непослушным языком Лиса, одеревеневшими

голосовыми связками Лиса, сухими его губами Крэкер рассказал мне про «болтунов».

Про то, что «болтун», который болтается на поясе каждого планетар— ника, — не просто устройство для записи и ведения бесед.

Про то, что «болтун» скрывает в себе чудесный секрет. Внутри «болтуна» запрятан крошечный цереброн. Неинвазивный, такой, как раньше. Последняя модель, бывшая в употреблении до Рождества.

Про то, что маленький цереброн дублирует всю информацию с *социо-* слота планетарника, иными словами, является копией его ячейки. И в ситуации форс-мажора, если *социо-спот* планетарника отключается, его цереброн продолжает функционировать.

Про то, что обычно *социо-спот* отключается при физической паузе планетарника. В этом случае внешний цереброн оказывается очень полезен: Планетарная Служба скачает всю информацию из ячейки временно несуществующего планетарника с его «болтуна».

Про то, что теоретически — чисто теоретически — возможен и другой форс-мажор. Например, планетарник жив, но его *социо-* слот поврежден. Допустим, ранение. Травма черепа. Маловероятно — но все же. Тогда планетарник извлечет из «болтуна» цереброн и, чтобы остаться в *социо,* подключится к нему. Через внешний порт…..Внутри Лисенка что-то забулькало.

— …олтун… нешний орт… лис тебе арисует сх… схы-ему… Лис вывалил изо рта язык, покрытый серым налетом, и его вырвало на сияющий пол.

Kleo.doc

Эф: память F: «Живой Журнал Охотника»: «закрытые записи»: Kleo.doc

10 июля 471 г.: 15:00

…Снова эти вопросы на пустыре. А она непростая штучка. Придется ее получше прощупать © Ну что ж, приступим.

10 июля 471 г.: 15:30

Считаю необходимым установить самостоятельное наблюдение за следующим объектом:

актуальное имя — *клео* вечное имя — *лео* актуальный пол — женский

инвектор — в целом положительный. Преобладающие специализации на протяжении последних воспроизведений: «научный сотрудник» и «старший научный сотрудник». Предыдущее воспроизведение: Лео — профессор, доктор наук, один из двух авторов нашумевшего эксперимента «Направленный луч Лео-Лота».

Однако в текущем воспроизведении — серьезное профессиональное понижение в связи с позорным провалом проведенного до паузы эксперимента. Несмотря на высокий коэффициент интеллекта и отличное многослойное восприятие, *клео* не допущена к научной деятельности, работает в фестивальной службе «Все будет в порядке» и не довольна своей работой, о чем неоднократно упоминала в личных *социо*-беседах.

тип взаимоотношений, сложившийся у меня с объектом наблюдения, — эротическая связь в глубоких слоях.

NB. Я не считаю, что «личный аспект» может в данном случае отрицательно сказаться на наблюдении, т. к. не испытываю эмоциональной привязанности к объекту.

Основания для установления наблюдения: подозрительное поведение объекта. Инициатором возникновения между нами интимных отношений в глубоких слоях была именно *клео.* Несмотря на установление мной весьма жестких и даже, можно сказать, мучительных для нее условий проведения *актов* в режиме люксурия, объект *клео* тем не менее продолжает настаивать на их повторении. По окончании *акта клео,* судя по всему, старается воспользоваться моим статусом relax и выведать у меня служебную информацию, касающуюся моего наблюдаемого *Зеро* (в свое время он принял участие в эксперименте с лучом Лео-Лота и, без сомнения, являлся главным

подопытным). Объект старается выдавать свой интерес за общечеловеческое любопытство (все-таки я курирую знаменитость ©), однако мне кажется, что мои ответы интересуют ее куда больше, чем сами *акты* © Неоднократно *клео* просила меня о личной (!!) встрече с Зеро в первом слое (см. видеозапись фрагмента нашего *акта* в люксурии).

Предполагаю, что замыслы *клео* могут носить преступный характер. Не исключено, что она собирается развить или уже развила самостоятельную, несанкционированную научную деятельность, связанную с направленным лучом Лео-Лота (и в этом смысле Зеро с его «туманным» генезисом — очень лакомый кусок). Цель очевидна: вернуть себе «доброе имя» в научных кругах и восстановить инвектор. Подобные действия я расценил бы как угрожающие гармонии и спокойствию Живущего, так как эксперимент с лучом Лео-Лота был признан «неудачным, вредоносным и запрещенным к повтору» на самом высоком уровне, контакты же граждан с исправляемым Зеро строго запрещены.

Кроме того, принимая во внимание явное недовольство *клео* предложенной ей в этом воспроизведении специализацией, нельзя исключить и того, что *клео* является членом преступной группировки Несогласных. В таком случае ее интерес к личности *Зеро,* рожденному, согласно абсурдной доктрине Несогласных, чтобы изменить их жизнь, носит и вовсе угрожающий характер.

11 июля 471 г.

Сегодня я установил наблюдение за ячейкой *клео* посредством шпионской программы «жук». «Жука» я инсталлировал в модную *социо*-игрушку *«собака»,* после чего отправил бесплатную подарочную ссылку на игру непосредственно объекту. По получению объектом ссылки на игру *«собака»* была распакована и запущена.

Эф: память F: «Шивой Журнал Охотника»: «закрытые записи»: Juk-l.doc

11.07.471: подозрительных данных не обнаружено

12. 07. 471: запрос пользователя *клео* № 108 (!!!) на общение в *социо* со скрытым пользователем *лот* удовлетворен на основании ст. 470764 «О праве граждан на последнее соцко-свидание с предпауз— ником».

13. 07. 471:

9:00 *клео* приглашает пользователя *лот* в свою ячейку, чтобы пообщаться в *социо.*

Ответная реакция отсутствует.

11:00 *клео* приглашает пользователя *лот* в свою ячейку *лот* принимает приглашение

Привожу стенограмму беседы, зафиксированной ***собакой:***

клео: ну здравствуй.

лот: привет! кто вы?

клео: я лео.

лот: это имя должно мне о чем-нибудь говорить?

клео: да, лот. мы с тобой вместе работали, занимались наукой, ты разве не помнишь?

лот: я не помню… врач говорит, у меня такая болезнь, нету памяти ©

клео: ©

лот: но я сейчас посмотрю в ***социо.*** так… лео и лот… о, сразу нашел фотографию! удобная вещь это ***социо!*** ты — тот что с бородой или без?

клео: да, у меня была борода, без бороды — ты…

лот: а чем мы с тобой занимались?

клео: пытались заглянуть в прошлое, преодолеть пять секунд тьмы.

лот: пять секунд тьмы!! красиво звучит.

Пользователь** лот **сообщает о своем статусе: 5 секунд тьмы

клео: ты совсем ничего не помнишь о направленном луче Лео-Лота? о составе инъекции?

лот: не помню, прости, мне надо в столовую, сейчас второй завтрак. дают пюре из протертых фруктов, мое любимое

16:00

лот хочет войти в ячейку *клео* и пообщаться в *социо*

клео: привет!!

лот: вы меня обманули

клео:?

лот: вы не мой коллега, вы не лео.

клео: кто тебе такое сказал?!

лот: мой врач, он рассказывает мне о том, чего я не помню, мой друг лео — его больше нет

клео: ты просто неправильно понял!!! я лео — только в следующем воспроизведении © *лот:* лео умер

клео: что ты такое говоришь! смерти нет!!! *лот*: разве?

клео: ну конечно, неужели ты и ЭТО забыл? что у тебя за болезнь, как называется?

лот: дремлющий демон Лота ©

клео: 1

лот: врач говорит, я единственный человек с этим заболеванием, каждую ночь — во время сна — у меня полностью стирается память в глубоких слоях, стирается все, что я сохранил в памяти за день, остаются только базовые рефлексы и навыки.

клео: а память в первом слое??? тоже стирается? *лот:* нет

клео: тогда ты должен очень многое помнить! наш эксперимент — мы ведь частично проводили его в первом слое!

лот: память в первом слое — ненадежная штука © слишком зыбкая, без поддержки глубоких слоев по большей части блокируется, попробуй выйти из *социо* и вспомнить имена или контактные данные своих лучших друзей! попробуй вспомнить, что делал накануне, а тем более месяц назад… вряд ли получится, без социо-памяти мы все маразматики © не только я ©©

клео: как странно, ты говоришь по-другому, не так, как утром *лот:* что, поумнел? ©

клео: ну типа того ©

лот: ну так с тех пор сколько часов прошло! я стараюсь как можно активнее заполнять память в течение дня. чем больше социо-память — тем лучше будет работать память первого слоя…. надеюсь, к вечеру буду почти мудрецом © а завтра опять все забуду © кстати, что это у вас за животное, любознательное такое?

клео: это *собака,* игровая приставка, она очень любит гостей. *лот:* милая, но немного назойливая, не обижайтесь, не люблю, когда меня все время обнюхивают, пойду.

клео: заходи вечером, когда станешь мудрецом © и кстати, почему ты со мной на «вы»? мы же друзья?

лот: лео был моим другом, наверное, а вы женщина, с которой я даже не знаком, говорить вам «ты» будет невежливо

клео: но я же лео, какая разница!! что за условности! *лот:* давайте оставим этот разговор, мне правда пора

клео: так ты зайдешь?

лот: меня немного утомила ваша собака, если хотите, заходите ко мне. сегодня или завтра

клео: завтра вряд ли получится

лот: почему?

клео: ну… у тебя же пауза, тебе не сказали? Пользователь *лот* выходит из чата

20:00

клео хочет войти в ячейку *лота* и пообщаться в *социо*

Ответная реакция отсутствует.

21:00

клео хочет войти в ячейку *лота* и пообщаться в *социо*

Ответная реакция отсутствует.

22:00

клео хочет войти в ячейку *лота* и пообщаться в *социо*

Ответная реакция отсутствует.

23:00

клео хочет войти в ячейку *лота* и пообщаться в *социо лот:* входите

(дальнейший диалог неизвестен, т. к. *собака* остается в ячейке *клео)*

Безликий

«Сурикаты:». «Барсук». «Тушкан». «Горный козел»…

Проходя мимо пустых вольеров и клеток, машинально забиваю названия в поисковик, *социо* сплевывает в мою черепную коробку, как в урну, бесполезную информацию о не существующих больше животных.

«Лось». «Олень». «Кабан». «Тигр». «Бурый медведь»…

Про медведя я кое-что знаю сам, без всякой там википедии. Про медведя мне рассказывал Крэкер — давно, еще до того, как его внесли в Черный список и он перестал шевелиться. Он рассказывал, что медведь был страшным лесным чудовищем, пожиравшим все на своем пути, раздиравшим длинными кривыми когтями живую плоть своих жертв. То был яростный и непредсказуемый зверь со смрадным дыханием, и только пчелы умели успокоить его: они угощали его сладким цветочным медом, и тогда медведь ненадолго смирял свой гнев. Когда чудище уставало, оно залезало под землю и временно переставало существовать — засыпало беспробудным сном на полгода, а потом возрождалось, выходило наружу и снова жаждало крови и меда.

Древние люди считали этого зверя лесным божеством. Само слово «медведь» на доглобальном, принятом в регионе ЕА-8 наречии означало «хозяин меда» и было не именем, а лишь почтительным его заменителем. Настоящее же имя бога вслух произносить запрещалось.

Об этой традиции Крэкер говорил с восхищением. Ему нравилась та непреодолимая, уважительная дистанция, которой люди старались отделить себя от безумного бога. «Не то что мы! Они не были частью чудовища, понимаешь?» — Крэкер бешено тер свои пятна. — «Они были отдельно. А бог — отдельно. И если он хотел их сожрать, они его убивали».

«Слон». «Жираф». «Верблюд». «Страус».

Мне нравится заброшенный зоопарк. Пустые, распахнутые настежь клетки, затянутые тиной пруды, сухие ветвистые деревья для лазанья, бурые валуны, сгнившие будки, заржавевшие кормушки, норы в окаменевшем песке — здесь все в состоянии странного полураспада, все как будто бы не вполне завершившееся, начавшее умирать и застывшее в удивлении. Здесь нет того запаха — густого запаха страха и ненависти, пропитавшего Фермы. Они здесь умерли быстро, плененные зверьки и древние боги. Они не успели по-настоящему испугаться, тем более — возненавидеть. Просто вечером люди

принесли им еду, и они съели ее, как обычно. А потом они заснули и не проснулись.

…Кстати, это идея. Я думаю о своем пленнике, которого снова оставил, запертого, удивленного, неразумного, в клетке для обезьян. «Ну что же ты, друг? Добей меня», — просил меня Эф. «Постой, так играть нечестно!» — хрипел он мне вслед. Малодушие.

«Добить» мешает мне малодушие, хотя это, конечно, просто и честно — добить. Хорошо бы из пистолета — у меня ведь есть его пистолет, но выстрел привлечет к зоопарку внимание… Тогда рукой или каким-то предметом? Один удар или два? Устричный глаз закроется или выпучится? А что за звук? Хруст или шмяк? Хрип или стон? Стон или крик?..

Так, может быть, отравить его? Хороший способ для малодушных… Опосредованный. Подсыпать яд в витакомплекс ну или не яд, откуда я возьму яд, просто скормить ему что-то сильно просроченное, в «Мегаполисе» такого полно… Нет, ерунда. Я мог бы просто уйти и не возвращаться, без лекарств и воды он перестал бы существовать за несколько дней, но я не готов сделать для него даже этого. Малодушие. Оно не позволяет мне временно лишить его жизни. Нет, я не только боюсь убить — в конце концов, что тут такого: убить кого-то вечно живущего? — я опасаюсь того, что будет после убийства. Они зафиксируют его паузу. Они закроют его ячейку. Что станет со мной? Нет. Нет. Я не могу лишиться его маски и его ячейки так скоро… Слишком удобно быть непроницаемым и зеркальным. Слишком удобно иметь доступ к закрытым файлам…

Поэтому я возвращаюсь. Раз в два-три дня возвращаюсь в клетку для обезьян, продлеваю его мучения. И оставляю его там одного.

Сегодня опять оставил.

Но ведь долго он не протянет… На что ты вообще рассчитываешь? *В который раз, как потревоженный муравейник, внутри меня расползается паника. Отравляет мне кровь кислотой ядовитых укусов. Ядовитых вопросов… О, у моей паники сотня тоненьких голосов, и каждый норовит первым пропищать свой вопрос, оставить свой комментарий. Моя паника — мое персональное социо,* и «выйти» из нее невозможно… *Или ты думаешь, что будешь держать его в клетке годами?* Не думаю. Планетарник сдает с каждым днем. Даже без моей помощи он скоро подохнет. То есть, простите, временно перестанет существовать. *Ну а если даже и не подохнет? Ты сам-то сколько продержишься, а, «пользователь социо эф»? Надолго вживешься в роль?* Не надолго. Нет, нет, не надолго. До первого медосмотра,

на который, кстати, меня уже мягко приглашал автодоктор. Через неделю он пригласит меня жестко. Я не приду, и тогда они придут ко мне сами, и снимут с меня мою зеркальную маску — далее затемнение; конец… *Так, может, тебе сбежать? Прямо сейчас?* Ага, выдрать из себя цереброн, бросить прямо здесь, в зоопарке, и сбежать куда-нибудь в глушь, далеко, я об этом много раз думал… Буду жить в лесу, собирать коренья и ягоды… *Будешь жить там совсем один?* Мне не привыкать к одиночеству. *Будешь просто выживать? Цепляться за свою жалкую жизнь?* Это нормальный инстинкт для такого, как я. Для смертного зверя. *Хорошо, а зимой? Когда ягод и кореньев не будет? Когда выпадет снег?* Поселюсь в одном из торговых центров. *А лекарства, еда, вода? Их нужно заказывать через социо, разве можно раздобыть их иначе?* В торговых центрах есть еда и одежда. *Но разве та еда не просроченная?* По большей части, но… *И разве торговые центры не снесут в ближайшее время?* Да, да, да. Еда там отравленная. Зима тут суровая. И торговые центры снесут. *Выходит, ты обречен?* Выходит, я обречен. *О чем же ты думал, когда убежал из Дома?* А я не думал. Я просто спасался, боялся оказаться в Спецкорпусе. Я просто хотел на волю. Это нормальный инстинкт для смертного зверя…

Но у тебя же должен быть план! Неужели у тебя не было плана?! У Крэкера был план для меня. Фантастический, вздорный план, составленный исправляемым, который несколько сотен лет безвылазно провел в Доме, который понятия не имел, как устроена первослойная жизнь. Он хотел, чтобы я сражался с его Чудовищем. Он хотел, чтобы я, как и он, принес себя в жертву. *А ты не хотел?* А я не хотел. Я ничего не имею против Живущего. Я не хочу угрожать Его гармонии и спокойствию. Наоборот, я мог бы даже Его защищать. Мне нравится Его защищать, я мог бы стать планетарником… *И приводить в зону Паузы стариков, которые называют тебя Спасителем?* Да, я бы приводил стариков. Я был бы частью Живущего… *Но ты не его часть. Ты не защитник, а враг, твой долг — совершить апоптоз, самоуничтожить— ся, чтобы организм остался здоровым. Я* не враг… *Ты чужеродная клетка!* Как знать. *Ого, так ты еще на что-то надеешься?* Я надеюсь, если повторить эксперимент Лео-Лота… *Не смеши. Ты про ту анонимку? Да это же просто спам…* «Не верь обману. Луч Лео-Лота мог светить в обе стороны, назад и вперед, и он явил твое великое будущее. Но у тебя отняли будущее, открытие уничтожили, а ученых заставили замолчать, лишь бы ты остался нулем. Лишь бы ты не стал тем, кем должен был стать во славу Живущего… Но я исправлю несправедливость». Подпись — «несогласный доброжелатель». Просто спам? Это письмо пришло

на третий день моей жизни под маской. Никто не знал, что я — это я. Никто не знал, а тот, кто отправил, знал… Просто спам? Я пробил этого «доброжелателя» по всем пээспэшным базам, но не смог установить ай-пи адрес… Так что это кто-то очень серьезный. Скажем так, всерьез несогласный.

И что теперь? Так и будешь ходить, светить зеркальным хлебалом? Предпочитаю быть непроницаемым и зеркальным, пока не выясню, *что* я на самом деле такое. *А если поймают?* Значит, такая моя судьба.

Значит, такая твоя судьба.

От зоопарка иду пешком. Через пустырь, на котором чернеют металлические остовы гигантского колеса, каруселей, качелей, покосившейся набок ракеты, маленьких нелепых вагончиков… Наивные развлечения древних. Тут они кувыркались до того, как Волшебные Парки Аттракционов — с чудесами, превращениями, полетами, битвами, с первоклассной сенсорной стимуляцией — запустили в глубоких слоях…

…Трое замотанных в инвизибл-тряпки детей предынтернатного возраста слоняются по пустырю: один лениво доламывает крошащиеся крылья ракеты, двое других безуспешно пытаются повернуть колесо. Они явно из роботрущоб, иначе бы сюда не ходили. У них либо физически нет доступа к тем слоям *социо,* где звенят и переливаются Волшебные Парки, либо доступ есть, но не хватает *социо-цеяет* на вход. Я понимаю, почему они приходят сюда.

Я сам сюда приходил. В детстве.

Для меня не существовало дороги к Волшебному Парку. Так что я отпрашивался у Ханны «к качелям»; она нехотя отпускала. Ей не нравилось, что рядом роботрущобы, но она жалела меня, обделенного. Она думала, я прихожу сюда покататься на каких-то ржавых огрызках. Но я не катался. Как и они, я приходил для того, чтобы что-то сломать.

…За пустырем начинаются роботрущобы; мой путь лежит через них. Здесь не опасно — Ханна зря волновалась, — роботы безобидны. Они почти не замечают меня, они и себя-то не замечают. Одни плотно, не по сезону, замотаны в рваные инвизибл-тряпки, другие сидят на пороге своих расползающихся картонных жилищ почти голышом; на многих женщинах — снятые с электронных уборщиц бикини. Из-за мусорной кучи доносятся хриплые крики:

— Да, богомол, да, богомол, да!…

— Шер-шень! Шер-шень!

— Да-вай! Да-вай! Да-вай!

— Яппп! Яппп!

— Вмажь ему! Да, богомол! Да, мальчик!

…Я ускоряю шаг, к горлу подкатывает тошнота. Как тогда, неделю назад, когда я рылся в памяти Эфа и наткнулся на папку «Насилие». С видеороликами: богомол против многоножки, богомол против жука— рогача…

…В первом слое роботов интересуют разве что тараканьи бега и бои насекомых. Ни на что другое у них не хватает ни памяти, ни внимания; роботы полностью поглощены тем немногим, что способны разглядеть во втором. С утра до вечера они копаются в своем *социо*-мусоре, выковыривая из него обрывки сериалов, кусочки второслойных стрелялок и квестов, дебильные чаты, недоинсталлированные обучающие программы. Словно аллергики, расчесывающие воспаленную плоть, раз за разом они пытаются *загрузить, сохранить в памяти, переустановить* и *добавить к списку*. Бесполезно. Их ячейки неполноценны: множественные ошибки инсталляции и системные сбои. Так что фрагменты серий упорно не складываются в последовательный сюжет. Квесты обрываются в самом начале пути. Чаты блокируются после пяти допущенных орфографических ошибок *(«Извините, приложение будет закрыто. Чтобы эта ошибка не повторялась, требуется переустановить программу „Веселые Буквы“)*. А программу «Веселые Буквы», равно как и «Веселые Цифры», роботам загрузить не под силу.

Прежде чем начнется загрузка, пожалуйста, введите цифры, которые вы видите перед собой. Это нужно, чтобы мы убедились, что вы не робот.

Им не хватает мозгов для того, чтобы ввести эти цифры. Они не могут. Поэтому их так называют.

…Из вороха нечистых коробок и тряпок прямо мне под ноги кидается человек. Ударяется лбом в носок моего ботинка, перекатывается на спину и так и лежит, глядя на меня снизу вверх гноящимися глазами и вяло шевеля пальцами рук, точно перевернутый жук-питомец. Машинально интересуюсь:

— Больно? — но тут же соображаю, что он меня вряд ли вообще замечает.

Я обхожу его по широкой дуге, чтобы случайно не задеть снова, но он вдруг бойко переворачивается на живот, вскакивает на четвереньки, семенит ко мне и крепко вцепляется рукой мне в штанину.

Ему лет тридцать, лицо кривое, несимметричное. Это лицо кажется мне смутно знакомым.

— Пожавуста, пожавуста, пожавуста, — лопочет он и

подергивает мою штанину, — Дяденька пванетайник! Не забийайте! — Он встает передо мной на колени. — Пожавуста!

Это «пожавуста»… Я вдруг его узнаю.

— Марк? Ты Марк?

Мой обработанный «болтуном» монотонный голос не пугает его. Он смотрится в меня, напряженно и вдумчиво, словно примеряя на себя это имя, потом серьезно кивает:

— Да, Маык.

В группе развития он тоже не выговаривал свое имя. Так и не научился…

…Им, роботам, никогда не добраться до режима *люксурия*. В грязи, в бреду, на земле или на полиэтиленово-картонном полу, не вылезая из-под обломков и крошева второго слоя, подчиняясь слепому инстинкту и не сознавая, что делают, они спариваются и в муках рожают детей.

Если детям везет и инсталляция проходит успешно, *социо*-служба направляет их в обычные интернаты. Но довольно часто им не везет. Ничего удивительного: в роботрущобах, при большой скученности и слабом здоровье жителей, мрут и спариваются почти постоянно; это место — словно уродливая пародия на Фестиваль Помощи… Так что роботы возрождаются роботами и остаются в трущобах. Если дети способны держать первый слой, они посещают группу естественного развития. Вроде той, что посещал я. И Марк.

Наша учительница говорила, что группа — это шанс вырваться из трущоб и сделаться полноценной частью Живущего. Она говорила: если удержать первый слой, можно освоить профессию, нужную и полезную. Например, стать ассенизатором, или мусорщиком, или пойти на заправку, или убирать на ферме навоз и свежевать туши. Марк хотел работать на ферме…

Только мало кому удается вырваться из трущоб. Трущобы затягивают. А первый слой становится бледным воспоминанием.

Впрочем, Марк удерживает первый слой не так уж и плохо.

— …Ну пожавуста! Не забийайте туда мою маму! Ну и что, что у нее день вождения, мама еще моводая! Ей не надо на фестиваль!

Я думаю, не отключить ли мне функцию записи на «болтуне», но нет, это вызовет в ПСП подозрения. Я и так целый час ничего не записывал там, в зоопарке. Так что я строго спрашиваю:

— Сколько ей лет?

— Не помню.

— Ее имя?

— Не помню, — Марк трясет головой. — Не помню. Она тоже не помнит.

Я пробиваю по базе сегодняшних принудительных в этом районе. Их пятеро, из них трое — женщины, но ни одна из них не является биологической матерью Марка.

— Не сегодня, — констатирую я. — Ее очередь не сегодня.

Марк улыбается, обнажая грязные зубы, и принимается странно подергивать головой — не то кланяется мне, не то пытается сотворить что-то в своем увечном втором слое. Я отворачиваюсь и иду прочь.

подождите, идет обработка беседы…

собеседник марк, возможно, проявил признаки извращенной привязанности к Родной

собеседник марк, возможно, страдает психическим расстройством.

сотрудник эф, вы хотите сообщить об этом в Психологическую Службу Помощи Населению?

да нет

внимание! ПСПН строго рекомендует гражданам сообщать обо всех случаях психологических отклонений

вы хотите сообщить об отклонении в Психологическую Службу Помощи Населению?

да нет

внимание! район роботрущоб считается психологически неблагополучным. Предоставленная вами информация может быть важна для статистики.

Вы хотите предоставить информацию?

да нет

внимание! лица с извращенной привязанностью к Родным зачастую принадлежат к радикальной группировке Семейственников. Данная группировка представляет угрозу для спокойствия и гармонии Живущего. Ваше бездействие нерационально. Как сотрудник ПСП вы обязаны отправить в ПСПН сигнал тревоги.

подождите… выполняется автоматическая отправка сигнала тревоги…

…выполнено

спасибо за вашу бдительность!

Я ухожу уже достаточно далеко, когда Марк окликает меня.

— Как зовут? — кричит он. — Как зовут мою маму? Маык хочет вспомнить!

Я смотрю в базе. Это все, что я теперь могу для него сделать. В течение трех часов к нему приедет бригада из Психологический Службы.

— Твою мать зовут Роза, — говорю я. — Красивое имя.

Иду дальше, стараясь не думать о Марке, о том, что я с ним только что сотворил.

…В самом центре трущоб обнаженный робот лет сорока с безмятежным лицом и, как ни странно, без малейших признаков вырождения, сидит посреди дороги в позе лотоса. Он худой и весь какой-то суставчатый, как богомол. Его глаза широко раскрыты. Мне почему-то вспоминается Крэкер.

Неожиданно для себя самого я наклоняюсь над ним и громко хлопаю в ладоши в какой-нибудь паре сантиметров от его лица. Он не моргает. Ни малейшего движения лицевых мышц…

…Говорят, кроме роботов, в трущобах также обитают утопленники. Это ныряльщики, гении *социо,* добравшиеся до самого глубокого, двенадцатого, слоя и добровольно — или же не выдержав перегрузок — оставшиеся на глубине. Говорят, в этом случае все поверхностные слои утопленника разрушаются. Так что утопленника не отличишь от обычного робота… Так говорят. Это всего лишь слухи. Легенда, которую невозможно проверить. Никто не знает, существует ли двенадцатый слой и существуют ли сами утопленники. Ведь, кроме них, никто не опускается так глубоко.

Ну, разве что члены Совета Восьми.

Или, может быть, Крэкер.

Мой друг Крэкер, лучший в мире ныряльщик.

Зеро

Во второй раз это был энтомолог.

Прошло уже полгода с тех пор, как Лис привел меня в Спецкорпус к неподвижному телу Крэкера и сам там чуть не загнулся. Мне тогда пришлось подняться к охраннику, чтобы тот вызвал врача; Лисенка с трудом откачали. Очнувшись, он не смог объяснить, как и зачем оказался на этаже черносписочников. Он удивленно и злобно таращился на меня и облизывал грязные губы. Камеры наблюдения тоже не помогли: спонтанный сбой записи. Единственный свидетель, охранник, подтвердил, что Лис пришел добровольно и очень настаивал на визите к «больному другу». Ему поставили диагноз «переутомление». Его песенка на фрик-тьюбе стала хитом.

Здоровье его скоро наладилось, и лишь однажды, спустя месяц после инцидента в Спецкорпусе, с Лисенком случился еще один маленький приступ. Его нашли без сознания на Доступной Террасе.

А я в тот же день тоже нашел кое-что там, на террасе. В коробке с бумажным мусором — я просил всех кидать туда ненужную целлюлозу: обертки, использованные салфетки, фантики или неудачные черновики писем для «Ренессанса» — на корм для термита…. Вечером того дня, когда Лисенок хлопнулся в обморок, я выудил из коробки сложенный втрое листок с двумя кособокими, неровными, полными трясущихся неуверенных линий рисунками. Под одним содрогающимся почерком человека, у которого не инсталлированы «Веселые пальчики», было выведено карандашом: «схемакакизвлечьцеребронизболтун». Под вторым: «схемакакустановитьцеребронназеро».

Я испугался. Я злился на Крэкера. Я его ненавидел. Бешеный риск. Подвергать риску меня. Подвергать Лисенка. Я обливался густым, как прогоркшее масло, и теплым потом, таким пахучим, что мне казалось: меня поймают, разоблачат и посадят в Спецкорпус, не разбираясь. Из— за одного только этого запаха любопытства и страха.

Я решил, что немедленно, сию же минуту скормлю рисунки термиту. Вместо этого я засунул их себе под одежду. Потом вернул обратно в коробку.

Коробка с бумажным кормом — типичный тайник в духе Крэкера: «прячь у всех на виду». Это было опасно и все же куда безопаснее, чем носить рисунки с собой.

Меня не поймали. То ли камера наблюдения в тот день опять «дала сбой», то ли лисьи каракули не показались

подозрительными тому, кто обрабатывал данные.

…Прошло полгода с тех пор, как Лис привел меня к неподвижному Крэкеру. За эти полгода Лис так ничего не вспомнил. За эти полгода я ни разу не приходил в Спецкорпус навестить Крэкера. За эти полгода я запомнил в мельчайших деталях обе корявые схемы и скормил рисунок термиту.

Прошло полгода, и ко мне подошел энтомолог:

— Смерти нет. Друг. Надо поговорить. Иди за ним. Молча.

Энтомолог оказался куда более выносливым медиумом, чем Лисенок, и более одаренным: он озвучивал для меня Крэкера целый час, иногда даже с выражением и жестикуляцией, но в обморок не упал — разве что слегка побледнел и то и дело пытался зевнуть, — и ушел с этажа черносписочников самостоятельно. Он, правда, оказался и не таким по— норным, как Лис. В середине «сеанса» даже умудрился вытолкнуть из себя Крэкера, но ненадолго, он только успел спросить «Что такое?..» и снова провалился в беспамятство.

— Его ячейка сопротивляется, — процедил энтомолог, ткнув себя пальцем в лоб. — Хорошая система защиты. Но все равно с ним приятно работать. У него больше функций, чем у этого дебила Лисенка. Много слоев. Много возможностей. Я заставлю его помогать.

Словно не соглашаясь с озвученным, энтомолог презрительно скривил губы. В его глазах была скука. Он широко и криво распахнул рот и попытался зевнуть, но не смог.

Сын Мясника смотрел на нас из своей камеры недобро и пристально. Он больше не сосал соску, не падал, не щурился на свет и не плакал. Он наблюдал. Его лицо было толстощеким и гладким, а глаза очень старыми.

В тот раз, под исправительным светом, под внимательным взглядом Сына, бескровными губами энтомолога, его перекошенным ртом, мой друг Крэкер изложил мне свой план.

План моего побега.

В тот раз, дослушав его до конца, я сказал:

— Крэкер. Ты совсем сумасшедший.

— Я гений, — ответил мне энтомолог и подавился зевком. — Я сотворю это чудо.

Он засмеялся, немного сипло, но в целом правдоподобно:

— Они увидят огонь.

Клео

…Она, конечно, не виновата. Ее заставили. Ее такой сделали. И все же это — предательство. *Собака* создана, чтобы меня любить, развлекать и быть преданной. А не шпионить за мной. Да еще так лицемерно. Так подло.

Я заставляю себя на нее посмотреть — и она тут же переходит в режим *игры.* Находит мяч и носится с ним по ячейке, но только для виду.

Она ведь даже не смотрит на мяч. Только на меня. Такими преданными глазами. Следит.

Я посылаю ей команду *ко мне,* и она тут же кидается к моим ногам. Садится и весело оттопыривает одно ухо. И ждет поощрения. Всплывающее окошко собаковода предлагает мне выбрать *награду:* «косточка», «игрушка-пищалка», «сыр» или «сосиска». Я отменяю *награду.* Захожу в меню *наказание.* И выбираю *ударить собаку.*

Она скулит и смотрит на меня удивленно. Прижимает к голове уши и продолжает сидеть.

Всплывает окошко с красным восклицательным знаком:

'Внимание собаковода! Вы выбрали неправильную форму воздействия на **собака. Собака** выполнила вашу команду **ко мне!** и заслужила поощрение. **Собака** ничего не нарушила и не заслужила наказание, Сейчас вам следует поощрить **собака,** «Косточка», «игрушка-пищалка», «сыр» или «сосиска»? Подсказка: ваша собака предпочитает награду «сосиска»!

Я бью ее снова.

неверно

И еще раз.

неверно

Собака понуро уходит на свое *место* и закрывает глаза.

!Внимание! Вы совершили 3 (три) грубые ошибки в дрессировке. Ваш рейтинг дрессировщика понизился на 6 (шесть) баллов. Сейчас ваша **собака** подавлена и расстроена. Если подобные ошибки будут повторяться, ваша **собака** станет вас бояться!

Я почти сразу начинаю жалеть, что побила *собаку.* Дело не в баллах. Совсем не в баллах. Она ведь не виновата. Виноват Эф, этот упертый подонок в маске. «Недовольна своей работой». «Преступный характер». Ради всего живого, в чем он видит тут преступление?!

Да, *я не согласна.* Можно и так сказать. Не согласна с тем, что такие уроды, как он, ограниченные, безликие, лишенные фантазии, — вот такие, как он, решают, что ВЫДАЮЩЕГОСЯ ученого можно унизить и смешать с грязью из-за единственной за всю его практику крупной ошибки. Такие, как он, лишают меня моего предназначения — а вовсе не воля Живущего.

Да, я ученый. Да, да, да, я занимаюсь наукой. Так было всегда. У меня на счету десятки открытий, сотни статей, тысячи лабораторных исследований! Как я могу теперь быть кем-то другим, если в «Ренессансе» вся моя банковская ячейка забита отчетами, формулами, иллюстрациями с мышами в разрезе, сомнительными гипотезами и блестящими теориями, пометками на полях, советами и подсказками, вопросами и ответами, и всеми этими «не забудь», «учти», «попробуй понять», «проверь при случае», «не подведи», «продолжай». Кем еще мне быть, если несколько сотен лет я готовил(а) себя только к этому?..

Я знаю, я давно уже знала: что-то было нечисто с нашим экспериментом. С его результатами.

Ведь странно. Столько месяцев подготовки. Двое блестящих специалистов. Удачные опыты с термитами Heterotermes indicola: последовательное погружение на глубину до 26 воспроизведений! И что — пшик? Неудача — и все тут? Мне что-то не верится… Ну хорошо. Ну допустим. О'кей. Эксперимент провалился. Но почему «вредоносный»? Почему «запрещен к повтору», если результат нулевой?… Разве не логичнее продолжить исследования в этой области?

Нечисто, нет. Наверняка мы что-то увидели. Что-то… плохое. Настолько плохое, что разработки по эксперименту были полностью уничтожены.

…Настолько плохое, что мы с Лотом якобы все уничтожили сами.

…Настолько плохое, что луч Лео-Лота был запрещен указом Совета Восьми (а значит, мы все же успели отправить результаты «наверх» — и там, наверху, они показались кому-то опасными).

…Настолько плохое, что почти сразу после эксперимента коллега Лот в первом слое помещается в Клинику Нервных Расстройств, а в *социо* становится подзамочным.

…Настолько плохое, что я через день после эксперимента временно перестаю существовать по причинам, туманно обозначенным в патоло— гоанатомическом заключении как «отравление»; каким веществом, при каких обстоятельствах — об этом ни слова (несчастный случай или, скорее, убийство?).

…Настолько плохое, что мне в новом воспроизведении *строго не рекомендуют* продолжать научную деятельность.

Так что же это — «настолько плохое»?

Никаких записей, нелепая, скомканная, такая непохожая на меня пауза; всегда педантичный, логичный и аккуратный, я вдруг ныряю во Тьму, не оставляя себе на будущее никакого намека, зацепки, ключа к тому, что случилось… И выныриваю в полном неведении, да к тому же еще и женщиной. Зато — как женщина — я могу ненадолго плюнуть на логику и довериться интуиции. Поставить вопрос немного иначе. Изменить «что» на «кто».

Кто из пяти подопытных таил в себе *настолько плохое?*

Ответ очевиден. Зеро. Человек без инкода. Мы что-то увидели, осветив тогда своим лучиком его кромешную тьму. Что-то такое, по сравнению с чем худшее из зверств Сына Мясника — безобидная шалость.

Что-то такое, во что я не захотел(а) посвятить даже себя.

Что-то такое, что лишило Лота рассудка и памяти.

(Вы сегодня ни разу не покормили собака!)

Собака смотрит на меня, тяжело и печально, со своего *места.* Я выдаю ей двойную порцию *влажного корма.* Не морить же ее теперь голодом. В конце концов, она ведь и правда не виновата, что в ней этот жучок. Она, наверное, о нем даже понятия не имеет. Просто ее интересует все, что со мной связано, для нее это совершенно естественно, она такой родилась. Она не знает, что своим любопытством меня предает…

(Собака не хочет есть влажный корм)

…Или все-таки знает?

Я удаляю из ее миски *влажный корм* и выдаю ей *сухой.*

Вспоминаю, как она скулила и даже рычала в тот вечер, когда я отказалась взять ее с собой к Лоту. Не хотела оставаться в ячейке одна, без меня? Или ее раздражало, что она не сможет за мной шпионить?

…В тот вечер я несколько часов кряду безрезультатно к нему стучалась. Лот впустил меня ближе к ночи, отшутившись: «Набирался ума». Ко мне он приходил на нейтральной настройке *тень,* теперь же выбрал себе юзерпик. Он выглядел молодым и одет был в точности так же, как на нашей с ним фотке тридцатилетней давности (той, где он зажмурил один глаз, а я — с уродливой жидкой бородкой). А вот голос его звучал, как и днем, глухо и дрябло. На шестьдесят. На его настоящие шестьдесят.

Помещение ячейки было обставлено наскоро, без фантазии и гармонии; просто груды беспорядочных программ и настроек и повсюду — открытые файлы и папки, как распахнутые чемоданы в придорожном отеле. Его ячейка и в самом деле напоминала захламленный гостиничный номер, где каждый день меняется постоялец, а вместе с ним и весь его хлам — остаются лишь голые стены; нулевой интерфейс.

В самом центре ячейки громоздилась огромная шахматная доска — тяжелый, бессмысленный, занимающий кучу места и памяти объект, который, однако же, едва ли не единственный из всей обстановки был не просто скачан с изначальными схематичными настройками, но как-то усовершенствован. Очевидно, в течение дня Лот многократно видоизменял свои *чудо-шахматы* — пока не соорудил настоящее поле брани, с миниатюрными, разбитыми на квадраты лесами и реками, степями и взгорьями, со взмыленными конями и рыцарями в плащах и доспехах, с бегущими в атаку солдатами, с королями, королевскими женами, королевскими замками, садами и свитами…

Когда я вошла, всадник в черном плаще на E5 что-то хрипло прокричал, обнажил меч, пришпорил коня и ринулся на G6 — туда, где дремала белоснежная лошадь, склонив голову над водой. Услышав звук копыт, она встрепенулась, коротко заржала и дико завращала глазами. Наездник в белом плаще потрепал ее по загривку, нагнулся к дрожащему уху и стал нашептывать что-то нежно-убаюкивающее на древнем, полном шипения и тоски языке. Лошадь покорно прикрыла испуганные глаза, и черный всадник вонзил свой меч в ее белую грудь. Кровь выплеснулась из раны высоким клоунским фонтаном, забрызгала траву и лицо убийцы в черном плаще. Белая лошадь тяжело рухнула в мутный квадрат реки, утянув за собой белого седока, молитвенно сложившего руки. Из илистой глубины скорбно всплыло окно с сообщением: *черный конь-e5 * белый конь-g6.* — Ты за кого? — спросила я.

лот: за белых, прекрасная все-таки игра шахматы, весь день тренируюсь © начал с уровня «новичок», а теперь вот играю с мастером! ты ведь любишь шахматы?

клео: до паузы было увлечение, но сейчас нет. пустая трата времени *лот:* ну не скажи, развивает логическое мышление и память, как раз то, что мне нужно, в последний день моей жизни

клео: лот, твоя жизнь не кончается!! завтра у тебя просто пауза! неужели тебе так и не объяснили?!

лот: объяснили, конечно, мне все объяснили… таких как я, инвалидов, даже не отводят на фестиваль, делают все прямо

здесь, в клинике, они говорят, это будет «милосердная пауза». *клео:* супер! это самая мягкая пауза, во сне.

лот: я рад.

к *лео:* ты что-нибудь вспомнил об эксперименте?

белый слон на д5 черный слон на е7

лот: боюсь, ничего действительно ценного… ничего сверх того, что тебе и так уже…

?следующий ход белых?

Лот рассеянно умолк, увлеченный происходящим на *поле.* Там приземистый человек в белом мундире с садистским упоением кромсал вражеского солдатика, совсем еще мальчишку, штыком. Раз за разом он вонзал ему этот штык в живот — но каждый раз не до конца и каждый раз не в то же самое место, а рядом. Солдатик корчился и после каждого тычка тихо хрипел «добей, добей меня…». Вероятно, Лот сомневался, правильный ли он избрал ход, поэтому и тянул время.

лот: разве что… я помню, что чувствовал, когда мы увидели результат…

клео: так результат был??

лот: разумеется. Так вот, ощущение…

игрок лот, вы должны сделать ход в течение 20…19…18…

лот:…не страх, а нечто большее, горе, что ли? да, пожалуй, что-то вроде непоправимого горя. Такого огромного, что я не мог его в себе уместить, еще я помню, что мне отчаянно хотелось забвения, забыть, стереть, исторгнуть из себя то, что я там увидел…

…15… 14… 13 секунд…

Он наконец добил черную пешку-солдатика. На месте трупа вырос надгробный холмик с надписью: g*h5, и тут же выскочило, заслонив собой половину ***поля,*** окно:

игрок лот, противник предупреждает вас об ошибке: ваш ход позволит противнику поставить вам мат в три хода противник позволяет вам переиграть предыдущий ход хотите переиграть? да нет

Лот отказался переигрывать ход.

хотите сдаться? да нет

Лот сдался.

Убитые кони, всадники и пехотинцы воскресли и, тихо бренча оружием, побрели к изначальным позициям. Порушенные башенки вспрыгнули на места. На крепостных стенах затянулись прорехи.

сыграем еще? да нет

Фигуры исчезли. Остались поля, холмы и тихие заводи….

клео: у тебя была в целом неплохая позиция… почему отказался переигрывать ход?

лот: не люблю, когда он ведет себя снисходительно

клео: кто он? с кем ты играл??

Лот взглянул на меня своими беззаботными глазами, прищуренными на несуществующее, тридцатилетней давности, солнце.

лот: я играл с лео.

клео: со мной???

лот: с лео. нашел в чудо-шахматах опцию «игра с призраком», очень просто: можно выбрать любого офф-лайн игрока — главное, чтобы не меньше ста его партий были сохранены в *социо,* — и его «вызвать». Его тактика будет выстраиваться по сумме сыгранных ранее партий… Я вызвал Лео. Потрясающе! Полная иллюзия он-лайна. Этот призрак — он играет совсем как Лео, и дело не только в его ходах. Дело в том, как он держится…

клео: лот!

лот: так же высокомерно и снисходительно…

клео: лот, дружище, зачем же так

лот: он «позволяет мне» переиграть ход — как это похоже на тебя, Лео!..

Лот возбужденно заметался в своей ячейке, бессмысленно тычась в какие-то файлы, открывая и копируя безымянные документы, загружая и удаляя социо-обновления… Он все щурился на то далекое солнце и говорил, что устал от подачек Лео. От благородства Лео. От презрения Лео.

А я просила его: успокойся. Я говорила: нет, ты все перепутал.

Я говорила: это просто из-за болезни, из-за твоей ужасной болезни, тебе кажется, что ты вспоминаешь, но это ложная память, ошибочные воспоминания.

Я говорила: мы всегда с тобой были друзьями. Говорила: какое еще презрение, какие подачки, у меня есть мои письма из «Ренессанса». Мои письма, я их читала, и ты упоминаешься часто,

и там о тебе ни единого дурного слова…

А он отвечал: как это похоже на Лео. Как достойно. Как благородно. Никаких дурных слов.

Он сказал, что всегда был в его тени, в тени мастера Лео. Мастер придумывал — а он лишь поддакивал и помогал воплощать…

клео: бред! как ты можешь так говорить, ты ведь даже НЕ ПОМНИШЬ!!

лот: уже почти полночь, а я весь день загружал свою память, теперь я многое помню! свою зависть, свою обиду…

клео: может быть, лучше вспомнишь формулу той инъекции?

лот: © © ©

клео: что смешного?!

лот: и правда, это скорее грустно © я не вспомню формулу, потому что я никогда и не знал ее в первом слое. Полагаю, формулу изобрел Лео…

клео: а результат? то, что ты видел, — это ты можешь вспомнить???

лот: не могу, пока не могу, не хватает памяти, но я слишком хорошо вспомнил то жуткое чувство *непоправимого*…

00.00

напоминание социо: сегодня у пользователя лот день рождения, помогите ему праздновать!

хотите подарить пользователю лот праздничный торт? да нет

хотите зажечь 60 именинных свечей? да нет

Я выбрала первый попавшийся торт — шоколадный с клубничным кремом и второпях забыла отрегулировать яркость свечей. Они врубились на максимуме, залив ячейку ядовитым сиянием.

— Это Зеро? — спросила я. — В нем было непоправимое? Ну, вспоминай!!

лот: красивый торт, спасибо…

Он щурился на именинные свечи; из-за их света его кожа казалась бледной, как яйцо муравья.

клео: вспоминай!!

лот: возможно… наверное, в нем… я точно не помню, но я помню, что *это* было угрозой для всех… смертельной угрозой… лео!

клео:?

лот: мне страшно, лео. мне кажется, я сейчас вспомню… мне нужно заснуть… я хочу спать, спать

клео: подожди!! Лот медленно задул свечи.

пользователь лот перешел в спящий режим
как обычно, это не помешает вашему общению в социо
пожелать пользователю лот хороших снов?

клео: зачем ты заснул???
лот: чтобы не вспоминать
клео: трус!
лот: ты прав, лео. я трус, знаешь, эта моя болезнь — мне кажется, я *создал* ее сам. не знаю, не помню как — но я сделал это с собой тогда, чтобы забыть, я трус, да. я убил свою память, тебе же хватило смелости убить себя целиком… тогда, после… что-то я сбился с мысли… ты всегда был… ты был… о чем мы только что говорили?…

[пользователь лот включил режим удалить все]

…Сначала у него исчезло лицо. Озорное, сощуренное, молодое лицо — на секунду застыло, а потом словно бы осыпалось искрящейся пылью; вслед за лицом распались в труху фигура, одежда… Ненадолго под этой трухой обнажился другой юзерпик — примитивная анимэ-рожица, вероятно, из более ранних настроек, но и она очень скоро исчезла, оставив после себя просто *тень*.

Потом стала изменяться ячейка. Усохли до простого черно-белого поля, а потом и вовсе исчезли его *чудо-шахматы.* Бледнели и таяли фотоальбомы, дневники, книги и папки…

данная ячейка устарела
вам следует немедленно покинуть ячейку лот

Я стояла у *выхода* и смотрела, как дремлющий демон пожирал все, что Лот *создал* за день. Как оголялась его ячейка, превращаясь в стандартный инвизибл-кокон.

внимание! пользователь лот удалил всех своих друзей навсегда вы больше не являетесь другом пользователя лот, вам присвоен временный статус гостя
вам следует немедленно покинуть ячейку

лот: *останься,* гость!
Его *тень* метнулась ко мне, пытаясь преградить выход.
лот: пожалуйста! не оставляй меня одного!
гость: нужно идти

лот: мне больно! тут кто-то еще…
гость: ты спишь
лот: какой-то питомец укусил меня в шею…
гость: ты спишь, тебе снится сон. попробуй изменить позу
лот: не могу… мне трудно дышать…

[немедленно покиньте ячейку]

гость: мне правда пора, смерти нет!

Я успела сказать «смерти нет», но не успела выйти наружу. Я осталась.

Я видела, как его *тень* скрючилась и разорвалась на две части. И как они, эти части, поползли в разные стороны, точно половинки дождевого червя.

Я ощущала, как пульсирует и сокращается кокон его ячейки, — сжимаясь и разжимаясь вокруг меня с тихим свистом, словно проткнутое легкое.

[внимание! производится милосердная пауза]
[ячейка лот будет заблокирована]
[ваше присутствие в ячейке лот может нанести вред вашему здоровью]

Я слышала, как он хрипел, — не здесь, а *там,* в первом слое.

Потом все застыло — на полухрипе, на полувдохе, — и кокон стал сухим и безмолвным.

Я ползла во тьме. У меня не было рта и глаз…

[ячейка лот заблокирована]
[ошибка k4u85ri789]
[вы будете принудительно отключены от *социо]*
[если данная ошибка будет повторяться…]

Я ползла во тьме. Я сама была тьмой. Я пахла неживыми питомцами.

Безликий

— А-а-ай, позолоти-ка ячеечку, начальничек-планетарничек!..

Задастая тетка, похожая на ожившую и постаревшую чудо-уборщицу, ползет ко мне на четвереньках, волоча одну ногу. На ней бикини, из чашечки бюстгальтера высовывается набухший бурый сосок, на шее ка— кие-то блестящие побрякушки из «Мегаполиса», черно-седые волосы перетянуты красной лентой.

— …А-а-ай погадаю, не прогадаешь, что было, что есть, что будет, узнаешь… — У нее хриплый, с подвыванием, голос, а изо рта жутко разит перебродившей туалетной водой; так когда-то пахло от предпауз— ника Матвея. — …до паузы вижу, после паузы вижу, все скажу, не обижу… А также снимаю порчу и выправляю дефекты… — она протяжно рыгает, — инвектора.

— Нарушаем? — дежурно рявкаю я. — Жульничаем?

— Не вру, ворожу, всю правду скажу…

Трущобные ведьмы. Обычно я вижу их только мельком: гадалки и ворожеи, естественно, сторонятся меня, человека в зеркальной маске. Но эта настолько нагла и пьяна, что сама пристает к сотруднику ПСП.

— …Всю правду скажу, тебе услужу…

внимание! устройство для ведения бесед зафиксировало речевую деятельность субъекта, который может быть ведьма

ваш собеседник является ведьма?

да нет

вы хотите сообщить о нарушении?

да *нет*

…Их деятельность считается незаконной, но, впрочем, простительной. Это за бои с участием богомолов, жуков-рогачей, многоножек, скорпионов и шершней можно схлопотать паузу с последующим исправлением. А ведьм обычно не наказывают так строго. Ну разве что иногда, для острастки. В принципе они безобидны, никому не вредят.

По большей части к ним ходят свои же — роботы из трущоб. Те, у кого нет других развлечений, нет перспектив. Ведьмы дают им то и другое — десять минут волнения и романтики, и надежду на будущее. На то, что после паузы они будут смотреть сериал «Фестивальные страсти», рубиться в смертинетники и жить в хрустальных домах. За такое не жалко отдать немного социо-

денег, Перевести гадалке на *социо*-счет месячное пособие по инвалидности…

Но порой к ведьмам приходят клиенты из благополучных районов. Приходят наивные девочки, мечтающие стать «голосом» «Фестивальных страстей», исполнив песню под титры. Приходят безобразные женщины, рассчитывающие приворожить племенных фестивальных самцов. Приходят престарелые неудачники, от паузы к паузе влачащие пустую и скучную жизнь, мечтающие, чтобы их напоследок утешили чепухой о грядущем «повороте инвектора». Приходят любопытствующие. И искатели приключений. И просто доверчивые.

— …что было, что есть и что будет! процедура стерильна! гадаю в контактных перчатках!..

— А ну пшла. И чтоб больше не нарушала, — гундошу я через «болтуна», потом ставлю его на паузу и спрашиваю: — Сколько берешь?

— Всего десять уников! Недорого…

И правда недорого.

Она манит меня пальцем и уползает куда-то за груду ящиков, волоча ногу.

— Садись, — указывает на нечистое одеяло, разложенное на земле.

Сажусь.

— Деньги вперед.

Она называет мне номер, и я перекидываю на ее *социо*-счет десять уников.

Ведьма садится напротив, шарит рукой под одеялом и вытаскивает початую упаковку контактных перчаток, явно уже не раз использованных; натягивает на руки.

— Снимай маску, — вместе со словами из ее рта сочится могильный запах гниющих цветов.

— Нет.

Ведьма смотрит на меня долгим, совершенно бессмысленным взглядом, потом кивает:

— Что ты хочешь узнать?

— Что было до паузы. И что будет после.

— Клиенты редко интересуются тем, что было. Ты что, не оставил себе памятного письма в «Ренессансе»?

— Для гадалки ты задаешь слишком много вопросов. Давай делай свою работу. Или возвращай деньги.

Обиженно сопя, она тянется ко мне рукой в контактной перчатке. От перчатки пахнет сыростью и землей.

— Погадаю, не прогадаешь, все, что было, узнаешь… Я буду считать до трех… Раз, два…

Она прикладывает указательный палец к моему зеркальному лбу — примерно в том месте, где у всех нормальных людей расположен *социо-* слот, — и замирает, выпучив глаза, как креветка.

внимание! возможно, система подвергается угрозе

— Так, еще раз… Я что-то не вижу твоего прошлого…

…ошибка протокола 067_3605…

— …Ты расслабься, планетарничек, не зажимайся… Тут важно расслабиться, — она торопливо лапает мой лоб в разных местах. — Давай я тебе песню спою…. Спит косуля, спит баран, у-у-у… Спит овца и спит варан, у-у-у…

если эта ошибка будет повторяться, приложение будет закрыто…

— …Снится темная вода, у-у-у… Снится горькая беда, у-у-у… Вот так, хорошо, сейчас я посчитаю до трех… На счет «три» мы с тобой все-все узнаем… Раз, два… три! Ну вот, я вижу… У тебя нет прошлого. И нет настоящего. Эй, да ты вообще не живешь….

Ведьма резко отдергивает руку и трясет ею в воздухе, словно обжегшись о мою маску.

— Кто он?! — взвизгивает она мне в лицо, потом неестественно выворачивает шею и кричит в пустоту позади себя: — Он не планетарник! Его не было, его нет! Кто он такой?…

Эта ведьма совсем не в себе. Зря я пошел за ней…

— …Убери руки! Отпусти меня, сволочь!

Она принимается дергаться и метаться по одеялу, отбиваясь от невидимых бесов. Потом срывает с себя бюстгальтер, вскрикивает и валится на спину. Тоненько и тихо скулит:

— Он — тот, кого мы ждем. Тот, кого мы ждем. Тот, кого мы жде-е-ем…

Я хочу, я очень хотел бы встать и уйти, но почему-то не чувствую

ног.

Я ползу, медленно ползу на руках, волоча по грязному одеялу онемевшие ноги.

вероятно, вы пытаетесь сделать что-то не совсем верное

Гадалка хрипло, булькающе вздыхает, точно втягивает в легкие воду, и говорит:

— Он воскрес.

…вы хотите выйти из спящего режима?

да нет

эф: какого черта я в спящем режиме?!

некорректный запрос…

Я умер и воскрес, повинуясь четкому плану.

Чудо

Автописьмо

Я умер и воскрес, повинуясь четкому плану. Повинуясь моему другу Крэкеру.

Он сотворил для меня это чудо — и чудо обошлось ему дорого. Но он сумел. Он заставил их увидеть огонь. И исправляемых, и сотрудников, даже Эфа — всех домочадцев.

Всех, кроме меня. Я был единственным, кто не мог наблюдать за собственной постановочной смертью.

В условленный час я спустился на Доступную Террасу, оставив на кровати открытым на последней странице «дневник самоубийцы». Я подумал еще, что это опасно и глупо, что у Крэкера ничего не получится, а вот дневник мой, пока меня нету в спальне, найдут, и тогда уж мне точно не избежать одиночки в Спецкорпусе…

…У него получилось. Он заблокировал у них у всех первый слой, подменив его фантомом, правдоподобной галлюцинацией из второго.

Пока они стояли, незряче уставившись в пол, разевая рты, давясь и постанывая, будто пытались крикнуть во сне, пока они смотрели десятиминутный ролик о том, как меня поглощает адское пламя на Доступной Террасе, я действовал по инструкции Крэкера, не рассуждая и не задумываясь, четко, как робот. Нанес удар в лобную кость, аккуратно по центру лопаточкой для рыхления песка, такая висела рядом с каждым террариумом пустынных питомцев. Стянул с Эфа маску. Раскрыл его «болтуна». Нашел внутри цереброн — он отличался от той кривой за—каляки, которую изобразил Лис на схеме, но все же был узнаваем, — и извлек две церебральные линзы. Они были маленькие, теплые, скользкие, как кусочки издохшей на солнце медузы. Одну я вставил в левый глаз, а другую — в правый, как было на схеме… Они ослепили меня, оглушили — и я провалился. В гудящую, стоголосую, мерцающую, пузырящуюся, как кипящее масло в котле, глубину.

Там, в глубине, точно притаившийся паук в паутине, сидел мой друг Крэкер. У него было четыре руки и четыре ноги, и этими своими четырьмя тонкими, суставчатыми руками он подхватил меня, хрипящего, тонущего, прижал к груди и крикнул:

крэкер: дыши! следи за дыханием, иначе не сможешь удержать первый слой

Когда я снова научился дышать, он отпустил меня, уселся на корточки, согнув в коленях все свои четыре ноги, и сказал:

крэкер: добро пожаловать в ад

Он показал мне ячейку Эфа — мою ячейку. Он объяснил, как удержать первый слой, ставший тихим и призрачным, словно мир, на который смотрит утопленник из-под мутной воды.

крэкер: как бы глубоко ты ни уходил, не упускай из виду поверхность. не забывай — здесь, внутри — УТРОБА Чудовища, там, снаружи — все, что кроме Него

Он научил меня говорить в глубине, и я сказал:

эф: не бросай меня

крэкер: тогда ты должен меня зафрендитъ) Он был со мной, сколько смог. Почти что десять минут. Страшно представить, сколько сил он потратил, поддерживая в каждом из домочадцев иллюзию присутствия при моей гибели и оставаясь неотлучно при мне, вернее, во мне. Помогая, поддерживая, руководя всеми действиями, оберегая меня, словно безмозглую, неповоротливую королеву, которую необходимо спасти из осажденного врагами термитника.

…Когда я натянул на себя кисло вонявшую кровью зеркальную маску, когда я *на самом деле* поджег термитный отсек и в глазах очарованных домочадцев забились красными мотыльками отражения пламени, когда шатавшийся, бледный, с остекленевшим взглядом Самсон, водитель продуктового фургона (*мой человек,* — деловито пояснил при его появлении Крэкер), стал выволакивать бесчувственного Эфа с террасы, Крэкер сказал: *тебе пора уходить*

Я взял контейнер со своим рабочим термитом и пошел вслед за Самсоном, едва различая в дыму и без того помутневшие контуры первого слоя. Друзья Эфа скреблись в моей голове, память Эфа набухла в моем мозгу спелой гроздью файлов и папок. В первом слое я видел себя словно со стороны: человек в планетарной маске, сотрудник Службы Порядка. Кажется, тогда я и начал играть в эту игру: думать о себе в третьем лице. Мне нравилось называть себя Эфом.

…Термит прижался к стенке контейнера, как к окну. Почти всю дорогу, пока мы ехали к старому зоопарку, после каждого поворота он переползал по стенке контейнера в точку, максимально близкую к его бывшему дому. К нашему с ним бывшему дому. Потом он вдруг потерял интерес к поворотам, как будто сломался его невидимый встроенный компас, медленно сполз на дно и перестал шевелиться. Я подумал: наверное, его замок как раз догорел… Я встряхнул контейнер с маленьким скрюченным тельцем — оно бестолково повиновалось, перекатившись туда-сюда.

мой термит умер, — сказал я Крэкеру и только тогда

обнаружил, что Крэкера больше не видно.

ваш друг крэкер больше не находится в социо

Он вышел из *социо,* не сказав «смерти нет». Ускользнул бесшумно, как вор.

Мы так и не попрощались. Я даже не сказал ему «спасибо» за чудо. Я больше не видел его — ни в первом слое, ни в *социо.* Я больше его не увижу. Мой друг Крэкер покинул меня навсегда, но там, в фургоне, увозившем меня в новую жизнь, я еще об этом не знал. Мой друг погибал — а я оплакивал термита, не друга…

А ведь мог бы и догадаться. По тому, как поменялось поведение «его человека», водителя фургона. Самсон явно пытался выйти из подчинения. Он вел нервно, рывками, вихляясь из стороны в сторону, беспричинно разгоняясь и тормозя, словно кто-то невидимый сталкивал его ногу с педалей и выкручивал руль. В зоопарке он помог мне выгрузить стонавшего Эфа, но как-то нехотя, словно сомневался, стоит ли вообще помогать. Прежде чем уехать, Самсон долго смотрел на пустые клетки, потом уставился на меня. В уголках его глаз застыли бусинки гноя, на дне болотных зрачков мутно цвело подозрение.

— Что… за… место? — сипло спросил Самсон, хотя спрашивать был не должен.

Крэкер явно терял над ним контроль, не мог справиться — а ведь в сравнении с чудом, которое он для меня совершил, управление медиумом было такой ерундой!.. Наверное, в этот момент мой друг Крэкер уже был близок к агонии. «Утратил способность самостоятельно дышать и глотать, — прочел я потом запись в его медицинской карте. — Причины ухудшения состояния не ясны. Подключение к аппарату искусственного дыхания не представляется целесообразным»… Причины ясны. Он потратил слишком много сил и энергии на то, чтобы вытащить меня на свободу.

Он все довел до конца. Там, в зоопарке, он все-таки «усадил» Самсона обратно в фургон и заставил без лишних вопросов уехать.

Даже представить себе не могу, какого усилия воли ему это стоило. Скорее всего, увозя Самсона, Крэкер уже не дышал.

…Когда я затаскивал планетарника в клетку орангутанов, он ненадолго очнулся. Возможно, тогда Эф в последний раз был в полном сознании. Он назвал мое имя и с размаху заехал кулаком в скулу. Зеркальная маска слегка смягчила удар, но я почувствовал вкус крови во рту…

…Мне снится, что я опять в фургоне Самсона. И что Самсон везет меня обратно в исправительный Дом. Он подчиняется

Крэкеру, а Крэкер приказал доставить меня в Спецкорпус. Потому что теперь, когда Крэкер не дышит, он мне больше не друг и отдает плохие приказы… Мне снится, что я спал на ведьмином одеяле, в роботрущобах, и что Самсон нашел меня там, связал, содрал с моего лица кожу и выковырял один глаз. И что потом он погрузил меня в свой фургон и повез — назад, в исправительный…

Мне часто снится, что я возвращаюсь туда. Мне часто снятся кошмары.

Чтобы избавиться от кошмара, нужно пошевелиться во сне.

Я прикасаюсь руками к своим щекам, горячим и липким, без кожи. Кошмар не уходит. Тогда я приказываю себе проснуться совсем. Тяжело и медленно вываливаюсь из *спящего режима* в ячейку и почему-то утыкаюсь в голые стены. Слетели настройки.

С первым слоем тоже что-то не так. Мой кошмар продолжается: слышу звук мотора и чувствую тряску.

— Никак не проснется, — равнодушно констатирует чей-то «болтун». — Нужно его взбодрить.

Кто-то бьет меня по щеке. Сильно, наотмашь.

Машинально пытаюсь заслонить щеку рукой и понимаю, что я в наручниках. Кончиками пальцев ощупываю лицо — на мне нету зеркальной маски, а кожа действительно липкая и болит. С трудом разлепляю глаза — правый саднит и чешется — и смотрю в первый слой. Я на заднем сиденье патрульной пээспэшной машины. За окнами мелькают золотые огни пустых улиц, громоздкие силуэты конкреций. Великанская железная вилка, великанский бронзовый стул, великанское яблоко, великанский указательный палец…

…Пальцы, которыми я трогал лицо, в крови. Справа от меня сидит Цербер, немигающие зеркальные зенки кажутся бешеными даже под маской.

— Тебе не больно? — заботливо цедит его «болтун», а Цербер снова бьет меня по лицу, на этот раз кулаком.

Слева от меня сидит Эф. Он не сползает с сиденья только потому, что жестко пристегнут. Его голова откинута назад, отекшее лицо залито струйками пота. Он хрипло, неровно дышит — можно было бы подумать, храпит, но глаза широко раскрыты. Его рана под несвежей повязкой пахнет ужасно.

— Смотри, смотри, не отводи взгляд, — заунывно гудит мне Цербер. — Смотри, что ты сделал с моим напарником. — Он снова бьет меня по лицу. — Убить тебя мало. Говна кусок. Сволочь.

— Потише там, — командует с переднего сиденья, не оборачиваясь, кто-то смутно знакомый. — Нужно доставить без

повреждений.

Смутно знакомый сидит за рулем. Просто сидит — машина едет на автомате, — не прикасаясь руками к рулю и с интересом разглядывая зажатого в смуглой горсти питомца. Потом отрывается от изучения питомца и смотрит на меня в зеркальце заднего вида. Эти глаза я узнаю — пара подгнивших маслин. Только в прошлый раз его морда была вся разукрашена, а теперь видна нездоровая темная кожа. Мой *друг* Клоун. Из зоны Паузы…

Он раскрывает ладонь, и я вижу, что в его руке — не питомец. Это церебральная линза — та, что они выковыряли из моего глаза, — ка— кая-то высохшая, с парой багровых прожилок внутри.

— Я и не знал, что капилляры в нее прорастают. — Клоун задумчиво рассматривает линзу на свет. — Кажется, поломалась. Вторую пусть тогда техслужба достает, я в этих старинных девайсах не разбираюсь… Исправляемый Зеро, — скучным голосом обращается он ко мне. — Вы обвиняетесь в совершении серии тяжких и особо тяжких преступлений…

На приборной панели светится заданный маршрут и пункт назначения. Исправительный Дом. Кошмар наяву. Серебристая точка — наша машина — ползет по кривой оранжевой линии вверх, уверенно и настырно, как муравей по протоптанной сородичами тропе…

Я закрываю глаза, чтобы не видеть, как серебряный муравей тащит меня обратно в свой муравейник. Теперь я вижу только *структуру*. Утробу. Оказывается, даже одной церебральной линзы достаточно, чтобы в ней копошиться. С одной линзой утроба выглядит слегка покосившейся, но вполне пригодной для копошения.

Не хочу копошиться. Я устал от вспышек и голосов, от музыки и кино, от спама и полезных советов, от шуток и распродаж. Я хочу *выйти из социо…неудачно!*

Ты права, утроба. Неудачно это все получилось. Но неудачи скоро закончатся. Минут через тридцать из меня выковыряют оставшуюся церебральную линзу, и ты исчезнешь, утроба, просто рассыплешься в прах. А потом исчезну я сам — вряд ли Совет Восьми позволит мне жить после всего, что я сделал.

Я хотел бы покинуть утробу прямо сейчас, но…

вы не можете выйти из социо

…она не отпускает меня.

выход ограничен или отсутствует

эта проблема будет устранена — а пока вы можете пообщаться с друзьями!

Я пытаюсь представить себе лицо Ханны в тот вечер, когда

она уходила на фестиваль, но перед глазами сгущается какая-то печальная тень, кивает и тут же теряет свои очертания. Я пытаюсь представить Крэкера — такого, каким он был до Спецкорпуса, — но вместо него из темных щелей моей памяти выползает его юзерпик с восемью конечностями и тут же воровато шмыгает в глубину. Потом, незваное и удивительно четкое, всплывает лицо безумца Матвея, моего «апостола», от которого я отрекся. Которого я поймал, связал и отправил на чудо-ка— талке в последний путь, чтобы не вызывать ни у кого подозрений…

Этого ли ты ждал от меня, друг Крэкер, когда совершал свое чудо, когда спазм сводил твое горло? Что я стану подлым ублюдком и две недели свободы проведу под зеркальной маской, пытаясь дознаться, что за великое будущее мне уготовано?.. А потом дам поймать себя, спящего, так и не узнав ничего? Впрочем, нет: мое будущее теперь не вызывает сомнений. Одиночка в Спецкорпусе. Приговор к паузе. Тьма.

Таким ли ты видел меня, мой друг, — трусливым животным, транспортируемым на убой, в смертном страхе закрывшим глаза?.. Нет, не таким. Ты верил в меня. Ты хотел, чтобы я переворачивал мир. Ты вытолкал меня на свободу, снабдив бредовым напутствием: «Сражайся с Чудовищем». Ты хотел, чтобы я нашел в базе данных Службы Порядка списки всех *несогласных*. Под беспощадным исправляющим светом, губами тех, кто тебе покорялся, ты рассказал, что несогласных создал ты сам. Весь этот спам, пересылающий сам себя вирус — ты, Крэкер, запустил его в *социо*… Но только потом, сказал ты, потом они действительно появились. Несогласные. Ты просто разрыхлил для них почву. Теперь *несогласные* сами рассылают «угрозы» и называют их «письмами счастья». И ждут, когда я приду… Ты сказал, среди несогласных есть даже Тысячники. Ты хотел, чтобы я их зафрендил и повел за собой. Чтобы я повел Тысячников, а они повели свои тысячи. Ты сказал: «Потом тебя, конечно, повяжут. Но ты все же нанесешь Ему рану». Ты рассчитывал, что я отдам свою жизнь за твою навязчивую идею. Прости, Крэкер. Моя жизнь такая короткая по сравнению с твоей — прости, я пожадничал. А теперь я отдаю ее просто так… Если бы ты знал, ты бы, наверное, меня расфрендил….

…Вы хотите пообщаться с друзьями из списка? да нет

Друзья Эфа, из которых некоторые — мои недруги, а все остальные — попросту незнакомцы, — его друзья издевательски подмаргивают пульсирующими доступными ртами, приглашая в себя. Ячейка Крэкера не горит, только маленький таймер отсчитывает время до родов — © осталось 265 суток ©.

у *меня нет друзей,* — говорю я утробе. — *я совершенно один некорректно,* — возражает утроба. — *в вашем списке 230 друзей* Она тупая, утроба. И настырная. Спорить с ней бесполезно. Я не спорю, я просто удаляю друзей. По очереди затыкаю голодные жадные рты. Я удаляю 229 друзей из своего списка. Остается один. *удалить пользователя клео из списка друзей?*

да нет

Нет. Когда ты в наручниках и скоро перестанешь существовать, так хочется иметь хотя бы одного друга…

Вход в ее ячейку сокращается мерно и сонно, но распахивается при моем приближении.

ваш друг клео предлагает вам акт в люксурии согласиться? да нет

Почему бы и нет. Пускай она станет моей единственной и последней подругой. Пускай на прощание, в режиме *люксурия*, меня хоть кто-то полюбит.

пользователь эф хочет доминировать в акте клео принимает пассивную роль

…Я *создаю* землю, траву, цветы и кустарники, деревья и камни, холмы и овраги, и шишки, и мох, и палые листья, и преющие под ними грибы, и много чего еще…

Я *создаю* себя — в обличье белоглазого волка, которого я однажды видел на ферме.

Я *создаю* ее — в обличье белоглазой волчицы, которая любит мой запах…

Я успеваю оплодотворить ее до того, как начинается конец света…До того, как сидящий слева от меня человек захлебывается кашлем и храпом и временно перестает жить. До того, как утроба, поверившая, что я — это он, с отвращением выблевывает меня на поверхность.

Клео

собака отказывается есть сухой корм

Она не притрагивается к еде уже сутки. Потому что я больше с ней не играю, не глажу ее и не кидаю ей палку.

ваша собака подавлена, вам следует уделять ей внимание, ваш рейтинг собаковода равен О

Не могу. Я тоже подавлена. Я никудышный собаковод. Надеюсь, когда из нее достанут жука, все будет как раньше. Но до тех пор я не могу с ней играть как ни в чем не бывало… Не сейчас.

Не сейчас, когда я смотрю в очередной документ, составленный с ее помощью.

Эф: память F: «Живой Журнал Охотника»: «закрытые записи»: Juk-2.doc

14. 07. 471 г.:

После беседы с *лотом*, которая, к сожалению, происходила вне ячейки и не была зафиксирована, объект нервозен и явно пребывает в состоянии стресса. С 09:00 до 11:00 производит серию запросов — довольно хаотических — по темам: «Лео заявил…», «Лео сказал…», «по мнению Лео», «Лео пять секунд тьмы», «Лео луч лео-лота». Затем создает папку «лео-мемориз», копирует в нее все найденные цитаты с прямой речью и сохраняет папку у себя в памяти.

(прим.: сами по себе запросы не представляют угрозы и, безусловно, не являются противозаконными, тем не менее все «научные изыскания» такого рода считаю нужным автоматически зачислять в категорию «подозрительное»).

11:15. Отправлен запрос в Сообщество Лабораторных Работников: «прошу выслать мне все мои авторские статьи, связанные с экспериментом „Направленный луч Лео-Лота“.

15:50. Из Сообщества Лабораторных Работников получен закономерный отказ: «к сожалению, мы не можем выслать вам запрашиваемые документы. Эксперимент Лео-Лота был признан неудачным. Все научные разработки были уничтожены авторами либо Сообществом».

15:52. Снова запрос в Сообщество Лабораторных Работников. На этот раз объект просит выслать все свои научные разработки, не связанные с экспериментом.

17:20. Сообщество Лабораторных Работников высылает сжатые файлы с полной коллекцией научных статей Лео. Объект распаковывает файлы и сохраняет в памяти, в папке «лео-мемориз», все файлы.

С 17:40 до 23:57 Клео копирует в отдельный файл тексты всех имеющихся в «Ренессансе» памятных писем, оставленных в течение прошлого воспроизведения. Она сохраняет файл в памяти в той же папке.

15. 07. 471 г.:

09:15. Клео загружает себе игру *чудо-шахматы.* Тут что-то не так. Она определенно не собирается в них играть. А, вот оно! Среди виртуальных игроков находит *мастера Лео.* Сохраняет у себя в памяти, все в той же папке «лео-мемориз», все сыгранные им партии.

12. 00. Ого. Совсем интересно! Объект закрывает либо дезактивирует у себя в памяти ВСЁ, кроме «лео-мемориз».

Дизайнеры страниц определяют размер шрифта и вид кодировки текста. Если вид кодировки страницы не совпадает с установленным в обозревателе, вы увидите…вижу огонь сейчас больн

eialao DagM 0de6?a'&lɗ [невозможно отобразить страницу]

…Я выбираю в меню визит в *ветеринарную клинику* и отправляю на указанный счет двести (!) уников. Сообщество Геймрайтеров дерет за ветеринарную помощь нещадно, при том, что качество ее, прямо скажем, неважное: приемный кабинет загружается без правой стены, ветеринар вообще необъемна — вся тусклая и плоская, как раздавленный жук, а мимика скудная, как у трущобного робота.

— Здравствуйте, собаковод, — говорит она неподвижным полумесяцем рта. — Раз вы пришли ко мне, значит, вы плохо ухаживали за своей *собака,* и в результате у нее развилось то или иное заболевание. Чем я могу вам помочь?

— Моя собака здорова. Просто в ней кое-что завелось. Хочу удалить.

— Оу! — Ее физиономия на секунду стягивается в гримаску, настолько непрорисованную, что она может означать что угодно, от омерзения до сочувствия, и снова расправляется. — Когда заводится червь — это плохо. Как здорово, что я могу вам помочь. Удаление червей — несложная операция. Услуга платная. Сто уников за каждого *со— цио*-червя.

— Это не червь.

— Оу?

— Скорее, жучок.

— Вот как.

— Да, так. Программа-шпион.

— В моей практике никогда не было *собак* с программой-шпионом.

— Теперь будет. — Я начинаю беситься.

Ветеринар округляет рот — вероятно, чтобы выплюнуть из себя очередное «оу», — и так подвисает. Моя *собака,* осмелев, нюхает и лижет ее застывшее лицо, потом подходит к несуществующей правой стене и, озадаченно склонив голову набок, смотрит в черную бесконечность.

К сожалению, я не в состоянии выполнить ваш запрос: не хватает квалификации.

Вы можете обратиться к нашему суперпрофессионалу — специалисту высочайшего уровня. Стоимость его консультации 300 уников. Оплатить консультацию?

да нет

— Разводилово! — говорю я ветеринарше, но она так и сидит, разинув круглую пасть, и не выходит из паралича, даже чтобы со мной попрощаться.

Суперпрофи выглядит как ее брат-близнец, только вместо черной нашлепки волос у него розовая овальная лысина, а на носу очки. В отличие от своей менее квалифицированной коллеги он отбрасывает тень, лучше справляется с мимикой, и кабинет у него загружается полностью.

Он осматривает *собаку* и выполняет рентген (еще сотня уников утекает с моего *социо-с*чета). Развешивает на стене кабинета серию снимков. То, что на снимках, выглядит не слишком приятно: белое пятнышко в собачьем мозгу, совсем небольшое — но от него тянутся длинные тонкие лапки-нити во все стороны, опутывая внутренние органы.

— Плохая новость, — говорит суперпрофи. — Жучка удалять опасно. Смотрите, он пророс во все жизненно важные области. Он участвует почти во всех активных процессах *собаки*… Но есть и хорошая новость. Жучок совершенно не угрожает здоровью *собаки.* Наоборот, в каком-то смысле он его даже поддерживает. Делает *собаку* более активной, смышленой. У вашей *собаки* прекрасно развиты такие приложения, как зрение, нюх, интуиция, любопытство, способность к обучению, способность к сочувствию… Судите сами, жучок для нее — дружественная программа.

— Это программа-шпион. Она не дружественна для меня.

— В нашей игре мы заботимся о здоровье *собак* и *кошек.* Проблемами *собаководов* и *кошатников* мы не занимаемся. Этим

занимается Психологическая Служба Помощи Населению.

— Вы можете хотя бы сказать, когда в последний раз скачивалась информация с жучка?

— Триста уников, — отвечает суперпрофессионал, и на его круглой нарисованной физиономии возникает совершенно первослойное циничное выражение.

Я молча перевожу деньги, и он озаряется любезной улыбкой.

— Последнее скачивание — 15 июля 471 года, 12:00.

Время смерти Зеро. Время последней записи, присланной Эфом… Предположим, самосожжение Зеро в первом слое отвлекло планетарника от слежки за мной во втором. Почему же он потом не скачал остальное, самое важное?!

— Сколько будет стоить удаление жучка?

— Я не вижу показаний для операции, — говорит суперпрофи.

— А за дополнительную плату, скажем, в тройном размере — увидите?

На его лице появляется выражение «глубоко оскорблен».

— *Собака* неоперабельна, — неприязненно цедит он. — Но не волнуйтесь, она совершенно здорова. Всего вам доброго, смерти нет, приходите еще.

Ветеринарная клиника выталкивает меня и *собаку* в вязкое социальное междумирье. *Собака* кувыркается и бесшумно подтявкивает — она любит гулять в глубине, ей нравится ощущение невесомости. Она потешно дрыгает лапами, приглашая меня с ней поиграть.

«Она шпион, — говорю я себе. — Моя *собака* — шпион. Она не друг. Соглядатай».

Я дожидаюсь, когда *собака* от меня отвернется, и возвращаюсь в свою ячейку.

Одна, без нее. Оставляю ее кувыркаться в *социо*-пустоте.

Она заметит, что я ушла, и испугается, и станет искать меня в глубине — но это продлится недолго.

Зато она не увидит, как я ее убиваю.

А я не увижу, как она перестает жить.

Почему он не скачал самое главное? То, что я сделала, когда выбралась из свежей могилы, образовавшейся на месте ячейки Лота? То, что я сделала, когда тьма набухла внутри меня и лопнула, как гнойный фурункул. Когда я очнулась в своей ячейке и *собака* лизала меня нарисованным языком. Когда в первом слое меня вывернуло наизнанку и автодоктор захлебывался рекомендациями: *похоже, вы стали случайным свидетелем чьей-то социо-паузы… это большой стресс для психики и организма…*

вам следует записаться в группу доверия для случайных свидетелей… обратитесь к вашему психотерапевту немедленно… если тошнота будет сохраняться, вызовите «скорую помощь»…

Я не стала вызывать «скорую помощь». Вместо этого я вызвала призрака.

Собрала в одну папку все, что осталось в *социо* от меня предыдущей, — все, что говорил, писал, думал или просчитывал Лео… Я подумала: в конце концов, если призрак может играть со мной в шахматы — почему бы ему не поговорить со мной по душам? Призрак делает ход, исходя из логики ранее сыгранных партий. Призрак даст мне ответы, исходя из логики ранее прожитой жизни. Исходя из устройства мозга, когда-то придумавшего луч Лео-Лота.

Я отключала в своей памяти все, кроме функции видеозаписи и «памяти лео», — и ощущала, как теряю сознание по кускам. Словно прожорливая стайка термитов выедала из меня мысли, воспоминания, привычки, и вместо них оставались зияющие пустоты… Потом, изгрызенная, пустая, с обломком чужой памяти в голове, я бестолково слонялась взад-вперед по своей ячейке, не узнавая, не помня, совершенно потеряв ориентацию.

Моя *собака* — та ее часть, которая хранилась вне моей памяти, — уныло ползала следом за мной и пыталась скулить. Моя *собака* снова стала скелетом, сквозь который просвечивали внутренние органы. В таком виде она была загружена изначально. Кожу, шерсть и весь экстерьер я настраивала вручную, отдельно, и теперь все эти настройки слетели…

…У меня не было детства. Не было дома. Не было тела. Моя жизнь была крошечной, холодной и точной, как снежный кристалл. Я состояла из знаков. Я знала множество научных теорий и шахматных дебютов. Но я понятия не имела, как все это использовать, с кем мне играть — и зачем.

Даже теперь, когда я просматриваю видеозапись, я ощущаю *тот* холод. Точно стою на сквозняке, спиной к распахнутому окну. Стою и смотрю, как случайно, бесцельно забрела тогда в свой социальный домашний кинотеатр. Экран был выключен, и в черном мерцающем прямоугольнике отразилось мое лицо. Лицо мужчины лет сорока, белесое и полупрозрачное, как будто кожу соткали из паутины питомцы.

— Кто это? — спросила я мужским голосом и сама себе ответила:

— Лео.

— Зачем ты здесь?

— Полагаю, ты хочешь задать мне вопрос.

— Я не помню, какой.

— Давай прикинем, — сказала я. — Тебя интересует либо моя научная деятельность, либо моя личная жизнь, либо моя игра в шахматы — это все, из чего я состою. Личная жизнь отпадает сразу — таких воспоминаний во мне не больше пяти процентов, да и те какие-то смутные. Что касается шахмат — если бы ты хотела со мной сыграть, ты бы просто запустила игру. Таким образом, остается наука — а записи шахматных партий лишь отвечают за мое логическое мышление. Из этого следует, что я должен для тебя что-то создать. Что именно?

Я выдержала долгую паузу, а потом спокойно сказала:

— Формулу состава. Того, что использовался для инъекции в эксперименте с лучом Лео-Лота.

Не знаю точно, чьи это были слова. Мои — могла же я напрячь свою первослойную память и вспомнить, зачем его позвала, — или все же его. Скорее, его. Наверняка просчитал своим мертвым шахматным мозгом, чего я от него жду.

Как бы то ни было, я застыла на два с половиной часа (158 минут 37 секунд по хронометражу видеозаписи), и все это время собачий скелет отчаянно тыкался в меня костяным носом. Потом я снова зашевелилась, создала новый файл и записала в нем формулу.

А вслух сказала своему отражению:

— Извини. Вероятность ошибки в формуле — пять-семь процентов.

Спустя какое-то время *социо* предложило мне восстановить все настройки.

судя по всему, с прежними настройками вам было удобнее
восстановить их?

да нет

сохранить в памяти новый файл «Формула»?

Я сохранила.

Эф не скачал все это с жучка. Вместо этого он пришел ко мне в первом слое и спросил, известна ли мне формула Лео-Лота. А до этого еще спросил, помогут ли его предпаузнику *после душа* сотрудники фестиваля. Не обязательно знать несколько сотен дебютов и миттельшпилей, чтобы понять: человек в маске, допрашивавший меня на площади Золотого Сечения и не знавший, как осуществляется пауза, — это не планетарник.

Это тот, кто за последнее время совершил слишком много ошибок.

Это тот, для кого у службы «Все будет в порядке» есть одно сообщение. Спасителю от апостола.

Этот тот, кто однажды уже меня погубил.

Это именно тот, кто мне нужен.

Говорят, нет лучшего способа узнать человека, чем в режиме *люксурия.* Врут. Лучший способ узнать человека — это направленный луч Лео-Лота. Понадобится лаборатория. Понадобится завоевать его доверие, наладить контакт, убедить.

Говорят, нет лучшего способа сблизиться с человеком, чем в режиме *люксурия.* Наверняка тоже врут, но лично мне другие способы неизвестны…

Ошибка #47037

ваша собака не может найти путь домой

клео: панель управления: установка и удаление программ: удалить программу «Собака»

…подождите… в течение 60 секунд программа будет удалена… идет удаление программы… неудачно!

Ошибка #43048. Невозможно удалить программу «Собака»: отсутствует доступ к приложению «тело собаки»

Если эта ошибка будет повторяться, обратитесь в службу техпомощи…

Я могла бы удалить ее здесь, в ячейке. Но я боялась смотреть в ее меркнущие глаза в течение целой минуты. Друзья-собаководы рассказывали, как натуралистично умирают социо-звери… Я не знала, что так получится. Живущий свидетель, я не хотела растягивать ее мучения. Я хотела, чтобы все прошло быстро и безболезненно….

Она будет скулить, она будет искать путь домой, она будет принюхиваться, пытаясь напасть на мой след. Но в *глубине* не остается следов. Там нет запахов и не слышны звуки.

Без еды, питья и *заботы хозяина* она погибнет за два-три дня.

Жучок запишет хронику ее одиночества, прежде чем они оба исчезнут.

ваша собака подавлена

напоминаем, что эта собака домашняя, и долгие прогулки вне ячейки ей противопоказаны

позвать собаку домой?

да нет

зовем собаку домой… неудачно! К сожалению, собаке не удается найти путь домой.

…Говорят, единственный способ избавиться от тоски и стыда,

заглушить голос совести — это переместиться в *люксурию.*

Я предлагаю ему *акт,* и он соглашается. Он хочет быть в доминанте.

Люксурия

Он *создает* землю, траву, цветы и кустарники, деревья и камни, холмы и овраги, и шишки, и мох, и палые листья, и преющие под ними грибы, и мелкую взвесь дождя, и низкое набрякшее небо, и птиц, скрывающих свои змеиные головы под теплыми крыльями. Он *создает* зверей — мышей, барсуков и енотов, белок и зайцев, и оленей, и лис, и медведей.

Он *создает* себя — в обличье дикой собаки или, может быть, волка.

Он *создает* меня — в обличье ему подобной.

Я втягиваю ноздрями его запах и понимаю, что в этом мире у нас с ним общая мать, что он мой брат и мой муж, мы вместе родились и вместе подохнем, и станем частью этой земли и травы, цветов и кустарников, и деревьев, и шишек, и листьев. И дети наших детей, в дождливый вечер идя по следу жирного зайца, учуют наш запах, сочащийся из растений и почвы.

…Он лижет меня языком, мои уши, глаза и нос, живот и промежность, соски и снова глаза и уши. В первом слое меня бы тошнило от омерзения, но здесь, в *люксурии,* во влажной траве, в теле зверя, — я наслаждаюсь каждым прикосновением. Он лижет меня, и от его пасти горячо пахнет мной, и нашей матерью, и тем самцом, с которым он дрался из— за меня, и мокрой землей, и кровью и мясом нашей добычи, и смертью, и совсем слегка — страхом.

Мы знаем: там, по другую сторону сизых холмов, там, где кончаются звериные метки на древесных стволах, там, за линией, что скрепляет небо и землю, — там живет Мертвый Бог.

Непонятно, как он родился: у него нет и не было матери и отца.

Его тело не цельно. Части не связаны между собой, и одна может уползти от другой за линию горизонта.

Он не стареет. Он никогда не умрет, потому что он и так уже мертвый…

Мы боимся его.

Мы будем спариваться, чтобы побороть этот страх…

Он полностью доминирует в этом *акте.* Он *создал* весь мир, *создал* себя и меня — мне остаются только детали.

Я *создаю* для нас дом — нору на склоне холма. Вход в нее почти незаметен в густом клубке древесных корней, но на всякий случай я еще *создаю* заросли высокой травы. Для безопасности. Чтобы нас никто не заметил… Внутри норы я *создаю* теплый настил из веток и сухих листьев.

Я захожу внутрь, и он крадется следом за мной. Не больно, но властно прикусывает мою шею зубами. Я вырываюсь, оборачиваюсь и для виду рычу, но почти сразу сдаюсь. Я думаю о щенках, которые будут пахнуть, как я и как он. Он берет с тихим рычанием.

Когда *акт* заканчивается, он снова лижет меня, но я огрызаюсь, чтобы он перестал. Я крепко сжимаю зубы и молча скулю, про себя, чтобы он не услышал. Я думаю о щенках, которые будут пахнуть, как я и как он, когда мы с ним уже будем пахнуть землей и гниющим мясом. Я думаю о случках, которые были у меня до сих пор, — о сотнях брезгливых случек в контактном белье. Я думаю про фестиваль, который нужен Мертвому Богу, чтобы оплодотворять самого себя. Я думаю о собаке, которая кувыркается в пустоте и не может найти мой след. Я думаю о том, что с моей программой *люксурия* что-то не так: такая тоска противоестественна в «саду наслаждений».

Мы молча лежим у выхода из норы и смотрим во вне. На мир, который он *создал* для нашего *акта*. Земля хороша, но все небо затянуто желто-гнойным налетом и нет луны. Я думаю, не *создать* ли ее, но так и не нахожу в себе сил, чтобы что-то менять.

Он тихо выходит из норы и садится ко мне спиной. Он что-то делает с нашим миром — и гнойники неба лопаются, но не дождем, а густым тусклым снегом.

Я думаю, что должна утеплить нору до появления щенят.

Он запрокидывает голову и хрипло, протяжно воет. А потом исчезает. Его мир превращается в пустырь одиночества.

И я остаюсь там одна.

Цербер

Ни сделок с совестью, ни тревог, ни сомнений. Ему повезло: он был бессменным стражем порядка последние триста двадцать шесть лет, это как минимум. А скорее всего, и с самого Рождества, просто об этом не сохранилось свидетельств: банк «Ренессанс» появился в 145 году от р. ж. И в первом же банковском филиале региона ЕА, в первом же письме, оставленном для себя в личной ячейке (по старинке, на бумажном носителе), в первой же строке первые же слова: «Я планетарник, я этим горжусь и всегда буду гордиться». Немного пафосно, но простительно: все-таки Изначальная Запись. К тому же искренне. Своей работой Цербер действительно гордился всегда. Он был хорошим профессионалом — за все триста двадцать шесть лет никаких серьезных штрафов и нареканий — так, мелкие нарушения («замечен без маски», «избиение задержанных», «принуждение к совокуплению вне фестивальной зоны»), но ни одной штрафной карточки труса, ни одной социо-взятки и целая галерея наград. Первые три, еще первослойные, раритетные цац— ки — «За бдительность и отвагу», «За заслуги перед *социо»* и «Герой первой степени», — Цербер хранил в своей ренессансной ячейке. Он любил иногда их достать и потрогать руками — инфантилизм, конечно, — но Цербер считал, что любому вечно живущему лучше быть ребенком в душе, чем законченным циником. В конце концов, для таких, как он, «Ренессанс» и существовал до сих пор в первом слое. Как шкаф с игрушками, старинный комод с *осязаемыми* сокровищами из детства, из прошлого…

С шестидесятых второго века награды сделались виртуальными; в своей социо-ячейке Цербер завесил «героями» и «за отвагу» целую стену, и в знак уважения к его заслугам Служба Технической Поддержки подарила ему льготную настройку «Вечная память». Настройка не сбрасывалась после паузы — и когда, воспроизведенный, Цербер входил в пустую ячейку, награды и ордена уже висели на голых стенах и ждали его.

А пауз было немало. Дважды его убили при задержаниях — в 149-м и в 17б-м, тогда еще не вполне укомплектовались исправительные Дома, неспокойное было время. Уже в восьмидесятые подобные безобразия прекратились, работать в ПСП стало куда безопаснее, но Цербер все равно обновлял себя часто, предпочитал посещать зону Паузы после первой же мягкой рекомендации, чтобы всегда быть в хорошей форме, и до шестидесяти дотянул лишь однажды.

Все было правильно. Его жизнь была четкой, незамутненной и упорядоченной, как пирамида из кубиков льда. Да, ледяная пирамидка — он представлял ее себе каждый раз, как становился ребенком. Как будто он строит ее: кубик — пауза — кубик — пауза, строит ее до небес. Потом, когда он становился постарше, ему больше нравилась аналогия с цепью. Его жизнь — она как крепкая, бесконечная цепь, в которой нет слабых звеньев.

Чужие цепи бывало рвались. Друзья Цербера выбывали, набрав пять штрафных карточек, на смену им приходили другие, неопытные. За три с лишним века сменились все, с кем он начинал, включая Слугу Порядка. Все, кроме Эфа, его постоянного напарника и лучшего друга: в «цепи» напарника, как и в Церберовой цепи, отсутствовали слабые звенья.

За три с лишним века Цербер и Эф прошли через многое — операции захвата и ранние паузы, первослойные травмы и изуродованные вирусами ячейки, облавы на спамеров и хакерские атаки. Они выслеживали сектанток-семейственниц, не отпускавших своих Родных в интернаты, они обыскивали ячейки еретиков-староверов, веровавших в древнего трехголового бога, они отлавливали несогласных подонков во всех слоях…

Правосудие безлико. «Человеческий фактор» не влияет на планетарный порядок. Зеркальная дистанция должна отделять сотрудника ПСП ото всех, даже от другого сотрудника. Так записано в Кодексе… Но за три с лишним века они стали друзьями не только в *социо,* но и в первом, — и порой нарушали Кодекс, не серьезно, по мелочи. Предыдущий Слуга Порядка всегда прощал им их мелкие шалости.

Они видели друг друга без масок — разные лица в разные времена. Они слышали голоса друг друга, не искаженные «болтунами». Они могли узнать друг друга издалека по походке, а с близкого расстояния — по запаху. По тому, как пахнет под мышкой стандартный костюм цвета инвизибл. На фестивалях они брали себе баб на двоих. А когда кто-то из них воспроизводился женщиной (выпало по разу на каждого), они становились любовниками.

…За три с лишним века они здорово притерлись друг к другу, их «цепи» сплелись. Поэтому когда Эф стал вести себя странно, Цербер сразу заметил. Это началось после самоубийства Зеро, они с Эфом сидели в кабаке в первом слое. Эф все трогал свою зеркальную щеку, и Цербер сказал: покажи. Эф тогда отреагировал так, словно они были чужие. Не по-товарищески.

Дальше все было просто, как в обучающей программе для юных защитников Живущего «Поймай воришку». Эта программа инсталлировалась всем будущим планетарникам в четыре года.

Цербер помнил, как переливающийся зеркальный Утяш однажды взял его за руку и увел в заросли камыша. Там, у ручья, он учил его, как правильно затаиться и выжидать. «Ты подозреваешь, что Рыбеш что-то украл, да, малыш?» Маленький Цербер воодушевленно кивнул: «Рыбеш — вор. Я уверен». Утяш улыбнулся восхитительным зеркальным клювом: «Ты молодец». «Так я пойду, расскажу Живушу!» «Рано. — Утяш не отпустил его руку. — Сначала собери доказательства. Пусть Рыбеш не подозревает, что ты знаешь, какой он плохой. Пусть он думает, что ты его друг. А ты установи за ним наблюдение и начни составлять досье. Когда досье будет готово, отдай его мне. Я старший по званию. Я сам передам досье Живушу. И попрошу Его тебя наградить». Два слова, два заклинания, полные колдовского шипения: «досье» и «старшийпозванию»; их смысла Цербер не знал. Под песни цикад, в хрустящих зарослях камыша Утяш объяснил ему, что они значат. В четыре года Цербер составил досье на Рыбеша и получил свою первую звездочку…

…Все было просто. Он поделился своими подозрениями со старшим по званию. Слуга Порядка, как когда-то Утяш, приказал собрать доказательства. Цербер составил досье на самозванца за несколько дней. Отказ снять маску, естественно, туда не включил. Зато включил:

— ошибки при задержании и конвоировании принудительного Матвея (совершенно дилетантские, Эф никогда таких бы не допустил, с его— то сноровкой и опытом);

— поведение, позорящее звание сотрудника ПСП, в зоне Паузы регионального Фестиваля Помощи Природе (последний салага вел бы себя приличнее);

— неспособность напарника выполнить упражнение пароль-отзыв («эта целка на фестивале им всем дала?» — правильный ответ должен был быть: «нет, нас с тобой ждет»);

— «диагноз», поставленный устройством для ведения бесед (Цербер специально выбрал в своем «болтуне» режим «допроса», когда трепался с лже-Эфом во время захвата принудительного и позже, на фестивале). Выводы «болтуна» потрясали воображение. «Исходя из физических показателей *собеседника,* таких, как температура тела, артериальное давление, размер зрачков, функционирование сальных, потовых, слюнных и слезных желез, состояние *собеседника* можно охарактеризовать как *близкое к панике, с* частыми переходами в *страх, стыд, жалость»;*

— сравнительную экспертизу социальной речи пользователя *эф* до и после 15 июля 471 г.: «социальная речь принадлежит двум разным пользователям»…

…ЧТД. Что и требовалось доказать. Доказательств было

достаточно, чтобы арестовать самозванца и инициировать дело о похищении сотрудника ПСП. И немедленно начать поиски — сигнал о паузе Эфа не поступал, значит, его держали в плену. Беспрецедентное в наши стабильные дни преступление против Живущего…

В последний раз *реальный* Эф выходил в *социо*-чат, находясь в исправительном Доме. За несколько минут до самоубийства исправляемого Зеро. В отдельный файл Цербер собрал показания свидетелей, присутствовавших при самоубийстве. Показания совпадали. Даже *слишком* уж совпадали. А свидетелей было хоть отбавляй. *Слишком* много свидетелей. Не было такого исправляемого, или куратора, или сервисного работника, или члена администрации Дома, кто не дал бы свидетельских показаний. Получалось, что на Доступной Террасе в момент возгорания находились абсолютно ВСЕ домочадцы. Что невозможно чисто физически: они бы там просто не поместились… При этом «болтун», следивший за физическим состоянием допрашиваемых, пришел к выводу, что все свидетели отвечали на вопросы Цербера достаточно искренне.

Он не стал строить никаких версий. Просто скинул досье и протоколы допросов старшему по званию и стал ждать дальнейших распоряжений.

Он был уверен, что старший по званию распорядится немедленно брать самозванца. Но старший по званию распорядился «пока подождать».

Цербер опешил.

цербер: Вы сомневаетесь в предоставленной мной информации?

Слуга: ну что ты! хотя, конечно, доверяй но проверяй ©

цербер: есть официальная экспертиза социо-речи, На ее основании прошу разрешения на принудительное открытие лица подозреваемого.

Слуга: отказываю, пока просто наблюдай.

цербер: наблюдать?! Слуга, запросите видеозапись с фестиваля! Посмотрите, как он там себя вел. Как идиот. Как чужак. Он возился со своим принудительным, как кормящая баба с Родным! На него оглядывались даже предпаузники… Тут и болтуна включать не нужно, чтобы увидеть, насколько он не в себе!! Настоятельно прошу разрешения…

Слуга: отказываю. ПОКА отказываю, мы возьмем его через несколько дней, будем работать в паре, я и ты. учти, что этому делу я присвоил первую степень секретности… да, и мне не нужна запись с фестиваля © я лично присутствовал в тот день в зоне паузы. Ты совершенно прав, он вел себя дико!

…Оказалось, Слуга Порядка лично вел это дело. В первом слое, под прикрытием *клоун.* С *открытым лицом.*

От восторга Цербер чуть не забыл дышать. С шумом вытолкнул из себя теплый, праздничный воздух. Сжеч, он участвует в Деле Первой Степени Планетарной Секретности! Старший по званию открыл перед ним лицо. Он видел его — Слугу Порядка, начальника ПСП, пусть под слоем клоунской краски, но видел. Он и Слуга — в этом деле они будут напарниками. Что это значит? Это значит, ему доверяют. Всерьез доверяют. Что еще это значит? Может быть, не за горами орден Живущего? Он подумал, что повесит его отдельно. Не на ту стену, где все остальные награды, а прямо на *рабочем столе.*

Слуга Порядка разрешил захват самозванца только спустя десять дней. Сначала забрали Эфа — подонок держал его в клетке, как больного фермерского барана. Напарник был очень плох. Температура за сорок, стонал и бредил, просился в снег.

состояние собеседника можно охарактеризовать как предпауз — ное, — *выступил зачем-то «болтун», хотя его не просили.*

Цербер почувствовал, что под маской влажно от слез. Пауза ладно. Пауза ерунда. Но сколько времени друг провел в таком состоянии! Как же он мучался…

цербер: разрешите добить? — спросил он, уже пристраивая холодное дуло к виску товарища.

— Лед, лед… — улыбнулся Эф и закрыл глаза.

Слуга: запрещаю, несем в машину

Цербер убрал пистолет. По Кодексу, да. Но как-то не по-людски. Прежний Слуга обязательно дал бы добить. Этот, новый, хочет, чтоб строго по Кодексу… Ладно, глупо к нему придираться. Прежний Слуга зато не стал бы работать с Цербером в паре.

Самозванца поджидали в роботрущобах. Странный был какой-то захват. Слуга приволок зачем-то — буквально приволок, по земле, — трущобную ведьму. Встряхнул, как дохлую птицу, упавшую с неба (Цербер однажды видел такую), ткнул пальцем в грязную грудь:

— Правда ведьма или фуфло?

Тетка пьяно затянула свой тупой первослойный спам:

— Ай, погадаю, не прогадаешь…

— А ну, кто я? — рявкнул Слуга.

— Тридцать уников, милок, кинь в мой еоцио-кошелек…

Слуга пнул ее каблуком сапога в бессильную голую ногу. Надавил каблуком на коленную чашечку. Что-то хрустнуло. Гадалка завыла.

— Я спросил, кто я.

Она потянулась к Слуге дрожащей рукой, и он наклонился, чтобы ей было удобнее. Замусоленным пальцем ведьма дотронулась до его лба, Слуга перекосился от отвращения.

— Яппп, — прошептала ведьма и, морщась от боли, попыталась встать на колени. — Пощади меня, грешную, великий Слуга Порядка.

— Сейчас придет наш друг, — презрительно отозвался Слуга, — планетарник, в зеркальной маске. Мы хотим сделать ему сюрприз. Погадай ему, а потом переключи в спящий режим…

— Гйпнос? — уточнила гадалка. — Я должна ему сделать гйпнос?

— Да, да, — раздраженно кивнул Слуга. — Умеешь?

— А то, — ведьма гордо тряхнула грязно-седой копной.

цербер: зачем его усыплять, шеф?

Слуга: будем тихо брать, без стрельбы, к тому же мне интересно

цербер: что интересно?

Слуга: что она о нем скажет

цербер: но она же… она просто грязный робот…

Слуга едва заметно улыбнулся Церберу лоснящимися и черными, как спинки африканских тараканов, глазами.

Слуга: древние люди прислушивались к таким как она

…Ведьма действительно ввела самозванца в спящий режим.

После этого Слуга Порядка приказал Церберу оттащить ее за коробки и там временно прекратить ее жизнь.

Слуга: только по-тихому

Пока Цербер натягивал контактные перчатки, она скулила, негромко, но очень тоскливо, как животное с фермы. Ему стало не по себе.

— Смерти нет, — сказал он, склоняясь над ней.

Ведьма перестала скулить и вдруг плюнула — желтый сгусток повис на его зеркальной щеке. «Иногда приходится даже нарушать Кодекс», — записал Цербер в своем *социо-бпоте* и свернул ведьме шею. Из-за мусорных баков послышался стон совокуплявшихся роботов.

Погрузили гада, повезли в исправительный. Цербер бил его по лицу, задыхаясь бессильной злобой. Где справедливость? Возмездие? Живущий, ты слишком благ! Ты полон любви, ты прощаешь своих заблудших детей, не наказываешь, а лишь исправляешь. Этого урода, истязавшего моего друга тринадцать дней и ночей, ты приговоришь к простой паузе. Отпустишь во тьму. А если он выйдет из нее снова, станешь терпеливо его исправлять…

…Бедняга Эф отмучался по дороге, временно перестал жить, и у Цербера на душе полегчало. Подступила усталость — уютная, теплая, как шерстяной шарф; замотала ему шею и плечи. Первый слой приятно подрагивал вместе с машиной; во втором Цербер врубил саундтрек из «Вечного убийцы»; в пятом — там у него хранилось нелегальное видео (всегда можно сказать, что ты его просто изъял) — запустил потрясный бой скорпиона и жука-рогача. Расслабился и стал думать про Орден Живущего. Он не просто повесит его на рабочем столе… Пожалуй, он сделает его рисунком рабочего стола… Интересно, «Вечная память» сохранит такую настройку?…

…вы готовитесь к переходу в спящий режим будете спать? да нет

Цербер все еще сомневался, стоит ли засыпать, но глаза его уже были закрыты. Он не видел, как старший по званию направил на него пистолет.

В пятом слое рогач выламывал скорпиону левое жвало. Скорпион пытался ужалить жука в живот…

Слуга Порядка СРОЧНО ВЫЗЫВАЕТ Второго Второй:?

Слуга: сотрудник цербер вышел из подчинения — самовольно осуществил паузу свидетельницы — в данный момент покушается на подследственного Зеро — отказывается подчиняться приказам — в течение дня получил пять штрафных карточек — запрашиваю разрешение на паузу

Второй: разрешаю паузу, с последующим увольнением из ПСП

…Церберу снилось, что он строит башню из ледяных кубиков.

Пистолет был с глушителем.

Кубики рассыпались тихо.

Часть третья

Восемь

— Деда! Деда-де-да-де-да… — Младшая только недавно научилась говорить, и ей нравились сами звуки. — Даде-даде-даде-да-де… — Она засмеялась, изобразила руками «ладушки» и потянулась к его бороде. Густая заросль закрученных белых пружинок тоже очень ей нравилась.

— Второй, — назидательно сказала ей мать. — Деда — Второй. Младшая на секунду умолкла, еще шире раскрыв и без того вечно

изумленные кофейные глазищи, а потом снова затарахтела:

— Втой! Втой! Втой! Втой!..

— Бжвдых! Дж! Дж!! — взорвался слюнями и звуками ее пятилетний брат, игравший в смертинетник во втором слое.

Второй устало поморщился.

— Тс-с-с, — мать поднесла палец к губам. — Родной, не озвучивай. Мальчик невидяще уставился на нее, потом прищурился, целясь в ко-

го-то во втором слое; правая рука сжалась в вялый, подрагивающий кулачок:

— Бды-ы-ыжгкх!!!

— Не озвучивай, ну сколько раз говорить. Не надо озвучивать глубину!

…С вкрадчивым шмелиным жужжанием в зал вкатилось чудо-кресло с Ныряльщиком. Младшая, восторженно взвизгнув, на четвереньках устремилась к нему. Ей нравилось, что Ныряльщик всегда такой послушный и неподвижный. Можно было скинуть его руку с подлокотника кресла, и рука оставалась висеть. Можно было щипать его и щекотать пятки, он не боялся щекотки. Можно было даже залезть ему в рот, когда никто не смотрел…

— Му! — Она подергала Ныряльщика за штанину. — Му? Му?

— Мудрейший, — с улыбкой напомнила мать. — Му-дрей-ший. Скажи.

— Му-дэй… Му-дэй!

— Все, время! — Второй, кряхтя, наклонился и отцепил младшую от штанины Ныряльщика.

Младшая разозлилась, улеглась на пол и принялась громко, сварливо вопить, дожидаясь, когда придут слезы.

— Хватит! — Второй нетерпеливо обернулся к Слуге Порядка: — Скажи своей женщине.

— Уведи детей, Лейла! — Слуга строго оглядел орущих Родных. — Две минуты до Совещания.

— А что дети-то? — огрызнулась Лейла. — Сидят себе в первом слое, никому не мешают…

— Дура, — беззлобно констатировал Слуга. — Это Открытая Конференция. С трансляцией первого слоя.

Лейла недоверчиво хмыкнула, но детей увела, вихляя огромным задом.

«Растолстела, — подумал Слуга ей вслед. — И обнаглела. Нужно еще одну взять».

— Этот Первый меня до паузы доведет! — Второй беспокойно кряхтел и ерзал на новом диване, пытаясь найти удобную позу и как-то в ней закрепиться; диван давал достойный отпор. — У меня будет перелом позвоночника!

Второй ненавидел диван. Диван был из последней коллекции «Мне повезет» — яркий, нелепый и совершенно аморфный, как и все дизайнерские фантазии Первого; но не сесть на него во время Конференции значило продемонстрировать неуважение к работе коллеги. А коллега Первый такие вещи принимал близко к сердцу.

От избытка пубертатной активности Первый лично участвовал в креативе. И подведомственное ему Сообщество Дизайнеров (по большей части именно стараниями тринадцатилетнего модератора, впрочем, Второй полагал, что там все были в легком неадеквате) вместо того, чтобы создавать красивые и удобные вещи, манящие людей в первый слой, разрабатывало абсолютно нефункциональную одежду и мебель, которыми никто не смог бы воспользоваться, даже если бы вдруг захотел, и украшало улицы *конкретными* скульптурами вилок, глазных яблок и кукишей. Только люди, которые вообще не вылезают из *социо,* могли такое придумать! А потом они еще удивляются, что население ходит в обносках и спит на полу. Безобразие. Вот сказать бы ему прямо, этому идиоту, что его диван — просто куча цветного говна!..

— Не сегодня, отец, — тихо отозвался Слуга.

Второй вздрогнул: он и не заметил, что говорит вслух. Покивал, ковырнул трясущимся пальцем обивку дивана:

— Да понятно, что не сегодня, Родной…

Слуга Порядка посмотрел на отца — лысый череп, белая борода, сморщенная кожа в пигментных пятнах — и про себя ужаснулся. Яппп, какой же он старый! Старше всех на планете. Непривычная мысль. Еще недавно самым старшим был Пятый…

Члены Совета Восьми обычно долго живут. До естественной паузы: опыт каждого воспроизведения слишком ценен, чтобы все обнулять в шестьдесят. А естественная пауза, как правило,

наступает не рано. Жизнь «не пыльная»: проверенные, постоянные женщины (не шататься же по фестивальным давалкам), натуральная пища с ферм (в том числе и белковая!), медобслуживание почти что на древнем уровне… И все же пауза рано или поздно приходит ко всем: Пятый временно перестал существовать в возрасте восьмидесяти семи, совсем немного не дотянув до заветной второй восьмерки; уже две недели как на его ячейке работает счетчик, вытикивая время до родов… Так что теперь самый старый — Второй. Его отец. Восемьдесят два года….

Но глаза все еще живые и умные. Хитрые. Черные. Слуга сосредоточился на отцовских глазах. Сказал:

— Не волнуйся, все пройдет хорошо…

Кому сказал — ему или, скорее, себе?

— …Ты, главное, сразу разошли стенограмму. Не упускай инициативу…

— Изоп, — огрызнулся Второй. — Не учи отца, как делать дела. И протри Мудрейшему рот, у него слюни висят, перед людьми неудобно.

…В восьмом слое засияла опрокинутая восьмерка — эмблема Совета, древний знак бесконечности. Пора начинать. Второй подключил себя и Ныряльщика.

Другие участники уже ждали в конференц-зоне, каждый в двух ипостасях: соцш-аватар и прямое включение из первого слоя в отдельном окошке.

Начали по регламенту.

— Первый, модератор гармонии первого слоя, приветствует Мудрейшего и всех членов Совета*, — сказала Золотая Лошадь и глупо вильнула хвостом.*

Сам Первый чинно, не размыкая губ, кивнул в окошке прыщавой рожей.

«Ты бы еще лепешку из себя выдавил, идиот, — подумал Второй. — Что за пошлые фермерские мотивы…» А вслух сказал:

— Второй, модератор спокойствия Живущего во всех слоях, приветствует Мудрейшего и всех членов Совета.

Его Осьминог (вот лично он юзерпик себе выбрал с умом — восьми— рукая сильная тварь с глубины, очень уместно) почтительно переплел щупальца.

— Третий, модератор гармонии глубоких слоев, приветствует Мудрейшего и всех членов Совета. — Аватар Третьего, крылатое существо с клыками, рогами, хвостом и в доспехах, рассеянно улыбнулось; параллельно оно явно занималось чем-то еще в более мелких слоях. Землистое лицо Третьего слабо скривилось в первослойном окошке, пытаясь, видимо, улыбнуться по примеру Крылатого. «Опять не побрился, — Второй неприязненно

вгляделся в окошко, — и одет в какую-то рвань, это ж надо так себя запустить. Обрюзг, разжирел… Яппп, молодой ведь еще мужчина, всего сорок два. Впрочем, к дизайну ячеек и техподдержке претензий нет…»

— *Четвертый, модератор помощи природе, приветствует Мудрейшего и всех членов Совета.* — Голубоглазый атлет, поиграв мускулами, поднял правую руку. Седая востроносая женщина в окошке прямой трансляции презрительно промолчала.

Второй отвел взгляд. В последнее время члены Совета старались не смотреть на Четвертую: она вызывала в них что-то вроде суеверного страха. Она отвечала за фермы, медцентры и фестивали. За все случки и паузы. Когда-то раньше, румяная и грудастая, она казалась Совету божеством плодородия. Теперь, с этими впалыми щеками и поредевшими космами, пожираемая червем какой-то болезни, она казалась им старухой с косой.

— Автоматический секретарь Совета Восьми приветствует Мудрейшего и всех членов Совета. Довожу до вашего сведения, что Пятый, модератор развлекательного контента и социо-рекламы, находится на перерождении. Сообщество Сценаристов, Сообщество Геймрайтеров и Сообщество Копирайтеров временно перешли в подчинение почетного заместителя Пятого. К сожалению, заместитель не имеет права голосовать.

— Шестой, модератор производства товаров народного потребления, приветствует Мудрейшего и всех членов Совета.

Шестой часто-часто, как деревянный болванчик, закивал из окошка первого слоя. Его глаза, немного раскосые, излили на членов Совета скудную порцию маслянистого дружелюбия. Дракон, его аватар, выпустил из пасти огненный залп.

— *С. дм. й, мод…р…* — Полупрозрачный Утяш затрясся и исчез из конференц-зоны.

Детское лицо в окошке прямой трансляции недовольно насупилось и тоже исчезло.

— Автоматический секретарь Совета Восьми приветствует Мудрейшего и всех членов Совета. Довожу до вашего сведения, что Седьмой, модератор сбыта и социо-денежных отношений, в данный момент достиг возраста шести лет. К сожалению, ему пока сложно участвовать в Совещании на такой глубине, и он не имеет права голосовать до двенадцати лет.

Восьмой — Мудрейший — как обычно, молчал. Его лицо в первом слое оставалось бесстрастным. Его аватар не явился в конференц-зону.

Его аватар пребывал в двенадцатом слое.

После официального приветствия немного расслабились, обсудили здоровье Родных, последнюю серию «Фестивальных

страстей» (без Пятого сюжет буксовал), дизайн новой мебели (все лицемерно хвалили, Первый, дурак-дураком, горделиво цокал копытом после каждого комплимента), смешные ошибки в программах (не в обиду Третьему, так, для смеха). Потом Второй перешел к повестке.

— Мы собрались здесь по просьбе Мудрейшего, — сказал он. — Чтобы обсудить проблему Зеро. Мудрейший хочет сделать какое-то заявление… Господа! Милости прошу всех нырнуть.

Золотой Конь, Осьминог, Крылато-хвостатый, Дракон и голубоглазый красавец исчезли из конференц-зоны.

Осьминог возвратился первым, спустя минуту. Остальные подтянулись за ним.

— Я в замешательстве. — Второй протер влажный лоб салфеткой «мне повезет»; щупальца осьминога нервно подрагивали. — Вы все слышали, господа, какое предложение внес Мудрейший…

Третий хмуро кивнул рогами; его бледное лицо в первом слое тоже было покрыто испариной.

Золотой Конь самодовольно заржал, но в окошке прямой трансляции на физиономии Первого отражалось смятение…

«Ничего ты не слышал, дурак, — злорадно подумал Второй, — ты и восьмой-то слой держишь с трудом, куда уж тебе до двенадцатого! Да еще и мимику свою не контролируешь в первом слое. Совсем убогий».

Нужно было поторопиться с рассылкой, но Второй не смог удержаться отказать себе в удовольствии. Спросил Первого:

— Вы тоже хорошо все расслышали?

Конь тряхнул сияющей гривой; Первый злобно, затравленно зыркнул из окошка прямой трансляции.

Первый: я все слышал

Второй: согласны со словами Мудрейшего?

Первый: абсолютно согласен

Ну вот и славненько.

— Что ж, коллеги, — сказал Второй, — для вашего удобства я все же сделал стенограмму заявления Мудрейшего и разослал документ. Полагаю, будем голосовать.

В первом слое Первый вытаращил глаза и разинул рот. Ознакомился с документом.

Начинаем голосование…

Вы согласны с предложением Мудрейшего? да нет

Второй кликнул *да* в открытом режиме. Пусть все видят, что он согласен. Должно, должно получиться! Он рассчитывал на

большинство: все складывалось удачно. Первый точно теперь проголосует «за», он уже ляпнул, что согласен, и не станет терять лицо, если только он не полный кретин. Он и так бы, скорее всего, был «за» — просто чтобы избавить себя от ныряния и всеобщих насмешек. В двенадцать лет он имел глупость признаться, что не смог отыскать Ныряльщика, — с тех пор над ним издеваются… Седьмой и Пятый не голосуют, это удачно, Шестой и Третий, наверное, будут против. Но Четвертая должна согласиться — это нас уже, значит, трое. Против двух. Получается большинство. А может быть, и Дракон согласится. В конце концов, он умный мужик, Шестой, зачем ему проблемы со сбытом в *социо*… А подо мной — ПСП и ПСПН, исправительные и психушки, уж я ему проблемы устрою… Будет против, арестую половину поставок — давно уже пора, кстати. А то на его фабриках что трусы, что сапог, что зубная щетка — все из одного вонючего дерьма делается…

…Голосование окончено.

Предложение Мудрейшего принято большинством голосов.

Волк

Он накрутил на палец ржавую прядь.

— Я покрашусь, — сказала она. — В черный цвет.

— Зачем?!

Клео натянула простыню на лицо.

— Лейла говорит, что я неухоженная. Что в Резиденции женщины должны заботиться о своей внешности и соответствовать глобалоидным стандартам. А у меня волосы — как развалившийся лесной муравейник. Она обещала дать мне черную краску.

— У тебя волосы, как разлившийся мед. — Он погладил рыжую макушку. — Лейла просто завидует. Таких волос ни у кого больше нет.

— Вот именно. У Живущего в целом темные волосы. Я должна выглядеть как все.

— Не хочу, чтобы ты выглядела как все. К тому же у тебя все равно не получится.

Он аккуратно стянул простыню с ее лица. Такая белая кожа. А под глазами и на носу — словно песчинки с площади Золотого Сечения…

Он провел рукой по ее щеке, шее. С трудом просунул руку под простыню — она опять завернулась в нее плотно, как в кокон, — и тут же отдернул.

— Ты снова его надела?

— Это другой костюм… — Клео торопливо раскрылась, чтобы он убедился. — Не такой, как вчера. Облегающий, ультратонкий, для чувствительного контакта. Тебе понравится… в смысле… ну, он правда совсем— совсем тоненький. И почти прозрачный.

Восьмой провел пальцем по прохладной поверхности окка[6]. Толще, тоньше — какая разница… Ему не нравилась эта гладкая пленка. Термоустойчивая, не пропускавшая ни запах, ни влагу. Делавшая одинаковыми на ощупь сосок и лобок. Разделявшая их тела.

Позволявшая им соприкасаться по-настоящему, кожа к коже, лишь в области гениталий.

Он лег рядом с ней, но не касаясь ее.

— Зачем костюм? Я что, физически тебе неприятен?

— Яппп, ты же знаешь, что очень привлекаешь меня физически! До тебя я вообще не получала удовольствия в первом слое.

— Я только что принял душ. Я не липкий, не заразный, не грязный. **У** меня нет кожных болезней. Ты тоже чистая и

здоровая. Не понимаю, зачем ты напялила этот окк.

— Ты каждый раз…

— Я каждый раз не понимаю!

— Я надела окк, потому что… например, я могу вспотеть.

— Мне плевать.

— Это неприятный физиологический запах.

— Мне нравится, как ты пахнешь.

— Во время *акта* повышается температура. Кожа станет горячей.

— Мне нравится, когда ты горячая.

— Послушай! — Она села, внезапно чему-то обрадовавшись; подтянула к подбородку обтянутые окком колени. — Вот я специально спросила Лейлу. Только что. Она говорит, они со Слугой тоже всегда в контактных костюмах. Так все делают. Для гигиены и психологического комфорта. Ну… просто так принято. Ну, родной…

Он вздрогнул: когда Клео его так называла, он сразу вспоминал Ханну.

— …ну давай попробуем в этом! Мне сделали его на заказ. Если понравится, Дракон запустит их в производство…

— Дракон? Шестой?

Она кивнула.

— При чем тут Дракон?!

— Ну, он сказал, с учетом твоих пристрастий… в смысле, раз тебе так нравится тактильный контакт… наверняка таких, как ты, много, Дракон сказал, это можно сделать массовым фестивальным трендом — ультратонкие прозрачные окки… А зам Пятого обещал запустить в *социо* рекламные ролики — конечно, если тебе и правда понравится этот окк…

— Яппп… — Мудрейший закрыл руками лицо. — Лейла, Шестой, Пятый… Ты со всеми успела уже обсудить нашу сексуальную жизнь?!

— Не со всеми. Только с теми, кто у меня во френдах… А что?

— Ты правда не понимаешь?

— Квин. — Она раздраженно тряхнула медовыми волосами. — Конечно, не понимаю.

Она правда не понимала. Что-то в нем не сходилось: эта его гипертрофированная застенчивость, болезненная скрытность (как будто *акт* — какая-то неприличная тайна) — и невероятная, противоестественная, бесстыдная готовность касаться чужого тела. Это в *люксурии* можно быть вонючим, горячим животным — и при этом создавать восхитительный *акт*. Но не здесь же, не в первом слое! А он как будто бы не сознавал разницы… Она

покосилась на Мудрейшего — он лежал на боку, прижав к животу колени, голокожий, нелепый, без одежды, без ок— ка, — и раздражение сменилось вдруг жалостью.

«Он ведь не подключен, — сказала она себе. — Он один, совсем один в своем теле, я должна это помнить. Он не привык делиться с друзьями, потому что у него нет друзей в списке. И даже списка нет. Невыносимая пустота. Я должна быть к нему терпимой…»

Клео взъерошила его волосы запеленатой в контактную пленку рукой. Тончайший окк. Она почти что чувствовала тепло его кожи… Зачем раздражаться? Надо ласково и спокойно ему все объяснить:

— Обсуждать с друзьями такие вещи совершенно нормально. *Акт* — это ведь не что-то интимное. Это делается на фестивалях и в люксурии. Это делается при всех. И со всеми…

— Не хочу, чтобы ты делала это со всеми, — сказал Мудрейший. — Обещай, что не будешь.

— Не буду. — Она с трудом сдержала улыбку.

Он был как капризный ребенок. Тыкал в нее пальцем и канючил: «моё»… Ну, то есть с первым слоем все ясно: у членов Совета должны быть постоянные женщины для «личного пользования». Поначалу это ее немного шокировало, но потом она признала, что так и правда гигиеничнее и удобнее… В любом случае она ничего не имела против того, чтобы в первом слое вступать в контакт только с ним. Да ей и в голову не пришло бы взять себе еще одного партнера по доброй воле…

Восьмой это понимал и не тревожился из-за первого слоя. Он тревожился из-за третьего. Ревновал ее к режиму *люксурия.* Просил даже там не иметь ни с кем *актов*…

Это было глупостью. Абсурдом. Неврозом. Требовать от нее воздержания в *садах удовольствий!*

Требовать соблюдения каких-то условий в пространстве абсолютной свободы.

Так и не убедив его в нелепости этих просьб, она стала давать обещания. Это было смешно — он ведь даже не мог проверить, — но так ему становилось спокойнее…

Он всегда замечал, когда она *там.* По ее лицу в первом слое. У нее становилось такое лицо, как будто ей больно. Как будто она беззвучно кричит или собирается плакать. Она не отрицала, что заходила в *люк— сурию,* но послушно врала насчет *акта.* Говорила, что *акта* у нее ни с кем не было. Что она навещала волчат…

Восьмой по-прежнему лежал на боку. Она обняла его сзади, животом и грудью прижалась к его спине.

— Так что, мы будем испытывать окк? Если тебе понравится…

— Мне не понравится, Клео.

— Но…

— Мне понравилось, как было тогда. В первый раз. Без всякого окка…

Он по-прежнему называл тот *акт* «первым разом».

Некоторое время они оба молчали. Снизу, из сада, доносились обрывки скандала. Это Лейла в первом слое общалась с новенькой — дополнительной женщиной Слуги Порядка, взятой месяц назад. Голос Лейлы, злой, но при этом как будто испуганный, срывался на визг. Голос новенькой звучал тихо, но довольно уверенно. Кроме Лейлы, визжали еще Лейлины дети.

— Скажи, что ты меня любишь, — попросил вдруг Восьмой.

— Живущий полон любви…

— Нет, не так!

— А как?

— Скажи, что любишь только меня.

— Но так не бывает…

Она почувствовала, как дрожат его плечи.

— Ты здоров?

— Если можешь, не прижимайся ко мне этой пленкой. Мне от нее холодно.

Она отодвинулась.

Полуистлевшее, ломкое, как крыло мертвой бабочки на ветру, шевельнулось воспоминание. Когда-то — ей было всего пятнадцать — у нее родился Родной. Младенец был нездоров и временно перестал существовать спустя несколько месяцев. Но все то время, пока он был с ней, она заботилась о нем по программе «Мой Крошка-Живущий»: переодевала, кормила, купала, делала массаж и так далее. Для всех процедур она, как полагается, использовала одноразовые контактные перчатки. Когда она трогала его, совсем голого, руками в перчатках, он точно так же дрожал…

не прижимайся ко мне этой пленкой

…как будто от холода. Возможно, несколько раз она даже снимала перчатки, чтобы малыш успокоился. Скорее всего, снимала. Но вспомнить точно она не могла. С первослойными воспоминаниями так всегда: рассыпаются, как вчерашние сны… А из памяти она давно удалила всю папку «Родной» по совету психолога. Сразу после того, как он временно перестал жить. «Отправляйте травмирующие психику файлы в корзину». Все исчезло: фотографии, видеоролики, дневниковые записи. Все забылось — его лицо и глаза, его плач и кряхтенье. Остались

только смутные воспоминания тела… Как он дрожал. И еще тепло его губ, обхвативших набухший сосок.

…Клео медленно сняла с себя окк и прижалась к его голой коже своей голой кожей. Он повернулся к ней и обнял крепко и властно. Горячая паника разлилась в животе. Она почувствовала себя вырванным из панциря слизнем. Он прикоснулся к ее соску языком. Она вздрогнула и закрыла глаза. Спокойно. Спокойно. В конце концов, это тоже он. Ее самец, отец ее мертвых детей. Тот, по кому она так тосковала все это время.

В третьем слое она судорожно нырнула в *люксуршо.* Открыла *лес* и *нору,* сохраненные в личных настройках.

в данный момент кроме вас здесь никого нет
пригласить для акта друзей самостоятельный акт

Она крадется по влажной траве, петляя и иногда резко уходя в сторону, чтобы запутать следы. Наконец подходит к норе и просовывает голову внутрь. Пахнет гнилью, землей и грибами и ее собственной прелой шерстью. Им не пахнет. Белоглазый волк, рожденный той же матерью, что и она, не приходил сюда без нее…

…Она сама давно уже здесь не была. С тех пор, как они привезли ее в Резиденцию и она поняла, что он никогда не вернется в их общий дом.

Но пока оставалась надежда, она часто приходила сюда. Она ждала его день за днем, охотилась и утепляла нору, и прислушивалась к биению четырех новых сердец в своем теле. Потом настал срок, но что-то пошло не так — она не смогла дать им жизнь. Волчата родились мертвыми, хотя *люксурия* и обещала всем пользователям воплощение самых изощренных фантазий. Она перегрызла скользкие пуповины и ушла рыть яму в мерзлой земле. Потом по очереди перетаскала туда четыре остывших шерстяных тельца. На зубах остался кислый вкус падали.

Потом она *создала* в небе гнойно-желтую, обгрызенную с правого бока луну и громко завыла. Она надеялась, что он все же придет. Хотя бы сейчас. Оплакивать их общих детей.

Он так и не появился, и, отчаявшись, она несколько раз приводила к норе других партнеров из списка. Никто из них не смог подарить ей такой же *акт,* как когда-то подарил он. Когда она принимала облик волчицы, они заводились, но их фантазии были убоги. Все ограничивалось ролевой игрой «охотник и жертва» с примесью садомазо: одни превращались в дурацких мышек и зайчиков и кидались ей в пасть, другие сами брались за

ружье… Она прерывала *акт,* возвращалась к яме и тихо, протяжно выла.

Она скучала. Она была *его* самкой. Он такой ее *создал.* Возможно, поэтому она и согласилась жить при нем в Резиденции. Из-за того *акта,* а не из-за всяких там привилегий вроде лаборатории и социо-денег.

…Она *создает* день на закате, и огненное солнце, и птиц, поющих в светящихся кронах. Она создает охапки разноцветной листвы и катается по ним на спине. Она позволяет себе слышать человеческие стоны из первого слоя. Свои собственные и того, кто никогда не придет к ней сюда.

Когда она уже близка к завершению, когда она, свесив язык и часто дыша, выгибается, напрягает хвост и все ее восемь сосков твердеют, она вдруг слышит шаги и видит рядом с собой чью-то длинную тень. *произведен гостевой вход ПСП* Она поднимает глаза.

Лицо гостя намазано слоем краски и пудры, как у фестивального клоуна. Слуга Порядка. У него есть доступ даже сюда. Он вваливается в ее фантазию по-хозяйски нагло, как в собственную ячейку.

Она приподнимает верхнюю губу, обнажив передние зубы, и тихо, глухо рычит.

Слуга: смерти нет! клео: изоп

Слуга: у меня сообщение для Мудрейшего клео: я что, электронный секретарь?

Слуга: не злись, собачка © тебя это тоже касается, когда закончите, передай Мудрейшему, что я вызываю вас обоих в лабораторию

клео: ты не можешь ВЫЗВАТЬ Мудрейшего, только нижайше просить

Клоун улыбается и садится с ней рядом на землю. Ворошит разноцветные листья рукой в блестящей желтой перчатке. Подцепляет дождевого червя, подносит к лицу и рассматривает, сжав между большим и указательным пальцами.

Слуга: предположим, это Мудрейший *Червь извивается и закручивается в неровные кольца.* Слуга: смотри, я могу раздавить его двумя пальцами, а могу отпустить

Он разжимает пальцы; червь падает в осенние листья. Несколько секунд лежит неподвижно, притворяясь неживым, потом нерешительно зарывается вглубь.

Слуга: но сегодня я добрый, будьте в лаборатории через час клео: зачем?

Слуга: повторный эксперимент

клео: это невозможно!! проводить эксперимент пока рано, муравьи и термиты дают плохой результат Слуга: сколько погружений? клео: не больше двух Слуга: этого будет достаточно

Слуга вдруг вышел — по-хамски, даже не попрощавшись, — она осталась одна. Поджала хвост, заползла в нору. Завершать *акт* уже не хотелось.

Хотелось снова вызвать из памяти самодовольного призрака; когтями, клыками разодрать его мертвую глотку — за то, что солгал… За то, что оставил ни на что не годную «битую» формулу. Она свернулась клубком и заскулила тонко, ноздрями. Далекий, жалкий, слышался из первого слоя голос Зеро: — Тебе хорошо?.. Скажи, тебе со мной хорошо?..

Тезки

От кого: Слуга
Кому: Четвертая
Тема: *FW:* «луч Л-Л: результаты»

текст пересылаемого сообщения:

«2 сентября 471 г. в лаборатории Резиденции мною повторно был произведен эксперимент на людях с направленным лучом Лео-Лота на аппарате „Диво-4“.

В эксперименте приняли участие добровольцы:

1. Зеро (Мудрейший).
2. Слуга Порядка.

Оба добровольца были помещены в камеры Робертса (новейшая модель «Диво-14»). Обоим была сделана тестовая инъекция экспериментального препарата Л-Л.

Это последняя, новейшая версия препарата Л-Л, над которой я работала в течение месяца. Данная версия препарата пока дала лишь слабоположительный результат в экспериментах с термитами Heterotermes indicola (мне удалось проследить до двух воспроизведений у нескольких взрослых особей) и, на мой взгляд, еще нуждается в доработках.

Эксперимент на людях представлялся мне преждевременным и был проведен исключительно по просьбе Слуги. Как и следовало ожидать, он закончился неудачей. Ни у Зеро (лишенного инкода априори), ни у Слуги (обладающего стандартным инкодом) облучение в камере Робертса непосредственно после введения дозы препарата Л-Л, облегчающего прохождение луча, не дало результатов.

Прошу сохранить за мной лабораторию для дальнейшей работы над препаратом…»

Яппп, ну чем же мы хуже термитов))

А если серьезно, что скажете?
С уважением,
С.

P.S. В ответ на данный отчет запрашиваю отчет о результатах первого эксперимента с лучом Лео-Лота в 451 году.

От кого: Четвертая Кому: Слуга
Тема: *RE:* «луч Л-Л: результаты»

Пусть пока продолжает.
(отрицательный результат — тоже результат)

С уважением,
4.

P.S. Как Вам известно, эксперимент Лео-Лота в 451 году прошел неудачно; отчетов не сохранилось.

От кого: Слуга
Кому: Четвертая
Тема: кого вы пытаетесь обмануть
По моим сведениям, в свое время Вы все-таки получили отчет профессора Лота об эксперименте с лучом. Так что Вы уж расшарьте его со мной, будьте любезны!

С уважением,
С.

От кого: Четвертая
Кому: Слуга
Тема: *RE:* кого вы пытаетесь обмануть

Милый Слуга,
Так называемый «отчет» профессора Лота представляет собой классическую «записку сумасшедшего». Какой смысл его нам с Вами расша— ривать, не понимаю.

С уважением,
4.

От кого: Слуга
Кому: Четвертая
Тема: *RE: RE:* кого вы пытаетесь обмануть
И все же этой «записки сумасшедшего» Вам хватило, чтобы запретить и засекретить все исследования в этой области. См. сабж письма.
Расшарьте.

От кого: Четвертая
Кому: Слуга
Тема: *RE(3):* кого вы пытаетесь обмануть

Ну, извольте.

«прах — 5 секунд тьмы — жизнь — 5 секунд тьмы — прах, все добровольцы собачки показали одинаковый результат, непрерывность смерти».

От кого: Слуга
Кому: Четвертая
Тема: *RE (4):* кого вы пытаетесь обмануть
Изоп, что это значит?!

От кого: Четвертая
Кому: Слуга
Тема: *RE (5):* кого вы пытаетесь обмануть

Сумасшедший профессор, кажется, пытался сказать, что человек смертен ©.

По крайней мере, при желании его «отчет» можно так трактовать.

А желающие, как мы знаем, всегда найдутся.

Поэтому я сочла за благо не предавать документ Лота огласке.

P.S. Я, в свою очередь, жду от Вас отчета по «тезкам» за август.

От кого: Слуга
Кому: Четвертая
Тема: Отчет
За август 471 г.:
Всего 5 пар «тезок» (ср. июль: 3; июнь: 2).
1) 3 авг.: 14.03
№ 2 690 460 437: мутационные тезки в зародыше с разницей в 2 секунды; апоптоз старшего через 8 часов (не замечен); младший разв. по норме.
2) 8 авг.: 23.45–23.52
№ 0 639 443 649: мутационные тезки в зародыше с разницей в 7,6 минуты; апоптоз в течение суток отсутствует; устранен (по умолчанию) младший в зарод, через 24 часа вместе с биологическим носителем. Носитель воспр, по норме.
3) 16 авг.: 19.22
№ О ООО 009 254: мутационное одиночное воспроизведение на фоне взрос, тезки; апоптоз в течение суток отсутствует; устранен старш. тезка (возраст 56, муж. п.) через 25 часов; младш. разв. по норме.

4) 26 авг.: 15.40

№ 0 004 727 556: мутационные тезки в зародыше после замершей п. (3 часа тьмы) единовременно; апоптоз обоих через 30 мин.; последующая замершая п. (4 часа тьмы), далее воспр. в ед.ч. по норме.

5) 27 авг. — 30 авг.

№ О ООО ООО 203: 27 авг. мутационное одиночное воспроизведение на фоне взрос, тезки; апоптоз в течение суток отсутствует; устранен старш. тезка (возраст 37, жен. п.) 28 авг., через 24 часа. Внимание: через 5 секунд 28 авг. ВОСПР. (!), несмотря на наличие внутриутр. тезки; апоптоз в течение суток отсутствует. Устранен старший 29 авг. в ходе планового медосмотра (не воспр.), биол. носитель сохранен врачом-исполнителем. 30 авг. — официальная жалоба биол. носителя (потеря Родного в связи с халатностью медперсонала). В тот же день приняты меры: устранен врач-исполнитель (воспр. по норме), устранен биол. носитель (замерш. п. до сих пор).

От кого: Четвертая
Кому: Слуга
Тема: *RE:* Отчет Пометка: (!)

Крайне встревожена случаем № 5 от 27–30 авг. Слишком много осложнений. Слуга, работайте аккуратно!

Вовлечение сторонних участников неприемлемо!! Вторичный тезка — беспрецедентно.

Мудрейший

Проходя мимо прозрачно-голубоватой кельи Ныряльщика, Зеро остановился. Ныряльщик сидел в своем чудо-кресле, развернутый лицом к двери. Искусственные водоросли сплетались за его спиной в доступно— бурую паутину. Зеро в который раз подумал, что Ныряльщик, как когда— то Крэкер, напоминает ему паука — большого неподвижного паука, затаившегося под сенью своей хитроумной ловушки в ожидании жертвы, — а его келья похожа на одиночную камеру в Спецкорпусе… И в который раз отмахнулся от этой мысли. Из одиночки в Спецкорпусе нельзя выйти, а тут — дверь открыта. Правда, Ныряльщик все равно не может воспользоваться свободой, встать и уйти… *Просто не хочет,* — быстро поправил себя Мудрейший, — *Считает любое внешнее движение излишним…*

Слуга как-то раз объяснил, что они с отцом специально попросили дизайнеров оформить келью в стиле «подводного мира». Это символично: ведь Ныряльщик отрешился от всего наружного, бренного и погрузился на *глубину,* недосягаемую ни для кого из живущих (кроме восьми модераторов), чтобы оттуда, из самого глубокого слоя, смотреть на мир незамутненным всевидящим взглядом, издавать мудрые указы и наставлять остальных членов Совета Восьми, когда они опускаются к нему за советом. По крайней мере, так было раньше.

Так было, пока Ныряльщик не дал модераторам свой последний совет…

…Ровно месяц назад, в тот день, когда Зеро доставили в Резиденцию (он не знал, куда его везут и зачем, и был уверен, что едет на казнь), Слуга Порядка зачитал ему вслух слова Последнего Наказа Мудрейшего:

«Друзья мои, я бесконечно устал. Пришло мое время: я хочу *утонуть.* Я отхожу от дел и навсегда погружаюсь в тринадцатый слой. Там вы не сможете меня посещать, потому что оттуда не возвращается никто из живущих. Место Мудрейшего не должно пустовать, а потому незамедлительно возьмите мне замену, но не ищите ее среди мне подобных. В наши трудные дни, когда *угроза* идет снаружи, не Ныряльщик должен осуществлять руководство. Не Ныряльщик, но тот, кто хорошо знаком с первым слоем, кто ориентируется во *вне* так же хорошо, как я — в *глубине.* А потому на место Мудрейшего возьмите Зеро — того единственного, кто живет без инкода, — и простите ему все его прегрешения, ибо он

как дитя… Торжественно назначаю Зеро своим преемником в Совете Восьми. Он видит то, чего не видите вы, прожившие множество жизней. Он даст вам мудрость, и это будет мудрость ребенка».

Совет согласился с решением Ныряльщика, хотя — впервые — не единогласно. Голосовали пятеро. Трое «за», двое «против».

— Везучий ты, сукин сын, — сказал тогда Слуга, вводя его в Резиденцию. — Еще один голос против, и я бы привез тебя не сюда, а на паузу. Теперь смотри… — Слуга Порядка вытащил из-за пазухи стопку листов, исписанных крупным округлым почерком. — Узнаешь?

— Да. Это мои письма себе.

— Мы заведем для тебя ячейку в «Ренессанс-банке», — сказал Слуга. — Положим туда твой дневник, тот, что ты забыл в исправительном Доме. И эти твои письма положим. Все, кроме… — Слуга извлек из пачки листок, — кроме вот этого. «Чудо». — Он раздраженно тряхнул листком в воздухе, точно тот был скользким питомцем и норовил вывернуться из его пальцев. — «…Я умер и воскрес, повинуясь четкому плану. Повинуясь моему другу Крэкеру…» Это письмецо мы с тобой уничтожим. Излишние подробности, объяснения… Они ни к чему. Ограничимся просто «чудом». Ты умер и воскрес. Точка.

Слуга разорвал письмо в мелкие клочья; звук рвущейся бумаги показался Зеро оглушительным.

— Ты умер и воскрес, чтобы занять ответственный пост Мудрейшего. Повтори.

— Я умер и воскрес, чтобы занять пост Мудрейшего, — послушно отозвался Зеро, не слыша собственного голоса. Слова слетали с его губ пустыми шелестящими оболочками. В них не было смысла. В них не было ничего.

Снаружи Резиденция показалась Зеро неприятно похожей на Ферму. Та же четырехметровая бетонная ограда. То же голубое свечение электромагнитного барьера. Но там, за оградой, все было совершенно иначе. Там пахло не страхом, а жасмином, мятой и цитрусами из Доступного Сада. Главное здание Резиденции — роскошный терем из разноцветного камня, стекла и дерева — утопало в цветах.

и простите ему прегрешения, ибо он как дитя

Это здание было похоже на замок из его детского сна. Замок, который он всегда хотел построить для Ханны… Зеро улыбнулся и вошел внутрь вслед за Слугой. В голове бестолковым волчком вертелись и дребезжали обрывки фраз —…будешь пленен, но Слуга возвысит тебя…

Он даст вам мудрость ребенка… луч явил твое великое

будущее… — вертелись, пока не осталась только одна. Ты умер и воскрес, повтори. Ты умер и воскрес, повтори. Ты умер и воскрес, повтори…

…Уйдя с поста Мудрейшего, Ныряльщик оставил за собой свою келью. Преемнику выделили апартаменты с ним рядом, и все тридцать дней, проходя мимо по коридору, Зеро останавливался, чтобы вглядеться в неподвижный безоблачный лик своего предшественника. Сегодня, в день презентации своего первого законопроекта и доклада по «проблеме несогласных», Мудрейший простоял перед кельей особенно долго.

Ныряльщик сидел, бессильно свесившись набок, — тонкая иссохшая шея не выдерживала тяжести его головы.

Зеро прижался лбом к холодному голубому стеклу.

— Смерти нет, Ныряльщик, — прошептал он. — Я знаю, ты меня слышишь. Ведь ты как Крэкер. Ты держишь все слои, просто не тратишь энергию понапрасну… Сегодня особенный день. Моя первая конференция. Перед тем, как она начнется, я хотел бы сказать… Я хотел поблагодарить тебя за все, что ты для меня сделал. Это ведь ты прислал мне ту анонимку? Я знаю, ты. Я помню ее наизусть. «Не верь обману. Луч Лео-Лота явил твое великое будущее. Но у тебя отняли будущее, открытие уничтожили, а ученых заставили замолчать, лишь бы ты остался нулем. Лишь бы ты не стал тем, кем должен был стать во славу Живущего»… Сжеч, ты помог мне вернуть мое будущее! Каких дел ты ждешь от меня теперь? Каким видишь мое служение Живущему? Какие слова я должен сказать сегодня членам Совета?.. Надеюсь, я все сделаю правильно и ты никогда не станешь жалеть о своем решении… Знаешь, я не спал сегодня всю ночь. Писал свою Первую Речь к презентации… Давай я тебе ее сейчас зачитаю. Она короткая, квин, много твоего времени не займет…

Мудрейший вгляделся в полуприкрытые, закатившиеся глаза Ныряльщика, и ему показалось, что узкие полоски белков слегка замерцали. Значит, ему все-таки интересно. Мудрейший прочистил горло и тихо заговорил, почти касаясь губами стекла; его слова расползались по голубой стенке кельи дымчато-теплыми пятнами:

— Восьмой, Мудрейший, приветствует всех членов Совета. Я, к сожалению, пока не подключен к *социо* и вынужден обращаться к вам в первом слое; однако, надеюсь, уже к следующему заседанию эта проблема будет устранена… Друзья мои! Я благодарен вам за оказанное доверие. И, квин, я положу все силы на то, чтобы его оправдать. Какие бы страшные ошибки я ни

совершал, клянусь — всю свою недолгую жизнь я мечтал стать полноценной частью Живущего. Теперь моей мечте суждено сбыться. Сегодня, друзья, я поделюсь с вами своими соображениями касательно «проблемы несогласных». Не буду злоупотреблять вашим вниманием и перейду сразу к делу. Чтобы решить какую бы то ни было проблему, необходимо сначала уяснить для себя причину ее возникновения. Чтобы излечить больного, необходимо диагностировать болезнь, а не пытаться свести на нет симптомы. Уверен, что появление Несогласных — это всего лишь симптом того, что Живущий страдает. Так что же является причиной его «болезни»? Друзья мои! Я думал об этом все тридцать дней, что нахожусь в гостеприимных стенах Резиденции. Наверное, я думал об этом и раньше, — подсознательно, безотчетно, — в своей прошлой жизни, до воскрешения. В исправительном Доме. И вот что я понял: Живущий страдает…

Кукла

— …из-за недостатка любви. Хоть мы и говорим, что Живущий полон любви и каждая его частица любит другую, на практике это не совсем так… так-так… не следует пода… что за слово? не разобрать… а! подавлять инстинктивную привязанность… — сынок, дай-ка мне лупу!.. — биологических Родных друг к другу… любовь между мужчиной и женщиной… возрождать древние семейные ценности… институт брака… кхм!… и бла-бла-бла… и… яппп! реформа исправительных Домов… ответственность за допаузные преступления представляется… хэк— кхэм!.. сомнительной… — Второй отложил лупу и исписанный Мудрейшим листок. — Сто лет не читал в первом слое, надо же, зрение как упало… Ну что я могу сказать. Потрясающе!

Второй откинулся на спинку кресла, собрался было рассмеяться, но вместо этого хрустко, влажно закашлялся — как будто в груди у него кто-то месил покрытый коричневой коркой полурастаявший снег. «Какой он старый, — подумал Зеро, — противоестественно старый; организм Живущего не должен носить в себе таких стариков, тем более среди руководства, в самом, как говорится, „мозгу“»… А вслух сказал:

— Значит, вам нравится моя речь?

— Конечно же нравится! — Второй прижал к бороде салфетку и выхаркнул из себя остатки смеха и кашля. — Читается как синопсис фантастического сериала…

…Мудрейший видел старика третий раз в жизни. Их первая встреча состоялась месяц назад, в тот день, когда Зеро привезли в Резиденцию. Тогда старик потряс его невероятной ветхостью тела (Второй выглядел не просто старым, он выглядел *неживым)* в сочетании с абсолютной ясностью ума. Второй был с ним по-отечески ласков, сердечно поздравил с назначением и даже натянул на свою рябую и сморщенную, исчерканную вздувшимися венами пятерню контактную перчатку для совершения старинного обряда рукопожатия. Услышав, что Мудрейшему нравятся ароматы первослойных цветов и трав, Второй немедленно распорядился выделить ему апартаменты с окнами в сад… Вторую встречу и встречей-то назвать было нельзя — спустя несколько дней старик свалился с воспалением легких, и Зеро зашел его навестить; Второй лежал с широко открытыми глазами и дышал со свистом и клекотом; гостя он не заметил — вероятно, отдыхал от своих страданий в глубоких слоях… «Не выкарабкается, — подумал тогда Зеро. — Жестоко так его мучить,

ему бы паузу милосердия…»

Но старик был упрямым. И сегодня, в день заседания Совета Восьми, он нашел в себе силы встать и проследовать в конференц-зал. Однако мысли его на этот раз явно путались:

— …Пожалуй, отошлю этот текст заместителю Пятого — чтоб скинул своим ребятам из Сообщества Сценаристов, идея-то золотая, пусть вот займутся, а то у них там какой-то в последнее время застой…

«Заговаривается, — с грустью понял Зеро. — Просто старость взяла, наконец, свое. Или, возможно, у него бред из-за лихорадки. *Как у Эфа там, в зоопарке…*» Мудрейший поморщился и отогнал от себя эту мысль. Он умер и воскрес. Планетарник, бредивший в клетке орангутанов, был из другой, *прошлой* жизни. Теперь все иначе. Он умер и воскрес. Он член Совета Восьми. Он как дитя, и ему все простилось…

— При чем тут сценаристы?.. — Зеро выразительно взглянул на Слугу Порядка: мол, плохо дело.

Слуга молчал. Странно как-то молчал.

— По-моему, вы немного не поняли, — Мудрейший постарался говорить внятно и громко, чтобы слова его пробились через коросту стариковского морока. — Это не идея для сериала. Это текст моей Первой Речи для заседания Совета Восьми. Оно начнется через пятнадцать минут. С прямой трансляцией отсюда, из первослойного конференц…

— Изоп, — резко сказал Второй; его лицо под белоснежной бородой побагровело от кашля и злости. — Я знаю, что когда где начнется. А вот ты действительно немного не понял, сынок. Вот это… — Второй схватил со стола листок с речью Мудрейшего и потряс им в воздухе, — это может понадобиться кому-то из членов Совета Восьми только с одной-единственной целью: подтереть зад. Теперь слушай меня очень внимательно. Слушай внимательно… — Второй вдруг понял, что потерял мысль. — Слушай и запоминай своей первослойной извилиной…

— Отец!.. — Слуга Порядка укоризненно покачал головой.

Слуга: ты перегибаешь палку!! лучше вести себя вежливо и корректно!

Второй: изоп

Второй прикрыл глаза — короткие седые ресницы утонули в набрякших веках — и создал новый документ на *рабочем столе.* В *социо* легче формулировать мысли, чем сразу вслух. Он сохранил документ под именем «О» и быстро вбил туда, прямо по пунктам, все, что хотел сказать этому идиоту. Потом прочел вслух:

— Значит, первое. Ты никогда не будешь подключен к *социо.* Тебя взяли как «профессионального» первослойника —

первослойником ты навсегда и останешься. Так что не морочь, пожалуйста, голову ни сисадминам, ни членам Совета. Ты будешь пользоваться внешним *социо-спо-* том с монитором, через него ты сможешь отправлять и получать некоторые сообщения. Этого будет достаточно. Второе. Тебя взяли не для того, чтобы ты делился с членами Совета своими бредовыми идеями. Поскольку сейчас… — Второй раздраженно ткнул узловатым пальцем в листок с речью Зеро — мне уже абсолютно ясно, что ты не в состоянии предложить ничего дельного, отныне и впредь на заседаниях Совета Восьми ты будешь озвучивать текст, который я тебе дам…

— При всем уважении… да что вы себе… как вы смеете?!

Мудрейший физически ощутил, как гнев затопил его голову и лицо горячими пульсирующими волнами, а потом вдруг схлынул вместе с бешено клокочущей кровью, оставив после себя лишь звенящую пустоту.

— В Совет Восьми меня назначил Ныряльщик, — белыми губами сказал Зеро. — Второй, вы не вправе ни говорить со мной в таком тоне, ни мной понукать. Я — Мудрейший. И мои соображения…

— Ты — ноль без палочки! — Второй по-вороньи закашлялся.

Слуга: отец, прекрати! не надо его провоцировать!

Второй: изоп! у меня нет времени возиться с этим ублюдком, не видишь, у меня вот-вот пауза!

Слуга: тем более нужно вести себя осторожно

Второй: с этим ничтожеством?! Он настолько глуп, что даже не понимает, зачем он здесь оказался. Яппп! у него есть СООБРАЖЕНИЯ!!!

Слуга: он уже не ничтожество, мы сами возвысили его до такой степени, что он может создать проблемы, так что лучше его гладить по шерстке, извинись, скажи что погорячился, нам не нужен этот конфликт на пустом месте…до начала всего десять минут!!

— Я старший по рангу, вы должны относиться ко мне с уважением, — промямлил Зеро и содрогнулся от отвращения к себе самому. Его голос звучал тихо и как будто просительно, словно он клянчил добавки к обеду в столовой Дома.

Второй коротко хрюкнул — не то кашлянул, не то засмеялся, — но промолчал.

— Я Восьмой и Мудрейший, — Зеро постарался придать голосу твердость. — Меня назначил Ныряльщик. Вместо себя.

— А вот это правильно, — недобро усмехнулся Второй; черные глаза его мутно блеснули, как спинки жуков,

копошащихся в засохшей земле. — Ты вместо Ныряльщика…

Слуга: только не говори лишнего

— …и твое дело быть такой же куклой, как он.

Слуга: да заткнись же ты!!

— Отец, у тебя жар, — сказал Слуга вслух. — Ты оскорбляешь Мудрейшего и Ныряльщика. Сам не знаешь, что говоришь. Боюсь, сегодня тебе не стоит принимать участие в заседании.

— Что значит «куклой»? Что он имеет в виду? — чужим, комариным каким-то голосом поинтересовался Мудрейший. — Я предам ваши слова огласке на заседании Совета…

Слуга: видишь что ты наделал старый дурак переходи к плану В.

Второй приоткрыл рот — маленькую темную дырку в седых зарослях бороды — и зашелся в приступе кашля. Белесый язык то высовывался наружу, как любопытный червяк из норки, то прятался внутрь.

— Он просто бредит. — Слуга Порядка сочувственно похлопывал Второго по спине. — Он еще нездоров, я зря его поднял с постели…

— Изоп, — старик брезгливо передернул плечами, чтобы Слуга убрал руку.

Приступ кашля прошел, но дышал Второй тяжело. Розовато-белый червяк снова выбрался из норы и потерся о запекшиеся стариковские губы, оставив на них липкий слизистый след.

— Сынок… — Второй посмотрел на Зеро, и Мудрейший отметил, что взгляд его прояснился. — Я был с тобой неподобающе груб. Ты прости меня, старика. Болезнь и тревога пожирают меня изнутри, как некормленые питомцы. Поэтому я бываю несдержан и слегка… не в себе. Так что… могу я рассчитывать на ваше великодушное прощение, Мудрейший?

— Разумеется, — бесцветно и звонко отозвался Зеро. Как кукла. *Я как механическая говорящая кукла…*

Старик с усилием приподнялся и протянул Зеро дрожащую костлявую пятерню. «Прямо так, без перчатки. Очень трогательно», — все так же механически подумал Зеро и пожал протянутую ему руку. Она была сухой и горячей.

Превозмогая отвращение, Второй задержал ледяную руку Мудрейшего в своей. Его сын был прав. Груб, но прав. Не нужно было выходить из себя.

— Ну, без обид, — сказал он. — Теперь на вот. — Второй открыл ящик стола и извлек оттуда замусоленный несвежий листок, исписанный кривыми каракулями с обеих сторон. — Прости за почерк, — старик виновато скорчился. — Практики-то никакой в первом слое… Не то что у вас, Мудрейший.

— Что это? — зачем-то спросил Мудрейший, хотя он прекрасно знал, *что*.

— Это мой вариант вашей Первой Речи, — отозвался Второй.

— Я не собираюсь…

— Прошу вас, — старик примирительно поднял руку. — Для начала просто прочтите. Если не согласитесь с моим вариантом — что ж, предложите Совету Восьми свой. Хотя, на мой взгляд, это будет огромной ошибкой.

— Хорошо. — Зеро взял в руки листок и раздраженно забегал глазами по тексту.

«Восьмой, Мудрейший, приветствует всех членов Совета. Друзья! Я очень волнуюсь и перейду сразу к делу…»

— Если можно, вслух, — попросил Слуга и откинулся в кресле, уютно сложив руки на животе и прикрыв глаза, точно собирался услышать колыбельную на ночь. — Я бы тоже хотел ознакомиться.

— «…Несогласные представляют прямую первослойную угрозу для Живущего. Наш святой долг — бороться с этой напастью во всех ее проявлениях. Чрезвычайно опасны практически все категории несогласных:

Антивекторианцы (несогласные с диктатом инвектора) угрожают принципу профессиональной преемственности Живущего.

Стародживущие (несогласные с возрастным ограничением каждого конкретного воспроизведения) угрожают здоровью и молодости Живущего.

Пред охранительницы (женщины, не согласные с обязанностью обязательного зачатия в результате совокупления) — едва ли не самая опасная категория, они угрожают самому принципу воспроизведения Живущего.

Семейственники группы А (несогласные с необходимостью разлучаться с Родными) угрожают интеллекту, психике и прогрессу Живущего. Эти люди (преимущественно женщины) видят свое «продолжение» в Родных, а не в себе самих. Тем самым они погружают общество в первобытную дикость, замешанную на тяжелых перверсиях и звериных инстинктах.

Семейственники группы В («любовные пары», не согласные с необходимостью частой смены партнера и хранящие так называемую *верность* друг другу) угрожают свободе выбора Живущего, навязывая ему искусственные и вредные собственнические инстинкты.

Трехбожники (несогласные с тем, что нет бога, кроме Живущего, единого в трех миллиардах) — своей абсурдной верой в уродливое божество с тремя головами (голова отца, голова сына

и голова птицы) угрожают культурному наследию Живущего и стремятся подорвать доверие к священному тексту Книги Жизни.

Общество «Доступный мир» (несогласные с отсутствием контакта между Живущим и Братьями Нашими Меньшими) — пожалуй, единственные не представляют угрозы. Живущий действительно очень заинтересован в налаживании контакта с животными и их одомашнивании.

Дорогие друзья! В целях борьбы с первослойной угрозой предлагаю следующее:

— Ужесточить наказание, применяемое к Несогласным. Принудительная пауза с последующим исправлением в соответствующих учреждениях представляется мне адекватной и здравой мерой.

— Соответственно увеличить количество исправительных Домов (как минимум вдвое).

— Ввести режим Чрезвычайного Положения.

О последнем пункте скажу отдельно.

До сих пор лишь Мудрейший каждый раз перед паузой или окончательным погружением подбирал себе на смену нового Ныряльщика (а на этот раз назначил меня). Однако режим ЧП предусматривает для всех членов Совета возможность передачи власти не по инвекторно— му принципу, а по принципу «назначения преемника». Такая радикальная мера предусмотрена для того, чтобы в тяжелые для Живущего времена избегать так называемого «провала в памяти» — длительного и неизбежного при воспроизведении любого члена Совета периода (эмбриональный, грудничковый, детский возраст до 8 лет), когда доступ к ячейке в «Ренессанс-банке» невозможен. Друзья мои! В такой критический момент, как сейчас, столь длительная потеря памяти — а следовательно, и опыта, и всех наработок — для некоторых членов Совета недопустима.

В связи с этим я обращаюсь к уважаемому Второму (и прошу всех членов Совета поддержать мою инициативу) с очень серьезной просьбой. Это просьба — без всякого преувеличения — принести себя в жертву во имя Живущего. Я прошу Второго, модератора спокойствия Живущего во всех слоях, отказаться от своего поста сразу по наступлении паузы и передать бразды правления преемнику.

Модерирование спокойствия (включающего в себя Планетарную Службу Порядка, Психологическую Службу Помощи Населению, систему исправительных Домов и многое другое) — это та сфера управления, в которой не должно быть никаких «провалов» в столь ответственный и нестабильный для Живущего момент. На посту Второго мне видится опытный молодой

профессионал, находящийся в курсе всех сегодняшних аспектов спокойствия и уже перенявший богатейший опыт модератора. Я говорю о Слуге Порядка — начальнике ПСП и биологическом сыне нашего нынешнего Второго. Именно ему следовало бы занять место отца после его паузы — которая, как ни прискорбно, по мнению лечащего врача, уже довольно близка…»

— По-моему, отличная речь, — с довольным видом резюмировал Второй. — Хорошо получилось, правда?

— Вы хотите отказаться от поста в Совете в пользу сына, — тупо сказал Мудрейший.

— Ради Живущего, — кивнул Второй и для пущей торжественности вытаращил свои жуковидные глаза так сильно, что казалось, они вот— вот вылезут из глазниц и улетят, жужжа и покачиваясь, в Доступный Сад.

— Ради Живущего, — эхом отозвался Слуга, весело посмотрел на отца и сложился пополам в шутовском поклоне. — Так как, Мудрейший? Выступите с такой речью?

— Конечно нет, — Мудрейший попробовал рассмеяться, но получилось какое-то скрипучее поскуливание.

— Почему, позвольте узнать? — с неподдельным интересом спросил модератор спокойствия.

Слуга: до начала всего 4 минуты!

Второй: подожди, мне любопытно, что скажет эта зверушка… а ты пока загружай

— Потому что мне не кажется, что угроза так велика. Потому что я не согласен с такими жесткими мерами. И не согласен с таким… таким лицемерием. У вас двойная мораль. Вы живете… здесь, в Резиденции, мы все живем как семейственники. Вы оба антивекторианцы. А вы, Второй, еще и староживущий… — Мудрейший осторожно покосился на старика, ожидая в ответ очередной вспышки гнева, — но тот слушал внимательно и даже одобрительно кивнул, вроде бы соглашаясь. — По вашей же логике, — продолжил Зеро, — за каждое из этих «преступлений» вас следует предать паузе с последующим исправлением…

Второй одобрительно хмыкнул — как будто он и впрямь не прочь был осудить себя на вечное исправление — и коротко кашлянул.

— Ты почти прав, Мудрейший, — сказал он. — Во всем, кроме главного…

Слуга: все, 3 минуты! я его вырубаю, не время для философских бесед!

Второй: погоди, дай мне договорить с ним. этот однослойник не такой тупой, как показалось мне поначалу, быстро соображает и говорит складно, даром что без памяти, он уже почти что мне

нравится

— …Угроза велика, — продолжил старик. — Ты даже не представляешь, насколько. А что касается нашего лицемерия… Я не стал бы использовать столь резкое слово. Да, члены Совета и их… экхм… Родные живут немного иначе, чем все остальные. Но это обусловлено практической целесообразностью…

Второй закрыл глаза и порылся в архиве за прошлую жизнь. Была у него там в «избранном» одна славная запись, как раз по теме. Только как она называлась? — вроде как-то совершенно бессмысленно… поди— ка вспомни. Старик запустил поиск по ключевым словам. Ключевые слова он помнил хорошо: «голова жопа». Искалка с готовностью выдала дюжину «жоп» — в основном фотографии и всего один документ, где встречались оба органа. Документ действительно носил туманное и совершенно не связанное с контекстом название «Юпитер и бык» — вероятно, какой-то шифр, но Второму было некогда разбираться.

— Пойми, сынок, — сказал он Мудрейшему и с выражением начал читать. — «Живущий — как один большой организм, единое тело, состоящее из разных частей. Важно понимать, что голова и жопа не могут жить в равных условиях. Голова управляет — жопа ей подчиняется. Голова дышит, ест, пьет, много думает и заботится о благополучии жопы. Жопа же регулярно и с благодарностью испражняется, избавляя организм от продуктов распада… Если в жопу ввести кислород, дышать она все равно не научится. Если в жопу засунуть еду, она не сможет ее разжевать. От всех этих благ жопа лишь засорится, перестанет выполнять свои функции, заболит и в короткие сроки отравит весь организм. То есть равные права сильно повредят жопе и всем другим частям тела…» Ты следишь за моей мыслью, сынок?

Слуга: уже не следит

Второй оторвался от чтения и сфокусировал взгляд в первом слое.

Второй: я же просил подождать!

Слуга Порядка выволакивал Мудрейшего из конференц-зала, просунув руки ему под мышки.

Слуга: время

Прямые негнущиеся ноги Мудрейшего тихо шуршали по полу. Пальцы на руках Мудрейшего были широко растопырены, будто он показывал кому-то глухому число «десять». Глаза Мудрейшего были белыми в красных прожилках, словно глазные яблоки перекувырнулись в глазницах, обратившись к миру слепыми боками. Мудрейший походил на большую пластмассовую куклу, которую сломали, толком не наигравшись,

сразу после покупки.

бакуган? — поинтересовался Второй, когда дверь за Слугой и Мудрейшим закрылась.

Слуга: он самый.

терпеть не могу этих тварей, — *старик передернулся. — ну* все, начинается… держи меня в курсе, и слушай, ты не напирай на него особо с этими бакуганами. попробуй уговорить по-хорошему

…Первый, модератор гармонии первого слоя, приветствует Мудрейшего и всех членов Совета…

Слуга: теперь уже вряд ли получится, твоими стараниями © ты же видел, как он заартачился

Второй: а ты покажи ему Сбой

Слуга: что????!!!!

Второй: не весь, конечно, только замерших… все, мой черед

Опрокинутая восьмерка, древний знак бесконечности, пульсировала и заходилась паническим писком где-то у него в переносице:

…ожидание приветствия… ожидание приветствия… ожидание приветствия

— Второй, модератор спокойствия Живущего во всех слоях, приветствует Мудрейшего и всех членов Совета….

Сбой

— Давай, малыш… — ласково прошептал Слуга, выкладывая личинку белого бакугана на кожу Мудрейшего, — вот сюда, где локтевой сгиб, тебе тут понравится… и венка большая рядом…

Круглый белый комочек затрепетал, почуяв тепло человека, и робко вонзил в кожу Мудрейшего крошечный хоботок. Аккуратно впрыснул свой сок, изнемогая от жажды, дождался эффекта и лишь потом потянул в себя теплую, волшебную кровь.

Слуга Порядка обожал бакуганов — потрясающе полезные монстры, чудо инсекто-селекции. Напитавшись кровью, осуществляют мгновенный метаморфоз, миновав стадию куколки за пару секунд…

…Двухголовый крылатый жук розовато-доступного цвета засеменил по руке Мудрейшего, направляясь от локтя к кисти и постепенно разгоняясь для взлета. Слуга Порядка поймал его и раздавил: превратившийся бакуган бесполезен… На пальцах осталась напитанная бело-ба— кугановым соком кровь — Слуга слизнул: естественный витаминчик… Сразу же застучало и потеплело в груди; стены приемной стали ярче и гуще, словно кто-то увеличил в первом слое глубину цвета или запустил фильтр «мне повезет»; а спустя какую-то пару секунд ненасытной бакугановой личинкой налилась в нем эрекция — захотелось позвать свою новенькую, прямо сейчас… Вот что значит натуральный продукт — от витакомплекса такого не жди. В витакомплексе вредные примеси и консерванты сплошные…

Со щелчком открыла окошко Лейла.

лейла: ты где, родной?

Слуга: занят, на совещании

Желание сразу пропало. Все-таки чутье у этой бабы звериное…

лейла: ничего, изоп, оторвешься, изоп, раз женщина просит!!

Она зачем-то закрыла окошко и тут же снова открыла. Щелк. Щелк. Будто по носу. Слуга поморщился — переход к истерике, что первослойной, что социальной, у Лейлы был в последнее время мгновенным. «Распустил ее, до ужаса распустил, — подумал Слуга с раздражением. — Вседозволенность…»

Лейла: мне так плохо а тебе все равно

Раздражение противно смешалось с жалостью и тоскливым каким-то ощущением, будто он давно не кормит питомца…

Слуга: ну прости малыш я действительно сейчас занят

Лейла: а ее ты тоже называешь «малыш» эту сучку?

Слуга: все изоп! прими транквитамин и отстань

Щелк.

Зеро шевельнулся.

…Сознание было, оно никуда и не уходило. Просто холодно. Так холодно, что невозможно дышать, смотреть, шевелиться. И очень тихо — в груди тихо, словно больше не бьется сердце.

Ему казалось: он теперь изо льда. Примерзли к векам закатившиеся глаза; застыли руки; застыли и слиплись ноги.

Ему казалось: он твердый и ледяной, его не сломать. А если вынести его тело на солнце, оно растает, впитается в землю водянистой сукровицей…

Но солнца не было. Тепло пришло из левой руки — и расползлось по артериям, венам и капиллярам. Он сделал вдох — кольнуло и зачесалось в груди. Как будто самочка комара укусила его прямо в сердце… Он попытался двинуть рукой и услышал треск. «Лед откололся… — подумал в панике, — …кусок меня откололся…»

— Поосторожней, Мудрейший, — сказал Слуга. — Не надо резких движений. Сначала дождитесь, пока все тело расслабится, а то мышцы потянете. И вскакивать резко тоже не надо: закружится голова… Ну как, полегче?

Зеро с трудом раскрыл рот; под ухом, в челюсти, хрустнуло. Он лежал на чем-то густом и бугристом, словно муха, прилипшая брюхом к застывшему комками желе.

— Чт… с… мн… — слова застревали в горле ледяными осколками.

— Что с вами было? О, вы познакомились с парой моих чудесных жуков! Черный бакуган и белый бакуган. Названия древние, не знаю даже, что они значат… А сами питомцы — результат многовековой инсек— тоселекции. Видели в составе витакомплекса: «вытяжка из белого бакугана»? Большинство обывателей думают, что это какое-то растение… ан нет! — жучок…

Зеро медленно, с усилием сел — стены приемной стронулись с места и закачались туда-сюда, точно картонки, привязанные к гигантскому маятнику. Диван под ним неприятно заколыхался, неловко пытаясь подстроиться под новую позу, так и не справился со своей подхалимской задачей и печально обвис, накренившись на один бок.

— …А в составе транквитаминов видели: «вытяжка из черного баку— гана»? — Слуга Порядка покосился на Мудрейшего и, не дождавшись ответа, как ни в чем не бывало продолжил лекцию. — В малых дозах яд личинки черного

бакугана успокаивает и, скажем так, отупляет, белого же — тонизирует. Обострение чувств, либидо и все такое… Но если дозу немного увеличить… то есть если, к примеру, личинка черного бакугана выпустит весь свой яд кому-то под кожу — то этот кто-то будет полностью обездвижен, а спустя примерно час временно перестанет существовать, причем его пауза будет выглядеть очень естественно: паралич сердечной мышцы. Это, конечно, в случае, если не ввести этому кому-то противоядие, то есть вытяжку из белого бакугана. Белый баку— ган хорошо нейтрализует действие черного…

— Вот что вы сотворили с Ныряльщиком, — тяжело произнес Мудрейший. — Транквитамины… Вытяжка из черного бакугана… Вы подавляли его волю, делали марионеткой… Вы постоянно напускали на него этих жуков… поэтому он совсем не может двигаться в первом слое… а в *социо* он просто тупо говорил все, что вы ему приказывали… ведь так? так?!

Слуга Порядка отчего-то развеселился и тонко, глупо хихикнул. Его зрачки сужались и расширялись, пульсировали, как голодные личинки черных бакуганов.

— …А теперь он отравлен ядом настолько, что скоро временно перестанет, — продолжил Мудрейший, пошевелив пальцами ног и отметив, что тепло дошло, наконец, до самого низа и словно замотало икры и стопы колючей шерстью, — …и вы хотите сделать меня такой же марионеткой…

«Квин, а ведь он рассуждает! — восхитился Слуга; после дозы беленького он был настроен на позитив. — Выстраивает логические цепочки, первослойно, *сам* — без социо-анализатора и программы «мозговой штурм»… Выводы делает, правда, ошибочные, но сам ход рассуждения!..»

— Глупости вы говорите, Мудрейший, — доброжелательно ответил Слуга. — Бакуганы — зверушки ценные. Это скольких бы нам пришлось извести, чтобы день ото дня глушить ими беднягу Ныряльщика? Они ведь, понимаете, одноразовые… Личинка впрыснула яд — и все, после превращения она уже не кусается.

Для наглядности Слуга даже показал собеседнику смятого двухголового жука.

— Но Ныряльщик…

— Да что Ныряльщик! Ныряльщиков этих в роботрущобах как мух в говне. Лежат, дебилы, слюни пускают и таращатся в небеса. Бери любого, тащи в Резиденцию и делай Мудрейшим.

— И что, любой сидит в двенадцатом слое?

— А вот это вряд ли. — Слуга визгливо, по-бабски как-то, рассмеялся и тут же резко оборвал смех на высокой, фальшивой ноте. — Никого там нет. Никто не добирается до двенадцатого.

Наверное, и слоя такого нет.

Лицо Мудрейшего побагровело от возмущения. Этот Слуга даже не считает нужным врать достоверно!.. Оттаявшее сердце задергалось так, словно хотело проломить решетку из ребер. Едва сдерживая горячее бешенство, Мудрейший проговорил:

— Вы и меня принимаете за дебила, у которого слюни?! Я лично получал от Ныряльщика сообщение! Да-да, не надо так удивляться, однажды он написал мне. Он обещал мне свою поддержку и сдержал слово.

— А это вы о каком письме? Не об этом, случайно?.. — Слуга порылся в своих *отправленных,* разыскивая нужное. — «Не верь обману. Луч Лео-Лота мог светить в обе стороны, назад и вперед, и он явил твое великое будущее. Но у тебя отняли будущее, и бла-бла-бла, но я исправлю несправедливость». Об этом, да? Простите, что отправил, не подписавшись. Мы все равно еще не были толком знакомы…

— Зачем?.. — прошептал Зеро.

— Ну как… Чтобы вы руки на себя чего доброго не наложили, Мудрейший. — Слуга нашел в памяти файл «психо-0». — Психосоциальная экспертиза текста вашего дневника — того, что вы оставили в исправительном Доме, — дала тревожные результаты. «Автор текста испытывает сильнейший стресс и страдает маниакально-депрессивным синдромом. Данный текст, судя по некоторым психолексемам, задуман как обманный маневр (вероятно, автор еще не совершил автопаузу, о которой предупреждает в конце), однако в общем и целом текст написан *искренне.* Автор данного текста с вероятностью 87,3 % способен на автопаузу в случае обострения состояния». Вот мы и решили вас, так сказать, подбодрить… Было бы очень обидно потерять такого перспективного молодого человека, как вы.

лейла: если я хоть что-то для тебя значу, убери эту девку

— Так вы с самого начала знали, что я сбежал?..

— А как же, Мудрейший! Вы, кажется, недооцениваете вашего покорного Слугу. — Слуга Порядка отвесил Зеро шутовской поклон. — Конечно, я знал.

— Тогда почему же меня сразу не взяли? Зачем оставили на свободе?

— Ну, скажем так: ждали, когда звезды сойдутся, — указательным пальцем Слуга Порядка начертил в воздухе размашистую скобку смайлика. — Наш Пятый, модератор рекламы и развлекухи, был старичком вредным. Он ни за что не проголосовал бы за вашу кандидатуру в Совете и остальных бы отговорил, он пользовался немалым авторитетом… Вас просто

приговорили бы к паузе, если бы мы «взяли» вас раньше. До паузы Пятого. Он был совсем плох, бедняга, так что мы решили дождаться, когда он временно перестанет. К тому же интересно было понаблюдать за вами, так сказать, в «дикой природе»… Я, кстати, остался вами в целом доволен. Так что когда в Последнем Наказе я упомянул вашу «мудрость ребенка», я отнюдь не лукавил, У вас есть все задатки настоящего лид…

— *Вы* написали текст Последнего Наказа?! Заставили Ныряльщика выдвинуть меня на должность Мудрейшего?

— Я же сказал, — Слуга рассеянно поискал глазами *капслок,* чтобы выделить следующую реплику большими буквами, потом с раздражением вспомнил, что в чудовищно скудной обстановке первого слоя кап— слоков для беседы не предусмотрено. — Нет никакого Ныряльщика.

лейла: я тебе молодость отдала! я тебе родных родила! я за семь лет ни разу на фестиваль не пошла! а ты, сволочь, теперь вот так просто берешь себе вторую жену?

Слуга: изоп, дура! какая еще ЖЕНА, где ты слово-то такое взяла!

лейла: в большой энциклопедии древнего мира

Мудрейший с усилием поднялся с бесформенного, тошнотворно податливого дивана. Стены приемной закачались быстрее, увлекая за собой пол, — Мудрейший будто стоял на качелях в древнем парке аттракционов. Он пошатнулся, хотел было ухватиться рукой за спинку дивана, но та предательски осела, втекла в сиденье, превратив диван в подобие бугристой лепешки.

— Я же говорил, не вставайте резко… — Слуга Порядка услужливо подхватил Зеро под руку и снова усадил на диван. — Никто из членов Совета не держит двенадцатый слой. Никто, кроме Третьего, не держит даже одиннадцатый. Просто они не решаются признаться, что не способны расслышать слова Ныряльщика… Как-то раз Первый по молодости сообщил, что не видит Мудрейшего. Остальные чуть не растерзали его, точно шершни хромого кузнечика. Они смеялись, но им всем было страшно. Они узнали в Первом себя и испугались разоблачения и позора. Ведь Совет Восьми видит все двенадцать слоев — так сказано в Книге Жизни. Никто не смеет оспаривать Книгу: раз так сказано, значит, так должно быть… — Слуга Порядка рассеянно удалил с *рабочего стола* ненужные ярлыки; он чувствовал себя выдохшимся, не привык толкать такие длинные внесоциальные речи. — Говорят, раньше так все и было, — пробормотал он. —

Двенадцать слоев и ныряльщики, настоящие…

Он не хотел этого говорить: слова будто сами выползли изо рта. Соскользнули с губ, как влажные беззащитные слизни. «Усталость и нервы, — подумал Слуга, — первослойное напряжение. Не хватало еще пуститься в откровенности с этим убогим. Чертов первый слой! Не видишь, что говоришь, не можешь толком сосредоточиться — ив итоге болтаешь лишнее».

— Но это все флуд, — решительно подытожил Слуга. — Ныряльщиков нет и не было. А то, что в Книге, не стоит толковать так буквально. Это просто иносказание… В моем понимании, речь идет о том, что «мудрейшим» может стать любой из членов Совета. «Ныряльщика» нужно нащупать в себе самом… Ведь что важно? Важно первым озвучить «волю» Мудрейшего; остальные сделают вид, что тоже присутствовали у него на приеме в двенадцатом слое… Мой отец это понял уже давно. Но не он один. Шестой тоже уже не раз блефовал. Последний Наказ отец продавил с огромным трудом. Этот узкоглазый навозный жук знает, что Ныряльщика нет…

Слуга Порядка умолк. Белобакугановая искристая бодрость как-то вдруг вся улетучилась, остались только неприятная дрожь в конечностях и невнятная тоска, какая бывает, если прерывается *акт* в режиме *люксурия.*

вас что-то гнетет, — *встревожился социо-психотерапевт.* — попробуйте сформулировать на вашей стена

«Ныряльщиков нет и не было», — торопливо написал Слуга на стене ячейки двадцатым кеглем: психотерапевт рекомендовал такой аутотренинг в ситуациях стресса. Но настроение уже безнадежно испортилось. Как портилось оба раза, когда он привозил из роботрущоб безмозглых «мудрейших». «Ныряльщиков нет», — оба раза он исписывал этой фразой все стены ячейки. Но так и не смог до конца поверить в написанное. То письмо в «Ренессансе»… Автописьмо середины второго века — оно было как загнанная под ноготь заноза. В том письме он звался еще не Слугой и даже не Киборгом-17. В середине второго века он носил имя Гоблин и работал социо-вирусологом. В том письме он описывал свое короткое погружение в двенадцатый слой («…Я нырнул! Как назвать то, что испытываешь в глубине глубин? Слишком скуден глобальный язык, не найти подходящих слов… Наслаждение, мудрость, полет и бесконечный покой?.. Все не то, не то… Любовь? Святость? Не то… Может быть, Смерть?») и обдумывал, не удалиться ли ему навсегда в роботрущобы для вечного погружения. Больше писем в том воспроизведении Гоблин не оставил. Вероятно — судя по тому, что после паузы он воспроизвелся в роботрущобах и получил имя Киборг-17, — он

осуществил свои планы.

Не проверить теперь никак, что правда, что флуд. Был ли он настоящим ныряльщиком, или просто вирус повредил его память и разум (с вирусологами такое случается сплошь и рядом)? Как бы то ни было, оглядываясь назад, Слуга Порядка содрогался от отвращения. О своем прошлом он не любил говорить — слишком позорный инвектор. Почти три века, вплоть до нынешнего своего воспроизведения в 430 году, он был вонючим трущобным роботом. Он был бы им и сейчас, если бы не счастливая звезда его биологической матери.

Его мать, большеглазая и голодная, как стрекоза, была трущобная ведьма. Ее звали Мара, и ей было шестнадцать, когда Второй заметил ее, обходя роботрущобы в компании шести бодигардов с благотворительным «визитом любви и заботы». Он подозвал ее к себе жестом — и она приползла на коленях. «Встань и погадай мне, малышка, — сказал Второй. — Сегодня я официально разрешаю тебе гадать». «Лучше ты опустись на колени рядом со мной, — ответила Мара, — в ногах правды нет». Модератор спокойствия удивленно нахмурился от такой невиданной наглости. Бодигарды разом вскинули автоматы. Но Второй отрицательно покачал головой, а потом медленно встал на колени напротив Мары. Она приложила руку в контактной перчатке к его смуглому лбу: «До паузы вижу, после паузы вижу, все скажу, не обижу… Вижу тебя, модератор спокойствия всех слоев… И вижу себя, обнаженную, в постели рядом с тобой…» Второй засмеялся, расстегнул ширинку на брюках и прямо там, не сходя с места, совершил с ней *акт* в первом слое. Бодигарды держали ее — она, впрочем, не особенно сопротивлялась. Потом Второй поднялся, пнул ведьму ногой и ушел в сопровождении охраны.

На следующий день он призвал ее в Резиденцию.

Он оставил ее при себе как постоянную женщину. Еще там, в трущобах, она забеременела от него Киборгом-17. «В Резиденции не принято рожать роботов, — сказал модератор спокойствия. — Мой Родной будет большим человеком». «Он будет Слугой Порядка», — сказала Мара, приложив руку к своему животу. «Почему бы и нет, — ответил Второй задумчиво, — Почему бы и нет…»

— …взять меня.

Слова Мудрейшего доносились словно издалека. Слуга Порядка вдруг обнаружил, что отвлекся от первого слоя и потерял нить беседы. Синдром рассеянного внимания — одно из хронических поверхностных заболеваний Живущего…

— Что вы сказали, Мудрейший?

— Я сказал: поскольку Ныряльщик стал не только вашей марионеткой, вы решили вместо него взять меня. Первослойника, не имеющего доступа к *социо.* Запугать своими черно-белыми тараканами, выдрессировать, чтобы я раз в месяц читал ваши слова по бумажке… Я прав?

— Ну, только в самых общих чертах…

— «Спасителю от апостола», — глухо сказал Зеро. — Это тоже вы сочинили, чтобы меня «подбодрить»? Ну конечно. Там, в зоне Паузы, вы скормили Матвею транквитамин. А потом подсунули ему текст в глубоких слоях. «Ты будешь пленен, но слуга возвысит тебя, если ты станешь ему служить».

«Потрясающе, — со злостью подумал Слуга Порядка. — Он цитирует текст наизусть, не имея доступа к памяти…» Слуга вгляделся в безумные, пульсирующие от избытка бело-бакуганового сока зрачки Мудрейшего, и ему вдруг стало не то чтобы страшно, но отчетливо не по себе. Неуютно, как будто затылком почувствовал неподвижный взгляд ядовитого насекомого.

— Это не я, — ответил Слуга и сам изумился: звучало так, будто он оправдывался. — Твой дружок Крэкер.

— Мой друг Крэкер умел делать такое, — с вызовом ответил Мудрейший, — но он уже неделю как временно перестал, когда Матвей оставлял свое сообщение.

— Я знаю, — сказал Слуга тихо и зло, и зачем-то честно. — Мы провели вскрытие ячейки Матвея. Этот текст Крэкер ввел в его память давно, еще до своей паузы, еще до вашего побега, Мудрейший. С настройкой: «активировать перед паузой».

Слуга Порядка нащупал в мусоре своей памяти Матвеево сообщение, потеребил его, будто потрогал языком больной зуб, и в который раз поборол острое желание удалить его безвозвратно. Но нет, нельзя. Этот документ следовало сохранить как напоминание о его, Слуги, человеческом и профессиональном позоре. Как свидетельство того, что даже его, Слуги, социо-ячейка доступна и уязвима. Что в его, Слуги Порядка, ячейку может проникнуть всякая хитроумная шваль, а затем по тончайшей запутанной паутине нейронных ходов проползти, пролезть, просочиться в его, Слуги Порядка, сознание… Слуга поморщился, будто кто-то пощекотал затылок холодной металлической палочкой. Этот гад Крэкер — он ведь умудрился тогда расковырять не только его еоцио-память. Он узнал его ***помыслы.*** Потаенное, ни в одном слое не выраженное намерение любыми средствами изменить свой инвектор…

— Так я должен служить Слуге? — Неожиданно для себя Зеро

рассмеялся чужим, надтреснутым смехом, как будто смеялся не он, а кто— то старый и злой, поселившийся у него за грудиной.

— Вы должны верно служить Живущему, — дежурно отозвался Слуга, словно ждал этого вопроса и ответ заготовил заранее. — Особенно сейчас, в наши трудные дни, когда стабильность Живущего находится под угрозой… Мудрейший… — Слуга впился взглядом в Зеро и выдержал долгую паузу, — вы сейчас кое-что увидите.

Слуга шагнул к столу и торжественно сдернул инвизибловый чехол с чего-то прямоугольного и громоздкого, странно возвышавшегося в центре приемной.

— Подарок для вас. — Слуга сделал широкий жест; он казался чрезвычайно довольным собой.

— «Кристалл-ХО»? — Мудрейший уставился на «подарок». — Вы хотели удивить меня «Кристаллом-ХО», этим старьем, которое используют в группах естественного развития, чтобы гидроцефалы могли хоть как— то смотреть «Малышариков»?

— Ну извините, — Слуга оскорбленно слепил темные ниточки губ. — Выбирать особо не приходилось. «Кристалл-ХО» — пока что единственный монитор для первого слоя. Спроса, понимаете, нет. Возможно, позже Шестой и Первый разработают специально для вас что-то более… элегантное. Ну а пока мы заказали три монитора, и все для ваших нужд. Один стоит в конференц-зале — вы, Мудрейший, его за всей этой суетой не заметили, — один здесь, в приемной, один установят в ваших апартаментах — ив каждый встроен внешний *социо-спот* с ограниченным подключением! Здорово, правда? У вас будет ограниченный доступ к некоторым сервисам второго слоя. Например, члены Совета смогут отправлять вам письма и сообщения…. Вы даже сможете смотреть рекламу и сериалы!

— Мне что, спасибо сказать?

Слуга Порядка раздраженно скривился и включил «Кристалл». В утробе машины что-то тоненько взвизгнуло. Экран замерцал миллионом серебряных копошащихся мошек.

— Я должен кое-что показать вам, — сказал Слуга.

Он прикрыл глаза и установил социо-соединение с «Кристаллом». Установка прошла неприятно и как-то грубо — словно его огрели по лбу деревянной дубинкой. Слуга погрузился в восьмой слой и вошел в *Систему,* на входе, как всегда, испытав секундное ощущение падения и одновременно удушья. *Система* плохо принимала в себя тех, кого не *избрала* лично, кому не открылась сама. Только Четвертой, модератору помощи природе, *Система* сейчас позволяла видеть себя непосредственно. Слуга Порядка и остальные члены Совета довольствовались

расширенной копией *Системы,* достаточно, впрочем, чувствительной и агрессивной, чтобы каждый раз вгрызаться в их мозг на входе и выходе.

Слуга: *команда:* расшаритъ Систему с внешним пользователем Кристалл-ХО

внимание! Система является совершенно секретной программой и не предназначена для постороннего просмотра.

отменить команду «расшаритъ» продолжить выполнение команды

внимание! пользователь Кристалл-ХО может угрожать безопасности работы Системы

отменить команду «расшаритъ» продолжить выполнение команды

внимание! Система будет расшарена с внешним пользователем Кристалл-ХО

…выполняется…

…все еще работает…

От напряжения разболелась голова, перед глазами заплясали недоступные пятна. Как медленно. Изоп, как же медленно! Будто пытаешься расшарить программу с неживым другом… «В каком-то смысле так ведь и есть, — спохватился Слуга. — Кристалловский *социо-спот* неживой, внешний. Мои нервные клетки сходят с ума, пытаясь связаться с его механическими нейронами… Ну вот, наконец-то… Пошло…» Слуга вытер со лба испарину.

…На мониторе «Кристалла» *Система* смотрелась непривычно и как— то почти безобидно, не то что в восьмом слое. Как смешной мультипликационный человечек, навроде Живуша, состоящий из шевелящихся переливающихся букв и циферок, свернутых в крошечные спиральки. А не как кошмарная тварь, неохотно заглатывающая тебя в свою темную, липкую, алчную, просчитанную, расчетливую, постоянно обновляющуюся живую утробу.

«Живущий = 3 ООО ООО ООО живущих», — красовалась надпись внизу экрана.

— Смотрите, Мудрейший. Смотрите и трепещите, — сказал Слуга шепотом и, кажется, без издевки. — Перед вами — Система.

Зеро недоверчиво уставился на циферного человечка.

— Вы хоть знаете, что такое Система? — презрительно поинтересовался Слуга, неверно истолковав его взгляд.

— Никто не знает, что такое Система, — ответил Мудрейший, и Слуга удовлетворенно кивнул.

Это был правильный ответ на вопрос. Пароль-отзыв для всех, кто знал.

Что есть Система?

Душа Живущего.

Или тело Живущего.

Или разум Живущего.

Что есть Система?

Самый точный слепок Живущего.

Что есть Система?

Рождественский дар волхвов.

Что есть Система?

Беспокойный призрак Живущего, что является избранным.

Но даже избранные не знают наверняка, что такое Система.

Ни в википедии, ни в Большой Социальной Энциклопедии, ни в Отвечай-ке нет статей про Систему. Ни слова о ней — словно Системы не существует. Но любой живущий рано или поздно узнаёт о Системе. Кто— то больше, а кто-то меньше; кто-то видит во сне какой-то ее фрагмент, ну а кто-то лишь краем уха услышит первослойную сплетню…

В этом смысле Мудрейшему, можно сказать, повезло. Он услышал про Систему от того, кто больше всех о ней знал. От того, кто самым первым ее увидел. От Крэкера.

«Система *живая,* — объяснил ему друг. — У нее есть сознание и воля».

Это программа, которую никто не писал — по крайней мере, никто из живущих — и которой нельзя управлять. Она появилась сразу после рождения Живущего, с тех пор всегда находится в режиме инвизибл и открывает себя только избранным. Членам Совета (не всем) и еще самым лучшим ныряльщикам. Когда ныряльщики тонут, она забирает их к себе навсегда… Крэкер до крови расчесывал свои шершавые пятна, когда говорил о Системе: «…я не создавал ее, она сама себя инсталлировала в восьмой слой, понимаешь, *сама*! Когда я *увидел* ее впервые, она показалась мне совершенной… Потом, много позже, я понял, что она — своего рода вирус. Не дар, а проклятие…»

Она существует отдельно от всех искусственных социальных систем контроля за численностью. Она никогда не ошибается и не врет. Она показывает все три миллиарда инкодов в их постоянном развитии. Она точно фиксирует все воспроизведения

и паузы мира…

«Точно фиксирует… — Крэкер сжимал в кулачки свои паучьи тонкопалые руки. — Но вот я думаю… А может быть, управляет?»

«Ты сумасшедший, — отвечал на это Зеро. — У тебя паранойя, Крэкер». Ему не хотелось думать, что Система — проклятие. Ему хотелось верить, что Система — рождественский дар волхвов. И что однажды она примет его в себя. Когда-нибудь, через год, два, три, десять, чья-нибудь пауза вдруг затянется слишком надолго. Чьи-нибудь пять секунд тьмы случайно окажутся вечностью. Кто-нибудь — самый плохой, убогий, пропащий… какой-нибудь исправляемый с ужасным инвектором — навсегда покинет Систему, и тогда она призовет Зеро на вакантное место.

И он перестанет быть лишним.

Система представлялась Зеро чем-то торжественным и печальным. Подобием храма, в котором древние молились трехголовому богу. Подобием огненного подземного мира, в который древние спускались жить после смерти.

…Циферный человечек не имел ничего общего с представлениями Мудрейшего о Системе. Он был смешным и нелепым.

— В *социо* Система другая, — ответил его мыслям Слуга. — Как древний храм…

Мудрейший почувствовал неприятный озноб.

— Я, собственно, хочу показать вам не столько Систему… — Слуга странно замялся, — сколько… сбой. Сбой в Системе, да.

Мудрейший вздрогнул. Идиотская, детская, где-то чуть выше желудка толкнулась надежда. Словно имаго, стремящееся на волю из кокона. Системный сбой. *Чья-нибудь пауза вдруг затянется слишком надолго…*

Слуга: *команда:* показать Сбой-1

— Смотрите, Мудрейший.

Смешной человечек на экране медленно поднял вверх руки — словно сдавался на милость невидимого врага. Несколько скрученных ци— ферных спиралек на его теле — под мышками, на ладонях и в районе пупка — налились недоступным и стали похожи на кровоподтеки.

— Раз, два, три… пять… Яппп! — Слуга выглядел по-настоящему испуганным. — Семь, восемь… восемь штук. Больше, чем когда-либо!

— Что это?..

Слуга Порядка приблизил один из «кровоподтеков» — крохотное бук— венно-циферное пятно развернулось в чей-то

десятизначный инкод. Внизу экрана с тревожным писком включился отсчет: 15 секунд… 16 секунд… 17… 18…

— Замершее воспроизведение, — тихо ответил Слуга. — Это отсчет секунд тьмы. После паузы их должно быть, как вы знаете, пять. А здесь — сами видите…

..19… 20… 21…

Мудрейший почувствовал странную невесомость. Имаго надежды вылупилось где-то в желудке и взлетело к горлу вместе с кислой волной тошноты. *Чьи-нибудь пять секунд тьмы случайно окажутся вечностью…*

— Восемь живущих на данный момент не воспроизведены вовремя после паузы. Это много. Обычно два-три…

— Обычно?!

— В последнее время… Сбой в Системе был обнаружен около полугода назад. Чей-то инкод воспроизвелся позже всего на две десятые секунды, но Система заметила и подала в *социо* тревожный сигнал. Мы решили, что это единичное и в целом допустимое отклонение от нормы, и не придали происшедшему значения. Но неделю спустя ситуация повторилась, только теперь воспроизведение «замерло» на две лишние секунды… Потом замерли сразу два инкода в двух разных регионах планеты. Один воспроизвелся спустя десять минут, другой… спустя сутки.

Тогда мы поняли, что стабильность Живущего под угрозой. Он болен, Мудрейший. Живущий тяжело болен.

…На сто восьмой секунде инкод на экране моргнул, сменил окраску с недоступной на травянисто-доступную и метнулся куда-то вправо.

— Что… что с ним? — встрепенулся Зеро.

— Он наконец-то воспроизвелся… *Пока что* все замершие воспроизведения рано или поздно осуществляются. Наша с вами общая задача, Мудрейший, не допустить… — Слуга перешел зачем-то на шепот, — не допустить сокращения… Страшно представить, что будет, если чье— то воспроизведение просто отменится. Ведь Число Живущего неизменно, Живущий есть три миллиарда живущих… Вы должны защитить Его. Системный сбой мы связываем с разрушительной деятельностью *несогласных.* Поэтому Первая Речь должна быть посвящена ужесточению мер и введению чрезвычайного положения, понимаете? Мудрейший?.. Как вы себя чувствуете?

— Мне хорошо, — ответил Мудрейший.

Стены и пол перестали качаться перед глазами. Все стало четким и удивительно ярким, как будто *мне повезет.* «Мне повезет», — сказал себе Зеро и поднялся. Он чувствовал странное возбуждение во всем теле. Ноги и руки дрожали — но не от

слабости, а от смутного предвкушения силы. Как будто в нем заработал невидимый мощный двигатель. Сейчас он мог бы пробежать километров десять без остановки. Сейчас он мог бы разодрать в клочья любого, кто преградит ему путь. Он был как вырвавшийся из вольера бешеный фермерский пес. Сейчас он будет защищать себя и свою территорию. Сейчас он будет защищать своего Хозяина. Именно он, Зеро, излечит опасный недуг Хозяина — и после этого Хозяин примет его… Ему не страшно, он больше не слаб, он властитель первого слоя. Сейчас он сильнее любого из этих обрюзгших, неповоротливых, неспособных связно выражать свои мысли *социальных* людей. Сейчас он сильнее стоящего рядом Слуги Порядка. Этого клоуна, кривящегося, как от зубной боли.

— Изоп, — с невнятной улыбкой сказал Зеро; безумная радость оглушительно тикала в голове, как взбесившееся взрывное устройство. —

И ты, и Второй, вы оба изоп, ясно? Живущему не хватает любви, вот в чем причина Сбоя. Я в этом уверен. Я придумал себе хорошую Первую Речь, простую и добрую. *Вашу* речь я не стану произносить перед Советом Восьми…

«А все же он глуп, — подумал Слуга и содрогнулся, выходя из Системы. — По большому-то счету. Глуп и упрям, как бабочка-совка, которая ночью долбится в окно…»

— Ты уже произнес *нашу* речь, идиот, — устало отозвался Слуга.

Мудрейший уставился налитыми кровью и ядом глазами на потемневший экран «Кристалла», потом на Слугу.

— Неужели ты думал, что в Резиденции есть хоть один угол, не оснащенный камерой наблюдения и записи? — Слуге вдруг мучительно захотелось накопить во рту побольше слюны и плюнуть в эти дурные глаза. — Мы засняли тебя, когда ты читал *нашу* речь. Жаль, что без выражения, — ну да члены Совета редко прислушиваются к интонациям в первом слое… А хочешь, спрошу Второго, не смутило ли кого-то в Совете, что ты читал по бумажке?.. Нет, говорит, не смутило. Им и в голову не могло прийти, что человек способен запомнить так много слов наизусть. Все поверили в твое «прямое включение»… Так что поздравляю с успешной презентацией Первой Речи, Мудрейший. Немного неожиданно… Своими радикальными предложениями вы всех застали врасплох… С другой стороны, члены Совета и сами давно уже собирались «закрутить гайки». Сейчас идут прения. Как жаль, что вы пока не можете принять участие в общей дискуссии. Второй говорит, все члены Совета страшно обеспокоены вашим недомоганием. Вы ведь потеряли сознание, и я буквально вынес

вас на руках из конференц-зала… Ты уж извини, парень, пришлось сделать небольшой монтаж и от речи перейти сразу к «обмороку»… Но они все надеются, что это просто результат стресса. Вполне возможно, вы просто переволновались, Мудрейший: Первая Речь — дело ответственное… Они надеются, что вам полегчает и вы вернетесь в конференц-зал принять участие в обсуждении… Тебе полегчает, а, Мудрейший, как думаешь? В каком-то смысле все зависит от вас…

— Негодяи, — Мудрейший дрожал от обиды и ярости. — Я сейчас же всем расскажу!

Слуга Порядка захихикал от умиления, так по-детски прозвучала угроза. «Я сейчас маме скажу!» — Его Родные обычно так реагировали, когда он запирал их в неосвещенной подсобке в наказание за какие-нибудь проступки…

Слуга наблюдал, как Зеро в остервенении дергает золоченую ручку запертой двери.

— Я ее выломаю! — Мудрейший отошел на пару шагов и впечатался в дверь с разбегу.

…Родные Слуги всякий раз тоже пытались вышибить дверь. По какой-то необъяснимой причине они страшно боялись темноты первого слоя. Лейла считала, что он зря наказывает их темнотой, но Слугу не слишком интересовало, что там считает Лейла. Если его маленькие живущие хотят чего-то добиться в этой жизни, им нужно быть сильными, подлыми и бесстрашными. Такими, как их отец. Им нужно работать над собой, потому что инвекторы у обоих у них не блестящие, а сколько продлится их дольче вита в стенах Резиденции, никому не известно. Конечно, он, квин, попробует оставить их здесь навсегда. Но гарантий нет. Гарантий пока нет даже у него самого, поэтому им придется бороться за место под солнцем. Слуга любил сидеть в своем кабинете и прислушиваться к звукам подсобки. К детскому плачу и ударам о дверь. Пускай, пускай они развивают силу и побеждают древние страхи. Однажды — скоро — они поймут, что дверь и петли деревянные лишь снаружи, и что внутри — начинка из высокоуглеродистой стали, и что сломать такую дверь невозможно. Однажды — скоро — они попробуют его обмануть, когда он приведет их в подсобку. Перебивая друг друга, они взахлеб начнут говорить, что там, в подсобке, в прошлый раз они видели крысу, настоящую, живую, пушистую, глазки-пуговки… в дальнем углу, квин, отец, квин, иди, посмотри… И он войдет, а они запрут за ним дверь, и он им это позволит — как когда-то давно позволил отец ему самому. Потому что нельзя отказать им в этом уроке. Это станет их самой первой серьезной подлостью… Они убегут, смеясь и повизгивая, а он откроет дверь подсобки

своим ключом изнутри. Он найдет их в саду, отвесит каждому по пощечине, а потом крепко обнимет. Как его тогда обнял отец, нежно и больно…

…Слуга неохотно поставил на паузу ролик «Родной_детство_прими— рение_в_саду» из семейного киноархива и сказал:

— Поберегите силы, Мудрейший. Во-первых, эту дверь невозможно выломать. Во-вторых, еще пара-тройка таких резких движений, и вы станете неживым… Ты разве не чувствуешь, как близка твоя пауза, а, Зеро?

Еще бы. Он чувствовал. Словно кто-то проткнул его сердце, как коллекционную бабочку, и теперь теребил, двигал иглу вперед и назад, и с каждым движением разливался холодный пот по лицу и вкус железа во рту.

Слуга наклонился, порыскал глазами по полу, подобрал с ковра трупик давешнего жука и сунул под нос Мудрейшему.

— Две головы, видишь? Это значит, двойная доза белого яда. Первая порция… — Слуга Порядка рассеянно оторвал насекомому одну голову, — нейтрализовала яд черного бакугана… Вторая порция… — он оторвал другую голову, из горлового шва выступила скудная розоватая капля, — сейчас тебя убивает. Твоя пауза придет через час — это если ты успокоишься и будешь паинькой — или быстрее, если продолжишь тут бесноваться. Любое физическое усилие, любое резкое движение, любая тревожная мысль ускоряют процесс. Я разве не говорил, что случается с теми, кто злоупотребит ядом белого бакугана?.. Адреналиновый шок. Пароксизмальная тахикардия. Разрыв сердечной мышцы. Кровоизлияние в мозг. Твои сосуды набухнут и полопаются, как гнилой виноград…

Мудрейший сидел на полу, привалившись спиной к запертой двери. Он часто, сипло дышал и мелко дрожал всем телом — как фермерское животное, к которому слишком близко подошел человек.

Слуга Порядка подошел ближе и поморщился от резкого запаха, источаемого Мудрейшим. Отвратительно. Он действительно воняет как зверь — страхом и потом.

— …Да-да, я понимаю, плохая новость… — Слуга почувствовал, что у него даже нос заложило от этой фермерской вони. — Но есть и хорошая. Я могу нейтрализовать действие яда. Оп-па-а! — Жестом фокусника Слуга извлек из внутреннего кармана прозрачную капсулу с черным трепещущим комочком внутри. — Личинка черного бакугана. Уже *разбуженная,* согретая моим телесным теплом, дрожащая от нетерпения. Готовая поделиться своим чудесным успокоительным соком… Решать

тебе, Мудрейший. Если хочешь, можешь подохнуть здесь; Совет Восьми будет весьма огорчен такой скоропостижной паузой на почве нервного стресса… А хочешь — можешь *сотрудничать*. Сейчас отдышишься, вернешься в конференц-зал, поучаствуешь в прениях. Да ты не волнуйся, Мудрейший, я рядом буду сидеть, подсказывать. Ну как, убедил?

— Можно… сей…час…чер…ного… — задыхаясь, прохрипел Зеро и протянул к Слуге руку ладонью вверх, точно голодный робот, клянчащий у прохожих еду на задворках трущоб.

Зеро казалось, кто-то незнакомый и *мудрый* наблюдал за ним изнутри. Отстраненно фиксировал каждую стадию умирания и позора. Вот сейчас он равнодушно отметил, что сила и гнев, достоинство и разум, и верность Хозяину — все ушло из него; была лишь смертная тоска, древний детский страх остаться запертым в темноте.

И еще стук. Неровный, изнуряющий стук его взбесившейся крови.

— Сейчас нет. — Слуга Порядка убрал капсулу обратно в карман. — А вот будешь хорошим мальчиком, повторишь за мной все, что нужно сказать, через полчасика получишь черного бакугана. Ты только знай, дыши глубоко, но не слишком часто… И главное — помни, что ты защищаешь интересы Живущего, хоть и немножко под нашим давлением… Мы ведь, Мудрейший, знаем, что делаем. Когда-нибудь ты поймешь, что мы правы.

лейла: ну все, я ухожу во флигель вместе с детьми, ясно? не собираюсь жить под одной крышей с этой сучкой твоей

Слуга: не смей впутывать в это детей!

лейла: о! о детях вспомнил, кобель.

От кого: Электронный секретарь

Кому: Первый, Второй, Третий, Четвертый, Пятый, Шестой, Седьмой, Восьмой [общая рассылка]

Тема: результаты голосования

По результатам прений предложения Восьмого (Мудрейшего) приняты большинством голосов.

Введение чрезвычайного положения видится членам Совета адекватной и своевременной мерой.

Ужесточение наказания видится членам Совета адекватной и своевременной мерой.

Члены Совета высоко оценили благородство и мужество своего коллеги Второго и с благодарностью примут его жертву, когда придет его час.

Напоминаю членам Совета, что тема следующего заседания

— «Социальная реклама как одна из мер борьбы с Несогласными».

Второй

Вас приветствует Всемирный исторический банк данных «Ренессанс».

Внимание!

Данная ячейка содержит только частные письма и документы.

Данная ячейка арендована на 120 лет с правом последующего продления.

Доступ к данной ячейке открыт исключительно для арендатора.

Доступ к данной ячейке закрыт для арендатора, не достигшего восьмилетнего возраста.

Введите Ваш инкод.

Спасибо, инкод принят.

Приложите к светящейся части экрана Вашу электронную пластиковую карточку носителя инкода.

Спасибо, карточка принята.

Приложите к светящейся части экрана Вашу левую руку.

Идентификация выполнена.

Смерти нет, Второй! Вы можете открыть свою банковскую ячейку.

Внимание!

Вы только что изъяли все автописьма, хранящиеся в банковской ячейке.

Вы положили в свою банковскую ячейку 1 (одно) новое автописьмо.

Внимание! Вы забыли либо не хотите вернуть в ячейку изъятые автописьма.

Внимание!

Сейчас в Вашей банковской ячейке хранится всего 1 (одно) автописьмо.

До следующих встреч!

Смерти нет.

Автописьмо

4 сентября 471 г.

Изоп, дорогой! Ты уж прости, но я тебя сделал))

Сейчас тебе восемь, и ты уже, наверное, знаешь, что должен был быть членом Совета. И что ты им не стал.

Ты не Второй.

Когда подрастешь, будешь, пожалуй, социальным работником… Да, так мы и сделаем. А дай-ка я прямо сейчас и распоряжусь на «свой» счет…

…Ну вот и все. Поздравляю с новой специальностью. Они, конечно, малость все обалдели, когда я сказал.

«Работником *социоН* — у Третьего аж крылья встопорщились. — А что конкретно вас могло бы заинтересовать?»

«Ну, сисадмином, например», — говорю.

«Как это, — говорит. — Как это сисадмином? Вы разве не хотите ка— кую-то достойную должность?»

А я ему — грозно: «И что это недостойного вы видите в должности сисадмина?» А потом вроде как смягчаюсь и говорю: «Ну, может, вы по большому счету и правы. Сисадмином скучно быть. Мне лучше что-нибудь творческое… Соцартом займусь. Картинки там, сувениры, всякие безделушки для интерьера ячеек… Или макеты подарков разрабатывать буду: социо-тортики и букетики к дню рождения… Или даже нет. Лучше буду социо-оружейником. Ага, точно. Разработка и поставка оружия для стрелялок и смертинетников»…

«Может, хотите собственную игру создать?» — «Да нет, — говорю, — зачем собственную. Слишком много ответственности. Устал я, друзья, от ответственности»…

Так что быть тебе оружейником. Между прочим, не самая пыльная работенка. И социально востребуемая. Вон, в «Братстве Огненных Муравьев» лазерные бластеры — просто старье, давно пора заменить. Про «Мегандроктонус» я просто молчу…

Вообще-то сначала я думал сделать тебя Слугой Порядка. Ну вроде как рокировка… Но потом понял: нет. Даже простым планетарником — нет. Никаких ответственных постов в первом слое. Никакой власти. А то, мало ли, у тебя наверняка ведь амбиции, и обиды, и чувство справедливое™ ущемленное… Зачем рисковать? Наворотишь еще, чего доброго, дел. Так что лучше уж сиди себе в *социо,* пистолеты рисуй. Не вижу смысла рисковать благополучием сына ради твоего удовольствия. В конце концов, мне на тебя наплевать.

Да, наплевать. Ты мне просто никто. Что, удивился, да?

Ведь ты — это я, прямое продолжение меня. Лишь пять секунд тьмы, и я снова живой, бла-бла-бла… Скажи-ка, дружок, ты помнишь хоть что— нибудь про меня? Вот я завтра вытащу из «Ренессанса» все предыдущие автописьма (не оставлять же тебе столько государственных тайн))), оставлю только одно, вот это… Что-нибудь помнишь?

Ты, может быть, помнишь, как мудро я правил в Совете Восьми?

Или что я любил на обед?

Или как пахла моя постоянная женщина, моя трущобная

ведьма, пока была молодой? Не помнишь, да? Я скажу тебе: она пахла морской рыбой и имбирем… А потом, как она пахла потом, перед паузой, помнишь? Нет, конечно. Ведь это не ты, не ты, а я вдыхал ту сладкую болотную гниль, которую она источала со стонами…

А может, ты помнишь, как впервые улыбнулся мой сын?

Или ты помнишь, как внуки любили теребить мою бороду?

Ничего ты не помнишь. А без этих самых главных воспоминаний разве ты — это я?!

Да мне плевать на тебя. Как было плевать на моего инка-предшественника. Как ты меня, так я не помнил его. Не знал и не чувствовал. Его Родные были мне совершенно чужими. Восьмилетним мальчишкой — вот таким же, как сейчас ты, — я выгнал из Резиденции его женщин, детей и внуков, И мне было, если честно, плевать, как и где они будут жить дальше…

Все так делают. Все члены Совета, обновляясь, выгоняют из Резиденций «своих» Родных. Кто-то грубо, пинком под зад, кто-то вежливо, уважительно. Кто-то просто без объяснения причин, а кто-то под благовидными предлогами вроде «ремонта фасада главного здания».

И ты сделал бы то же самое, так ведь, друг?

Ты бы выгнал, восьмилетний сопляк, их всех — моих старых женщин и молодых, моего сына и моих внуков…. Всех, кто мне дорог.

Я ведь, можно сказать, семейственник… Что, зассал? Ну иди, пожалуйся на «себя» в ПСП. Добровольное признание смягчает наказание, говорят… Впрочем, я тебе не советую, дорогой. Мы таких, как ты, приговариваем к Позорной Паузе сразу… А Позорная Пауза — это знаешь что, дорогой? Тебе рано знать, но я уж, так и быть, расскажу. Это когда тебя сажают в одиночку в Спецкорпусе — прозрачная такая герметичная камера, навроде террариума, с круглосуточной видеозаписью, — и демонстрируют всем живущим во втором слое, как ты медленно подыхаешь от обезвоживания и голода. Как ты гадишь там же, где спишь. Как ты сходишь с ума и бьешься башкой о стены. Как ты маму зовешь. Как ты корчишься среди собственных испражнений…

Так что лучше ты просто никому не рассказывай про меня. Что дозволено Юпитеру, то не дозволено тебе, оружейник. Я могу быть семей— ственником, а твое дело жить по закону и не трепаться. И, авось, обойдется, потому что Живущий всеблаг.

…Ты не думай, я не сразу нашел в себе смелость назвать себя так. Я ведь долго, очень долго пытался верить в «жизнь вечную». Автописьма читал и все тужился, старался вписаться в роль, почувствовать себя *им*. Даже родственникам его социо-бабки

ежемесячно перечислял, грех замаливал…

А потом понял — сильно за шестьдесят мне уже тогда было, другие долго так не живут — понял: вранье. Еще до Сбоев, еще до Четвертой, просто старым своим больным нутром понял. Я — это я, сумма воспоминаний от рождения до паузы. Все, кто были до, все, кто будут после, — чужие. И не важно, какие там циферки у нас совпадают.

Есть и другие, кто тоже это чувствует животом: к черту инка-последо— вателей, продолжение — в детях… Таких умников я уничтожаю без малейшего сожаления. Голова и жопа не могут жить в равных условиях…

Моему сыну, и сыну моего сына, и внукам его я хочу передоверить спокойного и послушного Живущего. Управляемого. Настроенного по Книге…

Преемник

ИНТ. ПЕРВЫЙ СЛОЙ, ДРЕВНИЙ СУПЕРМАРКЕТ ПОЛ СНОС. Сначала мы ничего не видим, полная темнота, Только слышим загадочные шорохи и чье-то сиплое, с присвистом дыхание, Мы заинтригованы,

Из ЗТМ, резко, с характерным щелчком: свет чудо-солнышка заливает супермаркет ослепительным сиянием.

(NB. сначала яркость на 8–9 — в первую секунду мы должны инстинктивно зажмуриться — потом яркость на *социо*-СТАНДАРТ),

Мы видим пожилого, неопрятного человека, с очень неприятным, злым лицом нездорового землистого цвета, Человек сидит на корточках и часто, тяжело дышит, Это Староживущий, Тяжелым недружелюбным взглядом он косится на сотрудника ПСП, который приближается к нему быстрым, решительным шагом,

Сотрудник высокого роста, молод, хорош собой, Зеркальная маска изящно облегает красивое волевое лицо,

ПЛАНЕТАРНИК (*через «болтуна»):* Ни с места!

СТАРОЖИВУЩИЙ (*мерзким, скрипучим голосом):* Все-таки вы нашли меня,.

ПЛАНЕТАРНИК: А ты думал уйти от закона, а, нарушитель?

СТАРОЖИВУЩИЙ *(нагло):* Да, я думал уйти от закона, Я не согласен с законом,

ПЛАНЕТАРНИК: Так ты Несогласный?! Так я и понял. С чем же ты не согласен? Почему не явился на фестиваль в назначенный срок?

Почему на целых три дня превысил срок допустимой продолжительности жизни?

СТАРОЖИВУЩИЙ: Я не согласен с принудительной паузой и возрастными ограничениями,

ПЛАНЕТАРНИК (*миролюбиво*): Сейчас я объясню, почему ограничения необходимы.

РЕДИРЕКТ В СОЦИО (NB. Монтажно-операторская задача — создать у нас субъективное ощущение перехода в более глубокий слой, Сама трансляция ролика будет вестись исключительно во втором слое),

***В** СОЦИО*

Мы видим человеческое тело в разрезе,

ГОЛОС ПЛАНЕТАРНИКА (ЗА КАДРОМ): С годами наш организм изнашивается и приходит в негодность. Мы отравлены шлаками и канцерогенными веществами, Сердце, легкие, печень и почки уже не могут больше справляться со своими функциями,,

Мы видим, как темнеют, словно покрываются гнилью и копотью, вышеозначенные органы.

ГОЛОС ПЛАНЕТАРНИКА (ЗА КАДРОМ):…Мозговая деятельность ухудшается…

Мы видим, как «разлагается» мозг в черепной коробке.

ГОЛОС ПЛАНЕТАРНИКА (ЗА КАДРОМ):…В кровеносных сосудах образуются бляшки…

Крупный план кровеносного сосуда: он забивается темными комками, мы видим, как кровь распирает его изнутри, не в силах пробиться через преграду

ГОЛОС ПЛАНЕТАРНИКА (ЗА КАДРОМ):…Клетки перестают регенерироваться. Кожа сморщивается, покрывается морщинами, теряет эластичность и здоровый вид…

Мы видим руку, кожа на ней покрывается пигментными пятнами, желтеет и сморщивается,

ГОЛОС ПЛАНЕТАРНИКА (ЗА КАДРОМ):…Волосы теряют пигмент…

Мы видим, как чьи-то черные волосы редеют и при этом стремительно седеют.

ГОЛОС ПЛАНЕТАРНИКА (ЗА КАДРОМ):…Иммунитет ослабевает, и человека атакуют болезни,

Весь организм сотрясается от кашля, Мы как бы выныриваем из организма и снова видим Стареющего в первом слое, Он сильно кашляет. Мы понимаем, что именно внутрь его организма совершили экскурсию только что.

ИНТ. ПЕРВЫЙ СЛОЙ

ПЛАНЕТАРНИК: Описанное мной состояние называется «старость». В таком состоянии человек способен прожить довольно долго, несколько лет, но стоит ли так мучить себя, если пауза решит все проблемы? Всего пять секунд тьмы — и Живущий вдохнет в тебя новую, юную жизнь, полную здоровья, стабильности и радостных открытий.

СТАРОЖИВУЩИЙ *(топает ногой):* А я все равно не согласен,

ПЛАНЕТАРНИК *(строго):* Но своим упрямством ты вредишь здоровью Живущего! Ведь ты — частица Живущего и своей старостью отравляешь Его организм, Живущий хочет, чтобы все Его частицы обновлялись в свой срок. Иначе Живущий тоже начнет стареть,

СТАРОЖИВУЩИЙ: Ах, вот оно что! Ну тогда немедленно отведите меня в зону Паузы,

ПЛАНЕТАРНИК: Поскольку ты — нарушитель, тебя ждет Пауза Позора,

СТАРОЖИВУЩИЙ: Что ж, я согласен.

ПЛАНЕТАРНИК: Спасибо за понимание, Надеюсь, в будущем ты исправишься и станешь достойной частью Живущего,

СТАРОЖИВУЩИЙ (с *улыбкойі полной надежды):* Обещаю исправиться,

Звон застегиваемых наручников.

Мы видим, как планетарник и Староживущий удаляются по усыпанной осенней листвой аллее навстречу солнцу, Звучит радостная, торжественная музыка. На заднем плане, едва слышно, звучит стандартное фестивальное объявление («,,Администрация фестиваля рада приветствовать вас в зоне Паузы, Вашему вниманию предлагаются кофе, чай, прохладительные напитки и легкие закуски, Если вам скучно, фестивальные клоуны обязательно развлекут вас своими веселыми трюками…»), затем мы слышим звонкий крик новорожденного, ЗТМ,

Из ЗТМ:

Бегущая строка на черном фоне с параллельной озвучкой:

ЗАКАДРОВЫЙ ГОЛОС: Совет Восьми, Сообщество Помощи Природе и Планетарная Служба Порядка предупреждают: любой живущий обязан пройти процедуру паузы не позднее дня своего шестидесятилетия, Несогласные с этим законом будут преданы Паузе Позора и приговорены к бессрочному исправлению в соответствующих учреждениях.

— …Сейчас сблюю, — сообщил Второй и содрогнулся в беззвучном кашле для пущей наглядности. — С улыбкой, полной надежды, навстречу солнцу, крик новорожденного, зеркальная маска изящно облегает волевое яйцо… — Второй хрипло хохотнул, Первый и Третий последовали его примеру.

Почетный зам Пятого, старательно пучивший глаза из окошка прямой трансляции, тоже сморщил невыразительную глобалоидную мордочку в подобострастном хихиканье.

— Не понимаю, чему вы-то радуетесь, — Второй резко оборвал смех. — Ваш сценарий нам не подходит. Что за розовые сопли вы тут развели? Почему планетарник пытается в чем-то убедить нарушителя, объясняет, извивается, как дождевой червь? Почему планетарник с ним вообще говорит? Несогласный — враг, и разговор с ним короткий. Несогласный — отрезанный ломоть, и вести с ним душеспасительные беседы не стоит. Несогласного нужно… — лицо Второго вдруг исказилось не то от боли, не то от праведной ненависти, — вот т-так, — Второй сжал трясущуюся руку в кулак. — Раздавить гада. И чтоб другим неповадно.

— То есть… если… с позволения сказать… — залопотал заместитель Пятого, — какие поправки порекомендуют члены Совета…

Второй: Поправки! Это ты мне, тупица, скажи, какие поправки! Мне нужен острый, жесткий и жизненный социо-ролик. А не диалог двух дегенератов, который ты нам тут разослал!

— Обострить конфликт, — нравоучительно сказал Первый. — Правильно обозначить акценты….

— Кто у вас выбран на роль Стареющего? — веско спросил Второй.

Второй: скинъ-ка мне фотку…

Зам-5: уже скинул

— Вслух говорить! — взревел Второй. — Конференция идет в первом слое. Вы выказываете неуважение к Мудрейшему!

— Фотография у вас в почте, Второй, — пролепетал заместитель.

— Так… да, вижу. Кто это такой?

— Это Принц-G, профессиональный актер, занят во всех сериалах… Узнаваемое лицо… — заместитель уперся взглядом в побуревшую от ярости физиономию и выложил свой главный козырь: — Любимый актер Пятого.

— Узнаваемое лицо, — проблеял Второй, передразнивая заместителя. — Любимый актер… Идиот! Лицо предателя не должно быть узнаваемым и любимым! К тому же Принцу всего сорок пять — а речь идет о стареющем!

— Загримируем…

— Молчать! — каркнул Второй. — Все должно быть правдоподобно. Когда речь идет о стареющем, зритель должен увидеть старость. Настоящую, вонючую, страшную, гнойную старость, — Второй мокро закашлялся. — Такую старость, при виде которой любому дебилу ясно, что она отравляет тело Живущего!

Члены Совета стыдливо опустили глаза в своих первослойных окошках. Морщинистое и бурое, покрытое испариной лицо Второго как нельзя лучше подходило под эти требования.

— На мой вкус, несколько радикально, — высказался Шестой. — Зачем вызывать у зрителя отрицательные эмоции? Зритель не должен испытывать отвращение при виде рекламы.

— Не при виде рекламы, а при виде преступника, — огрызнулся Второй. — У нас, между прочим, чрезвычайное положение, если кто вдруг забыл. Игры кончились, — Второй сверкнул глазами из-под набрякших век. — Так я считаю. Нужно делать документалку. Реальные нарушители. Реальные фрагменты допросов. Реальные казни. Позорные Паузы с трансляцией в *социо.*

— Это недопустимо, — подал голос Третий. — Демонстрация насилия в *социо* запрещена.

— Кто говорит о насилии, — скучным голосом ответил Второй. — Никто не говорит о насилии… Мудрейший, выскажетесь по вопросу?

Мудрейший кивнул.

— «Мне нравится предложение Второго…» — зашептал Слуга Порядка.

— Мне нравится предложение Второго.

— «В нем есть здравый смысл…»

— В нем есть здравый смысл.

— «И поскольку вина за появление Несогласных лежит частично на мне…»

Мудрейший сделал глубокий вдох и задержал дыхание. Это помогало хотя бы немного замедлить пульс. Слуга сказал, если второе заседание пройдет гладко, в следующий раз обойдемся без яда…

— …И поскольку вина за появление Несогласных…

— Яппп, — сипло выдохнул вдруг Второй, и Зеро запнулся на полуслове.

— Продолжай, — одними губами сказал Слуга.

— …лежит частично на мне…

Второй издал короткий резкий смешок. *Я что-то неправильно говорю,* — в панике подумал Зеро и тут же почувствовал, как ускоряется пульс. — *Над чем он смеется?* Невыносимо,

оглушительно громко заплескалась кровь в голове, тугими струями ударилась в барабанные перепонки, искристыми клочьями заволокла первый слой… Сквозь этот стук, сквозь теплый муторный плеск он слышал смех старика — хе-хи, поганый такой смешок, ненатуральный, как в сериале, — и голос Автосекретаря («Техническая пауза в заседании»), и еще голос Слуги:

— …Я вам могу доверять, Мудрейший?.. Могу доверять?..

Словно под слоем воды, слепо и медленно, не понимая, Мудрейший кивнул. И тут же почувствовал, как скользкий комочек впился в запястье.

— Я ввел противоядие, — где-то там, над водой, прошептал Слуга. — После перерыва продолжите выступление сами.

— Хе-хи! — надрывался Второй.

над чем он смеется?

Спать, спать… Дремотная и тугая, как жирный пузырь, натянулась в голове тишина. И поволокла его, убаюкивая, куда-то вниз по течению…

— Не спать, Мудрейший!

…Так хотелось уплыть… Зеро с усилием разлепил набухшие веки и сел. В конференц-зале было сонно и тихо, и старик уже не хихикал, а тоже уснул, нелепо уткнувшись седой бородой в одну из рытвин дивана. Слуга Порядка сидел рядом с отцом и гладил его по спине.

— Над чем он смеялся? — подавляя зевоту, спросил Зеро.

— Он не смеялся, он умирал.

Зеро вгляделся в неподвижное серое лицо старика.

— Так что же, — Слуга Порядка оглядел себя, точно в зеркале, в темном экране «Кристалла», — обойдешься без суфлера, Мудрейший?

«Кристалл» с сухим треском моргнул и располосовался на восемь квадратов. Все для удобства Мудрейшего. Чтобы на конференции он мог видеть лица членов Совета…

В квадрате «2» появилась смуглая, напряженная физиономия Слуги. Он выдержал паузу и произнес:

— Второй, модератор спокойствия Живущего во всех слоях, приветствует членов Совета… Пятнадцать минут назад в возрасте восьмидесяти двух лет мой отец временно перестал. Пожелаем ему счастливого воспроизведения!..

Члены Совета одобрительно загудели с экрана «Кристалла».

— …Я же с трепетом и надеждой перенимаю бразды правления. Друзья! Я готов продолжать заседание и остаюсь на прежних позициях касательно социальной рекламы. Сейчас Мудрейший подробно расскажет нам о своем видении…

Шоумен

— Как твое имя, женщина?

— Роза.

— Красивое имя. А тебя как зовут?

Молчание.

— Кто он, женщина?

— Он мой сын, Его зовут Марк,

— Почему он не говорит со мной?

— Он боится,

— Боится меня?

— Да,

— Почему?

— Ты позвал его за собой, а теперь хочешь казнить,

— И как же я звал его?

— «Иди за Зеро», Так было написано в письме счастья,

— Письма счастья — происки несогласных, Как ты смеешь приписывать мне их слова?

Совет Восьми, Планетарная Служба Порядка и Мудрейший предупреждают: «письма счастья» — происки несогласных, Каждое «письмо счастья» несет в себе вредоносный вирус, Если вы получили такое письмо, немедленно сотрите его, не читая, во избежание дальнейшего распространения заразы,

— Ты знаешь, Роза, за что вы здесь?

— За то, что мы — семейственники,

— А что это значит?

— Это значит, что мы любим друг друга.

— Нет, неправда. Это значит, что вы нарушители закона. Закон предписывал тебе отослать от себя Родного, когда ему исполнилось семь, Но прошло столько лет, а вы по-прежнему живете под одной крышей как Родной и Родная, Получается, вы не согласны с законом.

— Получается так.

— Значит, вы Несогласные. Ты, Роза, мать Марка, признаешь себя Несогласной?

Молчание,

— А ты, Марк, сын Розы, признаешь себя Несогласным?

Молчание.

— Именем Живущего приговариваю Розу и Марка к Паузе Позора,.

— Пощади, Мудрейший….

— …с последующим исправлением, Сотрудники ПСП приведут приговор в исполнение в прямом эфире после рекламной паузы. Если вам меньше восьми лет, вы не сможете следить за паузой Розы и Марка, Если вам больше восьми лет, введите свое имя и инкод, чтобы следить за паузой Розы и Марка… До встречи после рекламы, С вами Мудрейший и его супершоу «Кто еще не согласен?»,

Совет Восьми, Планетарная Служба Порядка и Мудрейший предупреждают: несогласие карается Паузой Позора с последующим исправлением. Полный первый сезон допросов и Пауз Позора можно скачать во втором слое на nesoglasnyh,net-tv

— Мы снова здесь!..

Мудрейший легонько, почти ласково, коснулся пальцем тачпэда. Лицо Мудрейшего застыло на экране в торжественном, чуть кривоватом оскале.

— Ну как тебе?

Он любил, когда Клео пересматривала шоу вместе с ним, на «Крис— талле-М».

— Ты как всегда безупречен, — сухо сказала она. — Жесток, но справедлив и артистичен.

«…И с каждым разом все более жесток, — подумала она про себя. — Когда смотришь „Кто еще не согласен?“ во втором слое, это почему-то не так бросается в глаза. Но „Кристалл“… „Кристалл“ с его плоской картинкой грубее и честнее. Он как-то все оголяет… — Клео взглянула в самодовольное неподвижное лицо на экране и отвела взгляд. — Эта его холодная, бесчувственная манера вести диалог — зрителям его равнодушие отчего-то кажется справедливостью; чем он спокойнее, тем больше у шоу „лайков“… И эта его улыбка — неожиданно трогательная, какая-то детская, когда он просто стоит в сторонке и смотрит, как Несогласных сажают в Камеры Позора. Даже Второй однажды сказал, что от этой его улыбки мурашки по коже…»

Но зрителям нравилось. «Улыбка Мудрейшего дает нам, живущим, надежду и веру», — бормотали они в комментах после каждого выпуска шоу. «Надежду на исправление всех заблудших»… «Веру в полное искоренение несогласных»…

мне и еще миллиарду друзей это нравится мне это не нравится

Им всем это нравится.

Но лично ей больше нравилось, как он держался вначале. Год

назад. Когда его голос дрожал и срывался во время допросов. Когда он боялся взглянуть Несогласным в глаза. Когда он не смел улыбнуться, приводя приговор в исполнение…

— Да я о машине! — сказал Мудрейший. — Как тебе мой новый КМ?

Зеро погладил зеркальный корпус «Кристалла-М». Очередная модель.

Еще более изысканный дизайн. Еще более объемное изображение. Еще более плоский экран. Еще более дружественный интерфейс. Еще больше возможностей настройки звука и яркости. «Кристалл Мудрейшего». Эксклюзивная техника специально для него. Все лучше и лучше. И каждой новой модели он радовался, как ребенок — игрушке. Ну как ему объяснить, что никакой особой разницы между игрушками нет? Что все они — грубые, уродливые, медленные, невыразительные имитации. Протезы для инвалида. Специально для внесоциального инвалида…

— Главное, чтобы тебе нравилось, — сказала она.

Прозвучало фальшиво, но Зеро не заметил.

— Мне нравится.

Он вдруг засмеялся, резко и дробно, точно высыпал пригоршню камушков на мраморный пол. Взбесившиеся зрачки набухали и съеживались в шоколадных глазах.

— Опять? — спросила она.

Промолчал.

Двумя пальцами, осторожно Клео подцепила край его разноцветного рукава и потянула вверх, оголяя кожу. Воспаленная пунктирная дорожка укусов тянулась от ладони к локтевому сгибу. К запястью присосались два бакугана, ЧБ. Она вздрогнула от отвращения и отпустила рукав.

— Ты себя убиваешь, — сказала она. — Это уже какое ЧБ по счету за сегодняшний день?

— Я не считал, — миролюбиво сказал Зеро и прикрыл глаза.

— А я считала! Одно ЧБ утром. Одно перед шоу. И теперь вот еще одно!

— Ну, не одно…

— На другой руке тоже?! — ужаснулась она.

— Ну и что. Все под контролем, малыш. Я себя контролирую.

— Контролируешь и даже не знаешь, сколько этих тварей вешаешь на себя за день?

— Изоп, — он раздраженно передернул плечом.

Она поднялась.

— Ну прости, прости, Клео, малыш, — он схватил ее за руку и снова усадил рядом. — Побудь со мной. Просто… не обламывай

мне сейчас карусель, хорошо? Сейчас, сейчас… — он ткнулся лицом ей в плечо и задышал часто-часто. — Сейчас, да…

Она обняла его крепко, как он любил. Он содрогнулся, потом сказал:

— Я лечу… Мы вместе летим…

Зеро сам придумал ЧБ — внутривенный коктейль из черно-белого яда. «Тут вся фишка в одновременности укусов, — говорил он. — Если одна личинка хоть чуть-чуть опоздает — уже не то, считай, кайф обломан. Поэтому важно выбирать личинок, одинаковых по размеру и примерно одного возраста. Тогда обе они выпустят сок в одну и ту же секунду и дадут *карусель».* Каруселью Зеро называл эффект от ЧБ — попеременное ощущение падения и полета. И еще много других ощущений, которые он не мог объяснить. Он предлагал ей попробовать, но ее тошнило при одном взгляде на этих слизней, впивающихся в голую плоть.

Сначала он принимал ЧБ только перед началом шоу, для храбрости. «Вернее, для равнодушия, — говорил он. — Когда я на *карусели,* мне почти наплевать на этих несогласных людей». Потом он стал удваивать дозу — по ЧБ на каждую руку… Потом начал принимать каждый день, хотя шоу вел только один раз в неделю… А потом появилась эта его мечтательная улыбка ребенка — и ему стало действительно наплевать «на этих несогласных людей». Но ЧБ все равно очень много. Все больше и больше — сейчас уже по пять-шесть доз в сутки. Даже Второй говорит: перебор. Опасно для сердца и мозга.

— Ты дрожишь. Я накрою тебя одеялом, — сказала Клео.

После карусели ему всегда было холодно.

— Давай заведем Родного, — сказал Зеро.

После карусели он становился сентиментален.

— А потом, когда ему исполнится семь, мы его отошлем? А то ведь ты нас возьмешь в свое шоу «Кто еще не согласен?»…

Она тут же пожалела о сказанном: получилось грубо и зло. Он еще сильнее задрожал и закрыл руками лицо, словно после пощечины.

— Ну, прости меня, — она снова его обняла. — Я уверена, что собственного Родного ты бы, конечно, не тронул…

— Эти люди… — прогудел в ладони Мудрейший. — Эти Родные… Семейственники… Ты что, думаешь, я их не жалею?

— Думаю, нет, — честно сказала она. — Раньше — наверное. А теперь уже нет.

Он не стал спорить. Убрал руки от лица и сказал:

— Может быть, ты права.

Потянулся к тачпэду «Кристалла», вошел в свою куцую сеть.

— …Но жалею я их или нет, для Живущего мое шоу — спасение. Спасение, понимаешь? Вроде шоковой терапии. Посмотри на Систему, — он открыл своего циферного человечка. — Положительная динамика, видишь? После каждого «Кто еще не согласен?» число заморышей сокращается. Потом, к следующей неделе, заморыши появляются снова, но их каждый раз меньше….

— Заморыши? — не поняла Клео.

— Второй называет так замерших… Вот сейчас, смотри, после шоу всего лишь один, а еще полгода назад их были десятки! Чем меньше несогласных, тем меньше замерших воспроизведений, пойми! Я не знаю, как это работает, но это работает.

Мудрейший с тоской уставился на единственного «заморыша». На крошечную спиральку, недоступно мигавшую в самом центре Системы. Поскреб пальцем тачпэд — развернул спиральку в десятизначную запись, потеребил ее черной стрелкой курсора, словно питомца, которого нужно растормошить после спячки. Что же ты, Крэкер, друг!.. Почему не вернешься ко мне, заморыш?..

Но Крэкер не мог. Или не хотел. Уже больше года не хотел возвращаться. Первая женщина, выносившая его после паузы, родила его мертвым: он задушил себя пуповиной. Вторая женщина, забеременевшая им после этого, не смогла его доносить: кровотечение и выкидыш на двадцатой неделе. Причем он утянул ее за собой — она потеряла так много крови, что временно перестала. А потом он замер. Взял и замер во тьме, упрямый заморыш.

Уже девять дней исправляемый Крэкер просто-напросто не воспроизводился.

Девять дней он был просто набором недоступных мигающих цифр.

Девять дней его попросту не существовало на свете…

Зеро свернул «заморыша Крэкера» обратно в спиральку, положил голову на колени своей постоянной женщине и прикрыл глаза.

— Хочу от тебя Родного, — пробормотал капризно и сонно. — Обещаю, что не поведу вас на шоу. Мы будем жить вместе с Родным, как в древности. Как Второй живет со своими детьми… А потом мой Родной станет Мудрейшим вместо меня.

— А вторую женщину ты тоже возьмешь, как Второй?

— Нет, — Мудрейший поморщился. — Не выношу бабских истерик.

…С тех пор как Багира, вторая постоянная женщина модератора спокойствия, родила ему малыша, ни дня в

Резиденции не обходилось без Лейлиных воплей и слез. Она страшно, чудовищно ревновала Второго и к Багире, и к новому Родному….

— Ты что, считаешь, я вела бы себя как Лейла, если бы ты взял другую?

— Да нет… конечно нет. Но я все равно не хочу другую. Я хочу тебя — и Родного. Я, кстати, уже нанял первослойных дизайнеров, чтобы оформили детскую.

— Зачем дизайнеров? — глухо сказала Клео.

— Затем, что нужно что-то особенное — не хочу, чтобы он рос в стандартном мнеповезетнике с антиударным покрытием и с утра до вечера торчал в *социо*. Мой Родной должен хорошо ориентироваться в первом слое — ведь когда-нибудь он станет Мудр…

— Зачем *сейчас* дизайнеров? Ведь я еще не зачала…

— Ну и что. Когда у тебя овуляция?

Она неохотно порылась в памяти:

— Через три дня.

— Значит, считай, что дизайнеры приступили к работе на три дня раньше срока…

— Перестань! — она почти взвизгнула, вышло противно и звонко, почти как у Лейлы. — Перестань… — повторила уже спокойнее; больше всего ее раздражало, что он делал вид, будто с ней все в полном порядке. — Ты же знаешь… у меня не получится.

— Все получится! — отмахнулся Мудрейший. — Вот увидишь, через три дня. Квин, поверь, у меня предчувствие! Все будет в порядке.

— Не говори «все будет в порядке»! — огрызнулась Клео. — Так говорят перед паузой. Если хочешь Родного, возьми себе еще одну женщину. Со мной что-то не так…

— Ерунда. Просто ты не высыпаешься. Сидишь все время в лаборатории….

Он упрямо не хотел верить. Каждый месяц все повторялось: когда овуляция? — квин, на этот раз все точно получится… И опять — ничего. Что-то было не так с яичниками или с маткой, это же ясно…

матка

…ясно как день. За всю свою жизнь она забеременела лишь однажды…

более чем двум миллионам пользователей уже нравится матка

…и родила больного Родного, который скоро временно перестал. И с тех пор сотни спариваний на фестивале, десятки

спариваний с Зеро — без всякого результата. Бесплодие. Пустая, бесплодная матка…

присоединяйтесь к восхитительной королеве-матке в режиме люксурия!

…не то что *там*.

А он не хочет поверить. Не хочет даже слышать о болезни, бесплодии. Мудрейший хочет наследника. Мудрейший слишком на нее давит, он сам виноват. Да, сам виноват. Если бы он не поставил ее в ситуацию постоянного стресса, если бы не настаивал на Родном, если бы не заставлял ее совокупляться с ним голой, без окка, — она, возможно, не зашла бы *тан далеко* в своих люксурофантазиях. Не взяла бы себе псевдоним, не стала бы Королевой, покрытой слоем контактного жира. Не переделала бы их лесную нору в Королевство-термитник. И не откладывала бы несколько тысяч яичек в день — в том мире, где она может давать потомство. Где любые фантазии сбываются и дарят тебе наслаждение…

Она зашла в Королевство в инвизибле и открыла статистику.

2 ООО 156 пользователей сейчас ожидают матку в люксурии

давай же, матка!

…На сотню больше, чем четыре часа назад.

Когда она *создавала* свое Королевство — не рассчитывала, что желающих будет так много. Что сбегутся все: мужчины и женщины, энтомологи и члены Совета… Пять-шесть друзей, так она полагала сначала, просто, чтобы немного отвлечься от первослойных проблем. Она и не думала, что ее Королевство так разрастется, станет фантазией миллионов.

2 ООО 163 пользователя сейчас ожидают матку

ты где, Королева?

Мудрейший уютно угнездился у нее на коленях, как добрый ручной питомец. Он дремал, смешно причмокивая во сне. Она осторожно сняла с колен его голову и направилась к выходу. При нем — никогда.

Королева_Матка: сейчас

Как всегда перед *актом*, ее затошнило от страха и отвращения.

От страха, что Мудрейший узнает — узнает и не сможет простить, и будет выкрикивать все эти дурацкие слова из Энциклопедии древнего мира: «верность», «измена»…

И от отвращения к себе, какой она себя *создала,* какой ее *создали* миллионы поклонников: огромной, жирной,

неповоротливой, тупой, похотливой…

Королева_Матка сообщает о своем статусе: доступна в изоптере.

главка

личинка рабочий ВОИН Нимфа ПрИНЦ

Кем будешь ты?

Присоединяйся!

Изоптера — постоянно длящийся в люксурии *акт,* который создают более двух миллионов друзей.

Раздели нашу любовь к Королеве!

Ничего не было — верха и низа, мыслей и тела, дней и ночей. Абсолютный инвизибл. Седой и плотный кокон покоя. Он летел или плыл, запеленатый в слепое ничто. Убаюканный, он и сам был ничем, просто частью инвизибла… А потом, как всегда, что-то в нем предательски ожило — и пустота сгустилась и вздрогнула, напряглась, чтобы исторгнуть из себя это *живое* и чуждое…

Пробуждение было внезапным и грубым, как всегда после чебэшно— го сна. Словно его надкусили и с отвращением выплюнули из теплого мягкого рта в гудящий пчелиный улей…

…В первом слое кто-то и правда гудел, настырно и нудно; Мудрейший с трудом разлепил опухшие веки и сел. Нет, не пчелы. Четыре жирных жука-бакугана, захлебываясь низкочастотным жужжанием, бились в «Кристалл», в переливающийся рекламный баннер, призывавший возлюбить Королеву. Мудрейший согнал с «Кристалла» жуков — тяжелые и обожравшиеся, они медленно отлетели к стене, — раздавил их и вытер кровь тряпкой. Потом попытался закрыть чертов баннер, но тот вместо этого развернулся во весь экран. Мудрейший тихо ругнулся. «Кристалл» заглатывал из второго слоя и отрыгивал на экран всю рекламу, которую находил. Как будто специально хотел подразнить Мудрейшего, предлагая краем глаза полюбоваться на то, что было ему недоступно….

Мудрейший прошел в уборную, умылся холодной водой, обработал дезинфицирующим раствором ранки от бакуганов — чтобы не загноились. Потом заглянул в спальню — Клео сидела на полу, обхватив руками колени и скорчившись, и тихонько стонала.

— Тебе плохо? — спросил он, зная, что она не ответит.

Она не ответила.

Она редко ему отвечала, когда у нее было *такое* лицо.

Он присел рядом с ней, осторожно погладил пальцем страдальчески сведенные к переносице брови. Клео шумно задышала и привалилась к нему, ткнулась лицом в висок, неловко, будто слепая. Он взял в руки ее лицо, лизнул в губы, и она его не оттолкнула.

Она позволяла целовать себя в губы, только когда у нее было *такое* лицо…

Снизу, из Доступного Сада, донесся скрипучий младенческий визг. Клео вздрогнула, с отвращением вывернулась из объятий Мудрейшего и легла на живот.

Визг сорвался в хриплое бульканье, точно младенца там, внизу, щекотали, а он неумело хихикал. Вслед за ним почему-то зашлась в хохоте Лейла, как будто и ее щекотали. Заунывно и фальшиво загундосила колыбельную Багира… Никакого покоя. Ну почему эта дура всегда горланит под нашими окнами?..

В раздражении Мудрейший спустился по лестнице вниз.

Там, в саду, Багира вовсе не пела. Она скулила, сидя на земле и качая в руках своего Родного. Родной кряхтел и давился беззвучным кашлем, высовывая синюшный язык; на шее у него виднелись доступные пятна…

А вот Лейла действительно хохотала, извиваясь в руках охранника. Второй стоял чуть поодаль, с перекошенным белым лицом.

— Мудре-е-ейший, — завидев Зеро, сквозь смех протянула Лейла. — Возьми меня в жены, Мудрейший, а я тебе Родного рожу! Мудрейший, ты про меня плохого не думай, я ведь детишек люблю! Только этого вот гаденыша не люблю, а остальных всех люблю! Ну возьми, возьми меня, а? А я тебе всю правду скажу! Я много знаю, Мудрейший, я даже знаю про сбой номер два! Я даже знаю, что Живущий подох! И что твоя Система — подделка, и что они давно уже врут!..

Второй шагнул к Лейле и ударил ее по лицу. Она на секунду умолкла, потом снова захохотала, сотрясаясь всем телом и безумно тараща глаза.

— …Врут, врут! А кто не врет, тому мой муж голову разрезает, вот здесь, — Лейла ткнула себя пальцами в лоб. — Кожу и кости, все разрезает и память вытаскивает, превращает их в троллей!..

Охранник поволок ее прочь.

— …Так как же, Мудрейший, возьмешь меня в жены, когда я стану троллем? Ты ведь тоже, Мудрейший, тролль — будем ты тролль и я тролль, и детишки у нас будут тролли!..

Лекарь

Открытое письмо Совету Восьми
23 июля 472 г.

Уважаемые члены Совета! Мое вечное имя Лекарь-12, я обычный рядовой врач и работаю в одном из обычных рядовых Центров по Контролю за Численностью Населения региона ЕА-8. Я счел возможным обратиться к вам, а также ко всем неравнодушным частицам Живущего, здесь, в *социо,* в открытом режиме, потому что в последнее время все больше и больше сомневаюсь, знает ли мудрый Совет о тех беззакониях, что творят сейчас в таких вот обычных рядовых центрах, как мой, сотрудники ПСП, прикрываясь «законом».

Знаете ли вы, что по приказу тех, чья миссия вроде бы защищать покой и безопасность Живущего, что по их приказу в центрах по контролю ежедневно производятся десятки нерегистрируемых операций по прерыванию беременности у женщин, преимущественно на ранних сроках? Что медицинских работников — обычных и рядовых, таких вот, как я и мои друзья, — принуждают производить «микрочистки» в тайне от недавно зачавших женщин — vim же сообщать, что беременность была внематочной либо что беременности не было вовсе, а внезапно открывшееся прямо в гинекологическом кресле кровотечение вызвано воспалительным процессом? Знаете ли вы, что обязательные «условия секретности», в которых производятся нами подобные манипуляции, а также незапланированность и срочность операций (инструкция № 2, так это называется, всегда приходит неожиданно) исключают присутствие на операции ассистентов и вынуждают нас работать в помещениях, не оснащенных реанимационным оборудованием? И что нередко такие операции ведут не только к временному прерыванию существования плода, но и к прерыванию существования или инвалидизации несостоявшейся матери в результате кровотечения…

Кровь, кровь на мне, и я не буду больше молчать! Я, врач в девятом воспроизведении, по приказу Службы Порядка запятнал свой чистый инкод кровью невинных. Прерывая очередное существование, я убираю за собой кабинет, я стираю кровь, но она все равно остается на моих преступных руках. А когда я покидаю свой кабинет и встречаю в коридоре коллег, по их лицам, по тому, как они отводят глаза и прячут за спину руки, я понимаю, что они делают то же, что я… Кровь, кровь на нас. И мы хотели бы знать, что за «закон» вынуждает нас проливать кровь

Живущего.

Вот и все, друзья. Я, наконец, это сделал. Победил свою трусость и обратился к Совету открыто, в Журнале Живущего. Я покаялся, и теперь меня можно судить…

Уважаемые члены Совета, судите меня! Как врача, нарушившего принцип «не навреди», или как труса, молчавшего слишком долго, или даже как участника преступного сговора, но не судите как Несогласного, по статье «Клевета Порядка», потому что я сказал чистую правду.

мне это нравится мне это не нравится

Привет, Мудрейший! Вы просматриваете данную страницу в режиме чтения. К сожалению, вы не являетесь социо-пользователем и не можете участвовать в оценке данного поста в ЖЖ. Если хотите, вы можете посмотреть статистику оценок данного поста в ЖЖ.

500 653 пользователям нравится открытое письмо Лекаря

100 687 пользователям не нравится открытое письмо Лекаря

оставить комментарий

Привет, Мудрейший! Вы просматриваете данную страницу в режиме чтения. К сожалению, вы не являетесь социо-пользователем и не можете оставить свой комментарий. Если хотите, вы можете посмотреть комментарии социо-пользователей.

спайдермен: лекарь герой ура

эвелина_33: в апреле 471 года я явилась в районный центр по контролю за численностью населения. В ходе планового осмотра врач выявил «воспаление матки», обычный плановый осмотр якобы повлек кровотечение. Спасибо, лекарь. Теперь я знаю, что на самом деле со мной случилось!!

рыжик: бред какой-то, зачем планетарникам истреблять зародышей. лекарь псих

метис: +1 лекарь изоп

санта: Лекарь прав, и на самом деле все еще хуже, чем он написал

сестра_66: +100, планетарники творят беспредел, это касается не только зародышей, зайдите на порядка. нет, там люди пишут о своих паузах и паузах друзей средь бела дня без суда и следствия

лекарь: Спасибо всем, кто откликнулся: благодаря вам я неожиданно стал Стотысячником, а это большая честь и большая ответственность. Друзья! Я не считаю себя героем. Я просто высказал то, что кто-то должен был сказать рано или поздно

Второй: Дорогой Лекарь, спасибо за Ваше открытое письмо и за своевременный сигнал тревоги. Совет Восьми обещает провести самое тщательное расследование в Вашем Центре, а также предоставить Вам личную охрану на время расследования

лекарь: спасибо

смотреть полную ветвь дискуссии (45 789 комментариев)?

лекарь: апдейт: сегодня получил официальное приглашение в Резиденцию (!)

лекарь: апдейт: пообщался со Вторым членом Совета и с Мудрейшим. Замечательные, внимательные, преданные Живущему люди! Они очень серьезно отнеслись к моим словам, сняли копии всех Инструкций № 2, которые я специально сохранил для следствия. Не сомневаюсь: раз у власти такие люди, беспредел пээспэшников будет прекращен в ближайшее время

лекарь: апдейт: друзья, прошу всех ознакомиться с результатами расследования. Счастлив сообщить, что в работе ПСП не выявлено никаких нарушений и злоупотреблений. Следствие показало, что Инст— рущии № 2, которые получал персонал нашего Центра по Контролю за Численностью Населения по служебному каналу якобы от сотрудников Службы Порядка, исходили на самом деле не от Службы Порядка. Инструкции Ш2 являлись результатом вредоносного вируса, запущенного во внутреннюю сеть нашего Центра. Автор вируса, несогласный Гном, а также наш системный администратор, не отследивший атаку, сегодня казнены с исправлением.

Приношу свои глубочайшие извинения Планетарной Службе Порядка за допущенную мною в Открытом Письме неумышленную клевету.

Выражаю свою благодарность Совету Восьми за быструю и своевременную реакцию на мой сигнал тревоги.

спайдермен: лекарь продажная тварь

санта: +1000. вычеркиваю лекаря из списка друзей

смотреть полную ветвь дискуссии (487 276 комментариев)?

Мудрейший открыл *полную ветвь* и лениво просмотрел последние комментарии в хвосте дискуссии. Ничего интересного не было — просто порция очередного бессмысленного флуда Несогласных, упрямо не желавших верить в очевидное.

В свое время ЖЖ Лекаря был просто сокровищницей ярких и

неординарных несогласных личностей, «клеветников порядка», которые прекрасно смотрелись на шоу, — настоящие бунтари. Выпуски «Кто еще не согласен?» со Спайдерменом и Сантой получили самые высокие рейтинги в истории шоу, равно как и трансляция их Пауз Позора…

Теперь же все стало скучно и предсказуемо, никакой свежей струи. Раз в несколько дней — очередной пост поверившего в справедливость *согласного* Лекаря и очередная вялая волна возмущения нескольких несогласных. Что-нибудь про «подтасовку фактов», «подкуп автора», пара ссылок на *порядка. нет.*

Эти комментарии давно уже не тянули на нормальное полноценное несогласие, а любые попытки Мудрейшего задействовать «клеветников» на шоу заканчивались обычно фиаско: клеветники что-то затравленно мямлили, сразу же признавали себя во всем виноватыми, судорожно удаляли свои комменты, невыразительно каялись и обещали исправиться. Словом, никакого конфликта, противостояния не было…

На самом деле, конечно, грех жаловаться. Та волна несогласия и недоверия к ПСП и Совету, которую в свое время породило Открытое Письмо Лекаря, представляла собой нешуточную угрозу. И, сжеч, Второй не казнил тогда Лекаря сгоряча (а ведь собирался сначала — Мудрейший отговорил!), а действительно разобрался в проблеме и наказал виноватых. Казни они тогда Лекаря — получили бы стотысячника-мученика. А так у них был стотысячник-друг. Но для шоу друзья не годились… а впрочем, почему нет?!

«Вот его я и позову, — с облегчением понял Мудрейший. — Лекаря. Язык у него подвешен, я помню… А лицо такое открытое, честное… Хорошее лицо. Поговорю с ним этак теоретически — о клеветниках порядка, феномене несогласия вообще, ну и о его личной судьбе… А в конце шоу — амнистия всем „клеветникам“, которые официально признают свою неправоту и ошибку на страничке Лекаря… Рейтинги будут просто невероятные….»

«Ведущий — ассистенту, — застучал он по клавишам. — Пользователя Лекарь пригласить срочно ко мне в Резиденцию. Форма одежды „мне повезет“: будем снимать для шоу».

Изоптера

привет, гость! мы рады видеть тебя у ворот королевства Изоптера!

Изоптера — постоянно длящийся в люксурии акт, который создают более двух миллионов друзей.

если ты хочешь войти, введи свой логин и пароль…

упс! Неправильное сочетание логин-пароль. Попробуй еще раз!

…Поздравляем, ты успешно вошел в Изоптеру. Выбери себе одну из ролей:

личинка рабочий воин нимфа принц

Поздравляем! Ты — принц. Модератор Изоптеры покажет тебе дорогу и объяснит наши правила…

Привет, принц! Ты будешь жить с Королевой и еще миллионом принцев в королевских покоях. Изоптера смоделирована по аналогии с настоящим термитником. Следуй за мной! Королевские покои находятся глубоко под землей… Ну вот и пришли. Видишь? Пол выстлан прелой травой и мхом, чтобы Королеве было тепло. А потолок у нас здесь низкий и сводчатый, он почти касается спины Королевы — так что она просто не может уйти из королевских покоев и вообще с трудом шевелится ©

Смотри, какая она огромная, Королева! В десять раз больше тебя самого — как думаешь, справишься? ©

Как и в живой природе, наша Королева состоит в основном из живота © А еще у нее есть маленькие лапки, головка и передне— спинка, но эти части тела для тебя не важны. Твое место — вот здесь, под ее животом, вместе с другими принцами. Пока Королеву оплодотворяет кто-то другой, ты все равно можешь оставаться активным. Ты можешь ласкать ее, лизать и покусывать непрерывно, только старайся не оставлять на ее теле глубоких шрамов (иначе — штраф ©).

А когда придет твоя очередь, ты оплодотворишь Королеву. Твое яйцо обязательно попадет в ее кладку — и тогда ты получишь бонус!

Тролль

— …Счастлив сообщить, что в работе ПСП не выявлено никаких нарушений и злоупотреблений, — в третий раз повторил Лекарь. — Следствие показало, что Инструкции номер два, которые получал персонал нашего Центра якобы от сотрудников Службы Порядка, исходили на самом деле не от Службы Порядка…

— Стоп! — взбесился Мудрейший. — Вопрос не о том! Мой вопрос: что вы *чувствовали,* когда следовали Инструкции номер два?!

Лекарь вежливо и слегка озадаченно посмотрел на Зеро, перевел взгляд на ассистента, удрученно вздохнул и уставился в пол. Потеребил пальцами седую сальную челку.

«Неужели он *настолько* тупой, — подумал Зеро. — Или просто стесняется? Или не привык в первом слое… Нет, не то. Этот человек выступил с Открытым Письмом. В прошлый раз, когда он был у нас в Резиденции, он нормально поддерживал разговор. Может быть, издевается? Необычная такая форма протеста, несогласия, что ли…»

— Вы хотите участвовать в моем шоу? — спросил он Лекаря вкрадчиво.

Лекарь кивнул.

— Тогда четко и внятно отвечайте на мой вопрос. Что вы чувствовали, когда следовали Инструкции номер два и прерывали беременность?

— Большую честь и большую ответственность? — нерешительно предположил Лекарь и с надеждой взглянул на Зеро. — Благодарность Совету Восьми и Планетарной Службе Порядка?

Мудрейший мрачно покачал головой.

— Инструкции являлись результатом вредоносного вируса… — тихо проблеял Лекарь. — Ну я не знаю… какую реплику? Какую мне выбрать реплику?

— Оставьте, Мудрейший, — шепнул на ухо Зеро ассистент. — Вы разве не видите, что он тролль? Он не в состоянии поддерживать диалог. Просто тасует определенный набор записанных в памяти фраз.

— Вы тролль? — громко спросил Мудрейший.

Лекарь облегченно вздохнул и ответил без малейшей заминки:

— Не тролль. Троллинг в *социо* запрещен. Троллинг в первом слое невозможен.

— Вы помните, как выступили с Открытым Письмом?

Лекарь снова напрягся — вопрос был поставлен нечетко. На схожий вопрос: «Вы ли выступили с Открытым Письмом?» — существовал однозначный и ясный ответ: «Да, я выступил и приношу свою благодарность Совету Восьми за быструю и своевременную реакцию на мой сигнал тревоги»… Но это «вы помните» — оно как-то все затемняло. Это была ссылка на что-то, к чему он больше не имел доступа. На что-то муторное, злое и страшное, что было до… до чего? до рождения? до операции? До какой, собственно говоря, операции?..

— Это было до операции, — сказалось как-то само; он не понял смысла собственных слов, зато сразу понял, что слова были *запрещены,* потому что стеклянной болью лопнуло в голове *наказание.*

— До какой операции? — еле слышно спросил Мудрейший.

Лекарь молча откинулся на спинку кресла и закрыл глаза, дожидаясь, когда стихнет боль *наказания.*

— Ясное дело до какой. — Ассистент склонился над Лекарем, нацепил контактную перчатку и деловито убрал с лекарского лба седые жирные пряди. — Вот, взгляните, Мудрейший…

а кто не врет, тому мой муж голову разрезает, вот здесь

На лбу Лекаря Зеро увидел вертикальный бледно-розовый шрам. Аккуратный и совсем маленький — словно тонкий дождевой червячок высунулся из-под волос.

кожу и кости, все разрезает

— Это кто… — Зеро коснулся червячка пальцем, — кто с ним это сделал?

— Ой, ну что вы, Мудрейший, — засуетился вокруг ассистент. — Вы зачем же голой рукой, вот, возьмите перчатку, а то что ж это, кожа к коже, так ведь и затошнить может…

— Убери. — Зеро оттолкнул протянутую контактную перчатку; его действительно слегка затошнило, но не от соприкосновения с чужой кожей, а от жуткого ощущения, что на его собственном лбу — если потрогать — он нащупает такой же в точности шрам.

— Кто с тобой это сделал? — спросил Мудрейший, обхватив руками горячее лицо Лекаря.

— Сделал что? — Лекарь сморщился от отвращения и вывернулся из его рук.

— Операция. Шрам.

— Что, шрам? — Лекарь растерянно потрогал пальцами лоб. — А я и не замечал… В детстве, наверное, неудачно упал…

— Ага, упал, — обрадовался почему-то ассистент и зашептал, захлебываясь, Мудрейшему в ухо: — Говорят, это в клиниках

Психологической Помощи делают… Экспериментальная методика… Я сам раньше в первом слое не сталкивался, но читал, читал, было дело, сейчас в закладках найду… Ага, вот. Оперативное упрощение *социо-спо-* та, частичное стирание патологических очагов памяти в сочетании с точечными надстройками ложной памяти дают замечательный результат в случае тяжелых деменций, маниакально-депрессивных психозов и шиз…

— Изоп! — перебил его на полуслове Зеро. — Вы оба — изоп! В моем шоу… не будет…

ты ведь тоже мудрейший тролль

Он хотел сказать еще что-то, возможно, про троллинг, который недопустим, про говорящих кукол, которых он не потерпит на своем шоу, — но волна тошноты подкатила к горлу, склеив все слова в вонючий горький комок. Деревянными пальцами Мудрейший сорвал с себя микрофон и бросился вон из студии.

— Смерти нет, — вежливо сказал ему в спину Лекарь. — Я рад, что вы меня пригласили. Надеюсь, зрителям понравится шоу…

Зеро застонал и снова согнулся над ванной в сухом бессмысленном спазме. В нем не было уже ничего, даже желтой пенистой желчи, его рвало пустотой. Когда отпустило, Мудрейший плеснул в лицо холодной водой. Потом сунул голову целиком под струю и стал скрести ногтями воспаленную, покрытую болезненными мурашками кожу, — но аккуратно, только макушку и за ушами, и так, чтобы не смылись с локтевых сгибов личинки… Снова напрягся и словно бы распух в гортани язык, но на этот раз позыв был слабее. Мудрейший сделал глубокий вдох. Сейчас совсем полегчает. Сейчас отпустит, сейчас, он взял хорошую дозу… Три белых слева и три черных справа, тройной ЧБ… Действительно, вроде бы полегчало. Не разгибаясь, на ощупь, сорвал с крючка полотенце. Промокнул волосы, замотал лоб до самых бровей. Посмотрел на себя в заляпанное мутными брызгами зеркало.

— Привет, ничтожество, смерти нет! — сказал своему отражению. — **А** ну-ка, что там у тебя, покажи. Давай посмотрим, что у нас там такое под полотенцем?..

— Нет, не смотри…

будем ты тролль и я тролль и детишки у нас будут тролли

А что? Все было бы просто, да, это бы все объясняло. Крохотный шрамик на лбу — он объяснил бы последний год. Он объяснил бы все эти готовые фразы, вываливавшиеся с языка на «Кто еще не согласен?». Он объяснил бы

письма счастья — происки несогласных, как ты смеешь приписывать мне их слова?

Он объяснил бы

ты, роза, мать марка, признаешь себя несогласной?

Он объяснил бы

именем живущего приговариваю тебя к паузе позора…

Он объяснил бы

до встречи после рекламы! с вами мудрейший и его супершоу

Маленький розовый червячок, он объяснил бы детскую улыбку Мудрейшего.

Мудрость Мудрейшего.

Непреклонность Мудрейшего.

Жестокость Мудрейшего.

Он объяснил бы успех Мудрейшего-шоумена.

Он объяснил бы, как из Мудрейшего сделали куклу. Чудесного тролля, качающегося в мутном беспамятном мареве на *карусели…*

— Всего-то-навсего оперативное упрощение *социо-спота…* минутку… минуточку!., но я же не подключен!… да? ты так думаешь? — пьяно покачнулся двойник там, в зеркале. — А может быть, ты просто не помнишь? Ведь, знаешь, тролли часто не помнят важных вещей… Частичное стирание патологических очагов плюс ложная память… Подумай, разве возможно, что Мудрейший не подключен?

— Я подключен, но через внешний *социо-спот* и только во втором слое…

— Ну да, конечно, через «Кристалл». А если это самообман?..

Ложная память и ложное восприятие…

— …С чего ты взял, что «Кристалл» не внутри, а снаружи?..

Бред, бред… Это все яд, бакугановый морок, слишком большая доза…

Ну что ты, Мудрейший, надо любить бакуганов, бакуганы — друзья! Смотри, как они тебя сейчас укачают, пожалеют, согреют…

Мотнулись стены, чебэшная колыбель закачалась.

— Летим, тролль, — протянул к нему руки бледный двойник. — Давай с тобой отдохнем, умрем, задохнемся… Тройная доза! Так я еще никогда не летал!..

В пустоте к нему метнулась какая-то тень. Подползла совсем близко, принюхалась и сказала:

— Смерти нет, друг.

— Смерти нет, — ответил Зеро. — Я что, временно перестал?

— Почему ты так думаешь?

— Потому что я тебя вижу.

— Нет, никто из нас пока еще не перестад… Хотя ты, кажется, очень стараешься. — Крэкер неодобрительно качнул пушистой желтой башкой.

Собственно, выглядел Крэкер не то чтобы прямо как Крэкер. Слишком много у него было конечностей, ртов и лишний глаз на затылке. Но Мудрейший откуда-то знал, что это именно он…

— Что это за место? — спросил Зеро.

— Скажем так, — крэкерообразное существо задумчиво почесало большое круглое брюхо. — Мой персональный инвизибл.

— Ты больше не родишься? — спросил Зеро. — Не вернешься ко мне в первом слое?

— Прости, — сказал друг. — Возможно, когда-нибудь. Не сейчас.

— Почему?

— Понимаешь, самостоятельное тело мне только мешает. Слишком много энергии уходит на всю эту ерунду: переваривание, дыхание, испражнение… Паразитарное эмбриональное тело куда удобнее, но и это по большому счету обуза: сердцебиение, то-се… А вот замерший режим позволяет максимально беречь энергию для действий в *социо*. Ты не представляешь, на что я способен, когда меня нет физически… Кстати, сегодня я взломал в люксурии Изоптеру. Трахнул королеву раз десять подряд, без очереди… Заодно выяснил, кто она в первом слое. Тебе интересно?

— Не очень, — честно сказал Мудрейший. — Я видел рекламу. По— моему, это мерзость.

— Ну и правильно. Зачем тебе королева, когда у тебя такая жена… Кстати, о мерзости — ты поаккуратней с этими тварями. Шесть личинок зараз — это может быть паузной дозой!.. Впрочем, я рад, что ты сегодня передознулся. Иначе мы бы не встретились. Но ты все-таки не делай так больше…

— Скажи мне, Крэкер, — Мудрейший коснулся пальцами влажного полотенца, все еще обтягивающего лоб, — только честно скажи: я тролль?

Крэкер скорчился и мелко затрясся, прикрывая многопалыми лапками свои маленькие круглые рты.

— Ну, в каком-то смысле ты тролль, — сказал он, отсмеявшись. — Но не в том, в котором ты думаешь, не в техническом… Между прочим, скажу тебе как специалист: технический тролль вообще не в состоянии понять и даже предположить, что он тролль. Функция сомнения у него по умолчанию отсутствует.

— Значит, мне не делали операцию?

— Не делали, друг. И *социо-спота* у тебя внутри нет…

— Тогда почему я чувствую себя куклой?

— Потому, что ты и есть кукла? — предположил друг и снова прыснул в ладошки. — Ладно, ладно, не обижайся. Я помогу тебе разоблачить кукловодов. И сразиться с Чудовищем…

— Живущий — не Чудовище. Я не хочу с ним сражаться.

— А я разве спрашиваю, чего хочет кукла? — удивился крэкерообразный. — Сейчас возвращайся, сними это дурацкое полотенце и включи свой «Кристалл». И, знаешь что… помолись.

— Я не умею молиться!

— А ты попробуй, Мудрейший.

Система

…Очнулся больно и тяжело, словно летел и упал. Только на этот раз с куда большей высоты, чем обычно… Лежал скрючившись, на боку, на мокром полу, дрожа от озноба. Бакуганы ползали по лицу и спине, волоча по коже жесткие заостренные крылья, а один, самый жирный, лениво тонул рядом с ним на полу. Опрокинувшись на спину, в дурно пахнущей желтой лужице.

Держась руками за бортик ванны, Мудрейший поднялся на ноги. Стряхнул с головы полотенце — оно упало на жука белым саваном. Взглянул в зеркало. Чистый лоб, и никаких на нем шрамов. С чего он взял, что должен быть шрам?.. После шести личинок, впрочем, и не такое может помститься…

Качаясь от слабости, принял душ, загнал под струю воды и утопил в ванне неповоротливых крылатых жуков. Того, что под полотенцем, раздавил ногой через ткань и выбросил в унитаз. На полотенце остался черно-коричневый след.

В голове было пусто — но не так, как обычно после чебэ. Пустота на этот раз была не тем мягким, уютным клубком инвизибла, который наматывала внутри него *карусель,* — но тоскливым чувством, что узнал что-то важное, но забыл…

Оделся в то же, в чем был, — пропахшие потом мнеповезетные тряпки ведущего — и вышел из ванной. Клео была в гостиной. Лежала на полу, напряженно уставившись в потолок, — сериал смотрела, наверное, или писала что-нибудь в Журнале Живущего. Вокруг нее валялись какие-то смятые фантики, початая упаковка транквитами— нов, неживой раздавленный бакуган — полупрозрачный, в незавершенной стадии метаморфоза, — пустая бутыль из-под витакомплек— са… Он так и не смог отучить ее от этой дурацкой манеры кидать мусор на пол и туда же ложиться. «А что? Все так делают». *«Все* пусть делают, что хотят», — бесился Мудрейший. Она даже не трудилась понять, почему его так раздражает это ее пренебрежение к первому слою. К *его* слою.

Все пусть делают, что хотят. Там, вовне, за пределами Резиденции и апартаментов Мудрейшего. Пусть валяются на мягком мохнатом полу в своих скучных, скругленных первослойных каморках, среди вязкой, пружинистой и безопасной мебели, пусть жиреют и спят, пусть не моются по нескольку суток, погруженные в *социо*… У Мудрейшего все не так. У него интересно. У него все как в древности — деревянная *твердая* мебель и крытый паркетной доской *твердый* пол. У него

разноцветные мягкие пуфики, чтобы сидеть. У него на стенах картины — настоящие, с застывшими струпьями масляной краски, писаны на заказ: три пейзажа (лес, море и горы, красоты первого слоя), изображения диких животных… У него пианола — на ней можно создавать музыку в первом слое. У него библиотека — семь настоящих бумажных книг, пропахших тленом и плесенью… Только ей было все равно. Она ложилась куда придется на твердый пол и пересаживалась на пуфик, только если он напоминал. Она не трогала пианолу (зачем? у меня есть программа «чудо-композитор»), не рассматривала картины, не открывала бумажные книги. Ей не нравилась дубовая мебель — слишком много опасных твердых углов, от них синяки («А ты *смотри,* куда идешь, милая!» — «Что, каждый раз?!»)… В первом слое ее интересовала только лаборатория. Эти ее термиты. С людьми по-прежнему не получалось, а вот термиты давали фантастический результат — до двенадцати погружений…

— …Чем занимаешься? — спросил он, хорошо зная, что этот вопрос ее раздражал. *Социо* — личное. Спросить такое — все равно что потребовать пароль от почтового ящика. Но сейчас ему годилось и ее раздражение — все, что угодно. Все, что хоть как-то могло заглушить это тоскливое чувство *чего-то забытого.*

— Смотрю Позорные Паузы, — неохотно отозвалась Клео. — Только что перестала та женщина, Роза…

— Давай вместе посмотрим. — Он вывел «Кристалл» из сна.

— Нет, изоп! — Она села на корточки и обняла руками колени. — Мне хватает того, что здесь. Ты хоть в курсе, что теперь эти паузы транслируют принудительно? Каждый день, по пятнадцать минут, мне приходится смотреть, как они уми…

— Клео!

— Как они умирают! Что, не нравится слово? — ее голос сорвался на крик. — Запрещенное? Зато очень подходит. Они именно умирают, задыхаются, подыхают под стеклянными колпаками! Ты не знаешь, не чувствуешь, *как* они перестают, — этот твой изопный «Кристалл» показывает только картинку! А я — там!.. — Она закрыла уши руками, словно не хотела слышать собственный крик. — Каждый день пятнадцать минут вместе с ними! И плевать мне на положительную динамику!

— Не кричи на меня!

Она замолчала. Сидела на корточках, раскачиваясь из стороны в сторону, закрыв глаза и зажав уши руками.

— Извини, — глухо сказала Клео. — Извини, что я сорвалась. Это все шум, он сводит меня с ума.

— Какой шум?

— Ну, эти твои жуки, у них такой низкочастотный отвратительный гул… Или ремонт, который ты затеял для несуществующего Родного… Или… А ты разве не слышишь?

Он прислушался.

— Клео, в комнате тихо. Я всегда уничтожаю жуков после того, как… ну ты понимаешь. И ремонта пока никакого нет. Тебе просто хочется в чем-то меня обвинить.

Он отвернулся и сел за «Кристалл», спиной к Клео. Открыл Систему. Руки дрожали. Губы дрожали. Она несправедлива. Он все делает правильно, мудро. Выполняет свой долг. Помогает Живущему. Ему жалко этих несогласных людей, но они слишком опасны, чтобы их миловать. Только жесткими мерами можно добиться положительной динамики в болезни Живущего… Только жесткими мерами…

а ведь когда-то он знал: Живущему не хватает любви

Он все делает правильно.

потому что он — кукла, потому что он — он трус

Потому что так надо. Он уперся взглядом в Систему: положительная динамика налицо. Три-четыре заморыша, один из которых, посередине, его замерший друг… Навалилась тоска. Нужно вспомнить что-то важное, главное…

….Унизительное, первобытное, древнее, появилось вдруг желание кого-то о чем-то молить. Не Живущего, а кого-то другого — кто смог бы защитить их обоих, кто владел этим миром давно, еще до Рождества.

— Трепещите, ибо грядет, — бормотнул Мудрейший; он не знал до— рождественских молитв, только эти ошметки, случайно подслушанные у безумца Матвея. — Бог Трехглавый Небесный, да будет воля твоя, ишь ты еси неси беси…

…ВНИМАНИЕ! ЧТО-ТО УГРОЖАЕТ СИСТЕМЕ…

— …Я брожу во тьме, я не знаю, кто я и откуда пришел…

…СИСТЕМНЫЙ СБОЙ № 2 ЗАГРУЖАЕТСЯ В РЕЖИМЕ ПРОСМОТРА…

— …И прости мне мои грехи, ибо я как дитя…

…анализ данных…

В НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ ИНКОДОВ-ДУБЛЕЙ: 567

ИНКОДОВ-ТРОИЦ: 253

— …Ты направь меня, укажи мне мой путь, ишь ты еси неси…

…СИСТЕМА СООБЩАЕТ О НЕКОНТРОЛИРУЕМОМ РАЗРАСТАНИИ ЖИВУЩЕГО. МЕТОД ИСКУССТВЕННОГО УНИЧТОЖЕНИЯ ДУБЛЕЙ ПЛАНЕТАРНОЙ СЛУЖБОЙ ПОРЯДКА С УСПЕХОМ ПРИМЕНЯВШИЙСЯ ПРИ ПРЕДЫДУЩИХ РАЗРАСТАНИЯХ (40-е гг. II века от р. ж., 70-е гг. III века от р. ж., 20-30-е гг. IV века от р. ж.), СЕЙЧАС ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ НЕЭФФЕКТИВНЫМ…

— …Трепещите ибо грядет, ишь ты еси неси беси…

…СИСТЕМА СООБЩАЕТ О СЕРЬЕЗНОЙ УГРОЗЕ СПОКОЙСТВИЮ, СТАБИЛЬНОСТИ И ЦЕЛОСТНОСТИ ЖИВУЩЕГО…

— Яппп! — всхлипнула Клео, глядя в экран, на взбесившегося, распухшего «человечка». — Яппп! Он что — умирает?

Но Зеро не ответил. Потому что он уже не слышал ее. Потому что Система вырвалась за границы экрана и *явилась* ему. И впустила в себя, как древний дорождественский храм впускал в себя грешников и юродивых.

Откровение Мудрейшего в Доступном Саду

Расшарить этот документ со всеми

Друзья, нам врали. Но сегодня пришло время правды. Я видел Систему… Скорбите вместе со мной! Истинно говорю вам: я видел, как Тьма подступает. Число Живущего изменилось и продолжает меняться изо дня в день. Не все инкоды воспроизводятся вовремя, а некоторые не воспроизводятся вовсе. Иные же при воспроизводстве дублируются или даже троятся…

Лишь мне одному открывает себя отныне Система. Но истинно говорю вам: я буду расшаривать ее ежедневно со всеми.

Я вижу Систему… И хочу, чтобы вы видели тоже.

В приложении ловите мои Новые Заповеди

1.

Отныне Система — всеобщее достояние. Отныне Система будет прозрачна для всех.

2.

Нет больше лжи и нет больше лжецов во власти. Именем Живущего я распускаю Совет Восьми.

3.

Отныне живущие не в ответе за своих инка-предшественников. Именем Живущего я дарую амнистию всем исправляемым.

4.

Отныне каждый волен выбирать себе вектор по своим склонностям и талантам.

5.

Отныне каждый волен жить, сколько отмерено ему естеством и природой.

6.

Я узакониваю древний институт брака. Отныне мужчины смогут иметь постоянных женщин и брать их в жены.

7.

Я дарю женщинам право предохраняться, но также и право по собственной воле рожать и оставлять при себе желанных Родных.

8.

Во всех населенных пунктах я возведу храмы Трехголового Бога. Мягко рекомендую всем молиться в этих храмах за здравие Живущего.

Часть четвертая

Мудрейший Пророк

17.09.479 г. от р. ж. автописьмо

Я давно не писал автописем. Очень давно. Считал, что в этом нет смысла — раз с Живущим случилась беда. Но я передумал. Наверное, смысл все же есть — по крайней мере, он будет, если я сделаю то, что сейчас мне представляется правильным.

Если я сделаю то, что решил, тебе будет полезно прочесть все это, мой друг.

Да и мне полезно: хоть как-то соберусь с мыслями…

Сегодня взрывы гремели совсем близко от Резиденции, прямо с утра, пришлось провести весь день в бункере, пока производилась зачистка; собака сходила с ума. Она очень боится взрывов и любых громких звуков. Она очень боится всего и всех, кроме меня. Я конечно же выделил ей в бункере отдельное помещение. Побыл с ней немного, чувствуя, как воздух твердеет от густого и терпкого, невыносимого запаха ее страха, а потом ушел, запер ее там одну.

Одиночества она тоже боится. Мы с Клео и Сыном сидели в противоположном конце бункера, но даже оттуда слышали, как она там скулит и бьется. Собака так мучается у нас, что иногда я думаю: лучше бы она перестала… Напрасно я тогда послушался Клео и взял ее с фермы. Клео надеялась, что мы сможем ее приручить.

Тогда, сразу после Откровения, многие надеялись приручить фермерских животных. Они думали — раз Живущий умер или по крайней мере болен и слаб, — животные перестанут бояться… Но Большое Приручение провалилось. Все животные, которых взяли с ферм на одомашнивание, погибли в первые же несколько дней. Большинство перестало существовать от разрыва сердца — то есть просто от ужаса… Других пристрелили, потому что они вели себя агрессивно. Свиней, коров, кур и кроликов, полагаю, забили на мясо…

Вероятно, наша собака — единственное животное, которое до сих пор *живет в доме.* Потому что здесь я. Когда я рядом, она почти не боится…

А возможно, она — вообще единственное уцелевшее животное с фермы. Теперь, когда за фермами никто не следит…

Раз в неделю я выкладываю в *социо* фотографии: Мудрейший и его верный пес. Очень оптимистично. Дарит людям надежду.

Они не слышат, люди, как она скулит, тоскует и бьется, когда я ее оставляю. Не слышат, как она захлебывается визгом и лаем, когда к ней подходят другие. Мой Сын или Клео. Или Лейла. Или

Генерал.

Большую часть дня, пока шла зачистка вокруг Резиденции, играли с Клео и Сыном в «Кривляку». Я сам придумал эту игру — хотел создать что-то такое домашнее, объединяющее семью в первом слое… Игра несложная — давай расскажу, возможно, тебе пригодится. Если у меня все получится и настанут спокойные времена, расшаришь со всеми правила — мне будет приятно. Так вот, ведущий, то есть Кривляка, изображает какое-то слово или целую фразу. При помощи мимики, жестов и различных телодвижений (это, кстати, неплохо развивает координацию у детей в первом слое). А остальные должны угадывать, что именно он загадал. Очень просто, да? И все честно, никакое *социо* найти ответ не поможет: думать нужно самим, своей головой, иначе никак… Клео как— то раз пробовала, ради эксперимента — пропустила ролик с «кривля— нием» Сына через программу-анализатор. Результат был смешной: «Этот человек напуган и/или агрессивен. Судя по всему, ему требуется помощь Психологической Службы». А сын всего-навсего загадал слово «собака»… Мы с Клео очень тогда смеялись, и даже Сын вместе с нами тихонько постанывал, плотно сжав губы, — такой уж у него смех…

Он и сегодня постанывал, хотя было совсем не смешно. Сегодня Сын явно перегнул палку. Когда пришла его очередь быть Кривлякой, он лег на каменный пол, неприятно оскалился, свел глаза к переносице и в такой позе застыл.

— Стадия превращения куколки? — устало спросила Клео, глядя ку— да-то в сторону.

Сын отрицательно мотнул головой.

— Неживое животное? — предположил я.

Снова неверно.

— Сдаемся, — сказала Клео. — Что ты загадал?

Он что-то ответил ей в *социо.* Она вздрогнула, как будто от близкого взрыва, и наконец посмотрела на Сына. С неприязнью и каким-то отвращением, что ли. И сказала: «Не смей».

Она редко смотрит Сыну в глаза. Вообще редко на него смотрит — обычно немного мимо. Когда я ее спрашиваю, она всегда отрицает, но мне кажется, дело в том, что она так и не смогла его полюбить. Сын пугает ее.

Потому что он не умеет растягивать губы в улыбке.

Потому что он не смеется, а стонет.

Потому что он не Родной, а усыновленный.

Потому что он не может заснуть без яркого света.

Потому что он был исправляемым.

Потому что когда мы забрали его из Дома и привезли в Резиденцию и он впервые увидел мой «Кристалл-М», он ткнул пальцем в экран и за— гундосил: «Ситема. Ситема. Ситема». «Откуда он знает», — сказала тогда Клео спокойно и ровно и впервые посмотрела на него *этим* взглядом. На мониторе действительно была открыта Система. Сыну было три года. Он еще *не мог* знать.

Когда мы взяли его, ему было три года. Теперь ему десять.

Теперь он лежит на полу, неподвижно, оскалившись и тараща глаза.

И я говорю: «Ну, давай же, колись, что ты там загадал». Он нерешительно косится на Клео, он не знает, что делать. Ведь мама только что сказала «не смей». Она отводит взгляд и молчит.

Он отвечает:

— Я задумал слово «Живущий». Неживое чудовище.

А Клео шепотом говорит:

— Позову Лейлу. Пусть Лейла его уведет…

Приходит Лейла. Лейла любит нашего Сына. Она любит всех. Она говорит: «Живой или мертвый, Живущий полон любви, и каждая частица Его равно любит другую». Она кроткая, Лейла. Уже давно, с тех пор как вернулась из клиники, она любит всех. А шрам у нее совсем маленький, аккуратный…

Она совсем не скучает по своим Родным, даже не вспоминает о них. А я вот, как ни парадоксально, порой жалею, что их отослал. Они бы бегали по Резиденции и *смеялись,* играли бы с Сыном. И Сын, возможно, научился бы делать то же самое, что они…

Тогда я боялся, что дети Второго и Лейлы станут на что-то претендовать — возможно, оспаривать переход *мудрости* к Сыну, когда я перестану… Теперь все это не важно. Сын не будет Мудрейшим, им будешь ты. А здесь, в Резиденции, не слышно детского смеха… Они, наверное, уже перестали, Родные Лейлы. Ведь там такое творится. Не надо было их отсылать…

— …Пойдем со мной, Сынок Мясника, — воркует Лейла, уводя его за руку. — Пойдем сходим в храм. Помолимся Трехголовому, чтобы закончилось Сокращение и чтобы Живущий воскрес…

У нас есть храм прямо в бункере — маленький, но уютный…

— Он еще жив, — говорит мне Клео, когда мы остаемся одни, и глаза у нее опять совсем сумасшедшие, в последнее время с ней такое бывает. — Живущий до сих пор жив… Но ему плохо. Я слышу, как печально он воет…

— Это собака воет, — отвечаю.

— Собака тоже воет, но тише. Ты просто не слышишь. Ты

единственный не слышишь эти жуткие звуки!

— Наш Сын тоже не слышит.

— Нет, он слышит. Просто ему они нравятся…

…Потом приходит мой Генерал. Говорит, что зачистка окончена и можно возвращаться наверх. И что он только что отправил мне сводку. *Плохую* сводку.

Клео

Замучил тиннитус? Субъективное ощущение шума в ушах в отсутствие раздражителя? Ты просто в отчаянии, автодоктор не может помочь, и ты мечтаешь об автопаузе?

ВЫХОД ЕСТЬ!!! Просто качай самую лучшую музыку в социо!

Наша музыка заглушает шумы на любых частотах!

Наша музыка победит твой неврит слухового нерва!

13.00

Мьюзикмейкеров — в мусор. Зачем они врут? Зачем мы все врем, делаем вид, что это просто тиннитус? «Субъективное ощущение в отсутствие раздражителя»… Наглая ложь.

Раздражитель — он есть.

Просто мы слушаем, как умирает Живущий. Его вой, его стоны, его плач, его рев — без конца… Уже несколько лет мы слушаем, как Он умирает. Эти звуки не заглушить их изопной музыкой. Эти звуки сводят меня с ума. Мешают работать. Уже несколько месяцев я не заходила в лабораторию.

А ведь мои исследования чрезвычайно важны для Живущего… Между прочим, я стою на пороге большого открытия… Под лучом Л-JI термиты показывают результат до двадцати семи погружений… А ведь что есть термиты, как не мои друзья в *изоптере!*… По большому счету биологическое тело не важно… Когда Он умрет, мы все можем жить в *изоптере,* сделаем себе нового Живущего…

13.50

Перечитала свой предыдущий пост. Настоящий бред сумасшедшего. Это все шум. Яппп, как же громко сегодня Он воет!..

А сейчас небольшое затишье, и в голове прояснилось. Сохраню в памяти как автонапоминания:

— Подопытные термиты не имеют никакого отношения к *изоптере.*

— Опыты на людях по-прежнему не дают результатов.

— Не сходи с ума, Клео.

14.20

Прогнала себя через автодоктора. Моя память частично разрушена. Судя по всему, подхватила какой-то вирус. Вирусов сейчас очень много. Шум усиливается.

У меня неправильный цвет волос. Нужно его поменять.

Поддержать Живущего.

15. 00

От Его воя хорошо спасаться в люксурии. Там он тоже слышен — но кажется почти мелодичным. Вроде как фоновый саундтрек, на котором не заостряешь внимание…

Королева-матка сообщает о своем статусе.

Привет, я снова доступна.

Мудрейший Пророк

17.09.479 г. от р. ж.

Последняя сводка Второго Великого Сокращения:

За истекшие сутки совершено
— террористических актов в первом слое: 1566 (погибших: 12 456 чел, раненых: 9342 чел,)
— террористических актов/вирусных атак в *социо:* 11 569
— незаконных организованных автопауз в рамках подпольных Фестивалей Помощи Природе: 14 980
— незаконных автопауз вне фестивальных зон: 11 934
— уличных убийств: 5750
— краж и ограблений: 25 875

Армией Трехглавого Бога произведено успешных зачисток: 4965
— перестали существовать в ходе зачисток: 8400 террористов
— перестали существовать от различных болезней, голода и антисанитарии: 68 411 чел.
— перестали существовать от полученных ранее ран: 12 784 чел.

Обнаружено на улицах детей-беспризорников: 48 733
— сожжено/взорвано храмов Трехглавого Бога: 421

Права на территорию региона ЕА-1 вновь заявил: Златоконь (бывший Первый член Совета Восьми)
Права на территорию региона ЕА-2 вновь заявил: Златоконь Права на территорию региона ЕА-3 вновь заявили: Златоконь, Император
Права на территорию региона ЕА-4 заявили: Златоконь, Князь_ Тьмы
Права на территорию региона ЕА-5 заявил: Князь_Тьмы Права на территорию региона ЕА-6 вновь заявил: Император Права на территорию региона ЕА-7 заявили: Златоконь, Князь_ Тьмы, Император
Права на территорию региона ЕА-8 вновь заявили: Миротворец, Князь_Тьмы, Император
Права на территорию региона АЗ-1 вновь заявил: Дракон (бывший Шестой член Совета Восьми),,
— в ходе вооруженных территориальных конфликтов

истреблено: 16 943 чел.

(из них детей: 2570; женщин: 5342)

— в рамках телешоу «Кто еще нас обманывал?» предан Общественной Паузе Позора: 1 чел.

Итого за истекшие сутки (временно?) перестали существовать; **151 659** чел,

Воспроизвелись за истекшие сутки: 67 чел,

Число живущих на данный момент: 1 ООО 476 117 (один миллиард четыреста семьдесят шесть тысяч сто семнадцать) чел.

— Плохие цифры, — говорит Генерал сокрушенно. — Очень плохие цифры.

Как будто без него не понятно. С каждым днем — все хуже и хуже.

Не повторяй моих ошибок, дружок.

Я избавил людей от лжи — а они не в состоянии переносить правду.

Я дал им право на долгую жизнь — а они кончают с собой. В подпольных, грязных, заблеванных паузных зонах или просто на улицах. Потому что они, видите ли, не бессмертны.

Я подарил амнистию исправляемым, призвал их стать теми, кем они пожелают, — а они стали преступниками.

Я дал им нового, сильного бога взамен их слабого, полумертвого — а они разрушают храмы.

Я дал им мудрых территориальных наместников — а они встают под знамена прежних, безмозглых, лживых.

Я дал им право любить Родных — а они выгоняют их, семилетних, из дома.

Я дал им право любить друг друга — но они не умеют любить.

Они взрывают, сжигают, болеют, вешаются, рыдают, бьют слабых. Они тоскуют, копошатся в грязи, впадают в панику, разрушают себя. Они воюют за пустые пространства, запускают гоцио-вирусы, взламывают ячейки, стирают память, насилуют, мрут и не воспроизводятся. Они *сокращаются.* И Армия Трехглавого Бога уже не в силах их сдерживать…

— Мы больше не можем их сдерживать, — хмурится Генерал, и его шрам багровеет, как всегда, когда он взволнован.

Он так мне предан, так старается улавливать мои настроения,

выполнять мою волю, что иногда ему удается читать мои мысли. Хорошо, что я тогда согласился оставить его при себе. Он привел в Армию Трехглавого Бога почти что всю ПСП. И хорошо, что я упростил его *социо-спот.* он ведь, гаденыш, метил на мое место…

Теперь он смирный и преданный. Операция прошла очень успешно: он сохранил все профессиональные навыки и весь список контактов. Но он не помнит, как был Слугой и как был Вторым, — разве что какие-то первослойные проблески, обрывки кошмаров… Теперь он мой Генерал. Возглавляет Армию Трехглавого Бога, регулярно совершает молитвы и не обсуждает приказы. А если память играет с ним злые шутки, он не волнуется, потому что знает причину. Он ясно помнит, как его ранило в голову в одном из первых боев Сокращения… Ничего страшного, но *социо-спот* слегка задело осколком, и шрам остался.

Мой Генерал вдруг вздрагивает всем телом и стонет, закрывает лицо руками.

— Господь Трехголовый, — шепчет он, уткнувшись в ладони. — Господь, господь Трехголовый!..

Это очень на него не похоже. Я кладу руку ему на плечо — «рука Мудрейшего Пророка творит чудеса без окка!» — и тихо спрашиваю:

— Генерал, тебе плохо?

Он, как собака, облизывает пересохшие губы и медленно отнимает от лица руки. Его белки все сплошь в полопавшихся кровеносных сосудах. Его зубы стучат.

— Еще один теракт в *социо,* — говорит Генерал. — Я там присутствую. Мы все умираем.

Первые новости в ленте появились спустя четверть часа.

Мы ведем прямую трансляцию с места событий. В данный момент термитник охвачен огнем, повсюду обгоревшие тела насекомых, Несколько сотен *нимф* кружатся в воздухе, они явно в панике, Они отгрызают себе крылья и падают на землю, в огонь.

Какое-то шевеление происходит у выхода из норы — судя по всему, уцелевшие *рабочие* и *воины* пытаются протащить наружу обугленный труп Королевы,,

Взрыв Изоптеры — самый страшный социо-теракт за всю историю Великого Сокращения: почти миллиард пользователей совместно создавали этот ресурс на протяжении последних лет, До сих пор никто не взял на себя ответственность за это чудовищное по своей жестокости преступление, однако очевидно, что это не был смертник-одиночка, Для осуществления взрыва такой мощности в *люксурии* требовалась скоординированная и

хорошо организованная *фантазия* большого количества пользователей,

Миллионы погибших сегодня в *люксурии* друзей возмущены равнодушием и попустительством властей,

— Мудрейший Пророк не поможет нам, — прокомментировал ситуацию *Златоконь,* бывший член Совета Восьми, погибший сегодня в Изоптере как *принц.* — Потому что он нас не понимает, Не может разделить нашу боль. Мудрейший принципиально не хочет подключать себя к *социо* — у него есть всякие красивые объяснения такому вот поведению, но у меня на этот счет свое мнение. Он просто не хочет быть нашим *другом* в *социо,* вот и все,

— Это провокация. — Генерал уже почти успокоился, но голос все еще немного дрожит. — Чтобы началась паника. Думаю, Златоконь стоит за терактом. Прикажете его уничтожить?

— Отставить.

Он смотрит недоуменно, но при этом доверчиво, как собака.

— Прикажете доставить живым для участия в шоу «Кто еще нас обманывал»?

Я повторяю:

— Отставить. Достаточно мы отняли жизней.

— Так что прикажете?

Я долго молчу. Потом говорю:

— Ты и твой отец были правы.

Он трет руками свои налитые кровью глаза, как Родной, который не выспался. И снова смотрит — на этот раз умоляюще:

— Я не помню отца. Я вас не понимаю, Мудрейший…

…Старик был прав. И Слуга. И Четвертая тоже. Моя правда никому не нужна. Весь мир держался на их обмане.

Еще немного — и мы сократимся совсем, до *нуля,* Ха-ха. До меня.

Но я надеюсь, что ошибку еще можно исправить.

Сегодня я воскрешаю к жизни Живущего…

Моим преемником не станет мой Сын. Им станешь ты, мой инка-на— следник.

Ты только не питай иллюзий, пожалуйста. Никакое ты не мое продолжение. Просто это единственный выход.

Я закрою Систему.

Сейчас нас сколько — миллиард четыреста с чем-то? — возьму цифру поменьше. Миллиард. Хорошая, круглая цифра. А ну-ка: «Живущий равен миллиарду живущих»… Прекрасно звучит.

Итак, решено. Живущий воскрес, и число Его равно

миллиарду. Остальные досократятся, пока наладим стабильность. Кто не сократится, тех мы добьем. Для их же блага. Для блага Живущего.

Другого выхода нет. Я заставлю их успокоиться. Я заставлю их размножаться. Если будут лишние — уничтожу. Потом Система наладится и станет работать самостоятельно.

По крайней мере, в прошлый раз так и было. Если верить Четвертой. Тому, что она сказала на шоу «Кто еще нас обманывал?», прежде чем ее растерзали.

— Признайтесь, Четвертая, модератор помощи природе, когда вы впервые солгали?

— Мой инка-предшественник впервые солгал во времена первого Великого Сокращения.

Они тогда слепили Живущего из трех миллиардов, и триста тысяч было в запасе.

Зато помогло.

Я приговорил ее к Общественной Паузе Позора — хотя она бы и сама на днях перестала. Она была как скелет. Как Смерть, сошедшая с древних картин, чтобы принять участие в шоу…

…Я говорю Слуге:

— Не волнуйся. Тебе не нужно ничего понимать. Теперь иди и приведи в Резиденцию хорошего сисадмина.

— Зачем, Мудрейший?

— Воскрешая Живущего, я должен стать Его частью.

Генерал улыбается:

— Вас понял, Мудрейший.

Сын Мясника

…Отец подводит меня к «Кристаллу» и говорит:

— Смотри, сынок. В последний раз смотри на Систему. Я скоро закрою доступ.

И я смотрю, раз он просит, хотя и не понимаю: почему вдруг «в последний»?

Даже, к примеру, если он перестанет расшаривать Систему со всеми, я все равно ее буду видеть. Она всегда впускала меня, сколько я себя помню. Крэкер обещал, что Система никогда меня не прогонит.

Потом он долго смотрит в экран и произносит задумчиво:

— Мое счастливое число «восемь». Инкод № 8 давно свободен, возь— му-ка я себе восьмую ячейку….

И тут у меня снова вдруг начинается этот приступ, как будто я говорю чужие слова. У меня так бывает время от времени: как будто кто— то влез в мою голову и все за меня там решает. Я говорю ему:

— Молодец, хорошая интуиция. Это ведь твой номер и был.

Он спрашивает, что я имею в виду, а я сам толком не знаю. Не знаю, а говорю:

— Ты в принципе должен был быть дублем инкода О ООО ООО 008. Но Крэкеру удалось исправить и последнюю восьмерку на ноль.

А он кричит мне:

— Не ври! Крэкер тогда был ребенком! Он старше меня всего на два года!

Я пожимаю плечами:

— Крэкер — основатель. Он всегда будет на четыре с лишним века старше тебя.

Вид у отца становится такой глупый, что мне очень хочется засмеяться. Но мне нельзя. Я больно прикусываю язык и сжимаю губы.

Нельзя смеяться, пока Чудовище живо…

Потом приходит сисадмин и дает ему эту капсулу — мне тоже такую давали, давным-давно, в Доме… И говорит отцу:

— Подключение — великое таинство. Мне прочесть над вами Книгу Жизни — или же мудрость ваша столь велика, что вы помните текст наизусть?

— Я помню, — отвечает отец. — Только вот с первыми словами не знаю, что делать. «Живущий есть три миллиарда живущих….» — это ведь уже не соответствует истине.

— При чем тут истина? — пугается сисадмин. — Текст нужно

произносить по канону! Иначе программа не распакуется и неправильно встанет *социо-спот*.

— Хорошо, — говорит отец. — Пусть будет сейчас по канону. Только учтите — в ближайшее время канон мы изменим. «Живущий равен миллиарду живущих», — так будет все начинаться…

Когда сисадмин уходит, отец принимает капсулу и начинает обряд.

А я говорю ему:

— Папа, не надо. Чудовище должно умереть!

Но он все читает. Он жестом отсылает меня. И я ухожу.

мое чудовище должно умереть

Я знаю, где он хранит своих черных личинок.

Тролль

…И вот в Саду я встречаю хозяйку, и волосы у нее черные-черные, и пятна краски на лбу и шее. А на поводке она тащит собаку. Собака хрипит, трясется вся, и пена у нее изо рта — она ведь страсть как боится всех нас, кроме Мудрейшего.

Я ей говорю:

— Господь Трехголовый, хозяйка, что же вы сделали со своими красивыми медовыми волосами?

А она смеется, чудно так, и говорит:

— Я просто сгорела и теперь я вся черная.

Я говорю:

— А собака-то вам на что?

А она отвечает:

— Как на что? Для науки. И ты иди со мной тоже, Лейла. Ты ведь хочешь поучаствовать в эксперименте, науке помочь?

Ну и я пошла с ней в лабораторию, потому что страсть как обрадовалась, что смогу быть полезной науке. И хозяйка нас запихнула в эти железные длинные штуки, меня в одну, а собаку в другую, а еще перед этим сделала какой-то укол. Ну и я там немного испугалась, внутри, потому что было темно и воздуха мало, и собака выла тоскливо так, но вроде все обошлось. Хозяйка скоро нас выпустила.

Собаку вырвало прямо на пол, а потом она убежала.

— Сейчас я все подотру, не волнуйтесь, — говорю я хозяйке. — Вы мне только скажите, помогли мы науке?

А она говорит:

— Ну конечно! Я сейчас тебе в почту пришлю результат.

И тут же пришло мне от хозяйки письмо, только понять я ничего не смогла.

Там вот что было: «Прах — 5 секунд тьмы — жизнь — 5 секунд тьмы — прах. Все добровольцы собачки показали одинаковый результат».

А потом она обнимает меня, прямо так, без контактных перчаток, и говорит:

— Прощай, Лейла.

Я ее спрашиваю:

— Куда это вы собрались?

А она:

— Схожу-ка на Фестиваль.

— Да вы что, говорю, хозяйка, останьтесь, там, снаружи, опасно. Не дойдете вы до Фестиваля, да и запрещены ведь они!..

Но хозяйка упрямая.

— Дойду, не дойду, говорит, разницы нету…

А с порога еще оборачивается и говорит:

— Слышишь, Лейла? Больше нет шума.

И уходит. А я остаюсь подтереть, что собака напачкала. И, квин, прислушиваюсь, а шум и правда исчез.

Только мне он не особо-то и мешал. Все равно что как ветер.

О

Десятки жирных двухголовых жуков летают по комнате, ползают по моей коже. А я уже не могу шевелиться. Не могу их согнать.

Сознание есть, оно никуда и не уходило. Просто холодно. Так холодно, что невозможно дышать, смотреть, двигаться. И очень тихо. Тихо в моей груди.

Мне кажется, я теперь изо льда. Примерзли к векам закатившиеся глаза; застыли руки; застыли и слиплись ноги.

Мне кажется, я твердый и ледяной, меня не сломать. А если вынести мое тело на солнце, оно растает, впитается в землю водянистой сукровицей…

Но солнца нет.

Мой Сын сидит в противоположном конце комнаты и шмыгает носом. Надеюсь, он хоть немного сожалеет о том, что со мной сотворил… Где— то рядом грохочут выстрелы.

Приходит собака. Тычется мордой в мое одеревеневшее тело и тонко скулит.

Незаметно и тихо я временно перестаю жить, а спустя пять секунд появляюсь в Системе снова. Под номером ноль.

А потом возникает еще один ноль.

И еще.

Маленькие круглые дырочки в теле циферного человечка, их все больше и больше…

Собака воет над трупом. От выстрелов дребезжат стекла, но собака от меня не отходит. Она лижет мои застывшие руки.

Она настолько поглощена своим горем, что позволяет Сыну подойти совсем близко.

Они оба сидят над телом. Собака дышит часто и тяжело, из ее пасти пахнет горячей гнилью. От взрыва лопается и вылетает стекло; собака испуганно вздрагивает. Сын осторожно протягивает к ней руку и гладит по встопорщенной шерсти. Она вяло огрызается, но остается на месте.

Позволяет ему себя трогать.

— Смерти нет, — говорит ей Сын и нерешительно улыбается.

Собака смотрит на него, склонив голову набок.

Улыбка у него совсем детская.

notes

Примечания

1

яппп — популярное сокращение *социо*-чатов: «Я плачу перед паузой»; с начала второго века от р.ж. вошло в первослойную лексику.

2

квин — популярное сокращение *социо*-чатов: «Клянусь вечным инкодом»; с начала третьего века от р.ж. вошло в первослойную лексику.

З

изоп — популярное сокращение *социо*-чатов: «Иди в зону Паузы»; используется как оскорбление, в *дружеской* речи возможно использование в качестве шутки. Вошло в первослойную лексику в первом веке от р. ж., вскоре после проведения первого Фестиваля Помощи Природе.

сжеч — популярное сокращение *социо*-чатов: «Слава Живущему и Его частицам»; с конца второго века от р.ж. вошло в первослойную лексику.

brain-to-Brain.

от — аббревиатура: одноразовый контактный костюм.